

*П а р а д
П л а н е т
111
П р о з а*

сборник текстов – победителей
прозаических конкурсов «Литгалактики»

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика,
2022. – 162 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в третьи полгода полёта (18.01.2022 – 17.07.2022).

I. Планета Голливуд

Планета Голливуд

предлагает разнообразные конкурсы, связанные с кино (темой ли, названием или сюжетом). Большие и короткие, прозаические и поэтические – на любой вкус.

Прозаические конкурсы планеты Голливуд:

Короткометражка – серия конкурсов новых миниатюр не более 1000 знаков на заданную тему.

Браво, маэстро! – серия конкурсов рассказов до 5000 знаков с использованием заданных слов.

Короткометражка – 8

За мужество

Marara

Моя дочь училась игре на пианино. Этюды она запоминала играючи, но легко и свободно воспроизводимые дома мелодии на выступлениях всегда шли через пень колоду. Болезненная стеснительность, страх публики, острое желание сыграть как можно лучше – всё это заставляло деревенеть крохотные пальчики и леденеть её сердечко, но она, как маленький солдатик, честно взбиралась на сцену и садилась к инструменту.

Однажды, когда моя семилетняя дочка на удивление бодро добралась до середины своего этюда, внезапно погас свет. Окон в зале не было, и мрак был огромным испытанием для робкого семилетнего ребёнка, отрезанного от всех сцен и мучительно боявшегося даже засыпать без лампы. Организаторы выбежали из зала разбираться; тишина сменилась гулом.

Когда вспыхнул свет, девочка, стрункой сидевшая за пианино, ударила по клавишам: она продолжила выступление с той самой ноты, на которой его оборвала внезапная темнота. Мы никогда не слышали и не услышим таких аплодисментов – аплодисментов за мужество.

Вальс Шопена

Галка Сороко-Вороно

Жили мы в небольшом рабочем посёлке. Никаких достопримечательностей, кроме детской площадки, где мы играли под присмотром вожатой-восьмиклассницы Лены. Однажды в сильную грозу мы укрылись в бывшем клубе, где было раздолбанное старое пианино. Все по очереди подобрали знаменитого «Чижика», а Лена показала «Собачий вальс». У меня тоже получилось! А потом я узнал, что собачий вальс сочинил сам Фредерик Шопен для Жорж Санд, точнее – для её собачки. Потому и собачий.

Папин друг жил в Москве, и однажды мы всей семьёй поехали к нему в гости. Меня поразила московская квартира: ковры, хрусталь... Я такого в жизни не видел! Мама велела сидеть – не мешать, мол, потом поедem смотреть Красную площадь. И тут я заметил в углу блестящее пианино, и я отражался в нём, как в зеркале! Хозяйка поймала мой взгляд:

– Ты играешь?

Я скромно ответил: немножко...

– А что?

– Вальс Шопена, – гордо ответил я. Но сыграть меня не попросили. К счастью...

Браво, маэстро! – 2

Ирония судьбы
Ирина Архипова

«Берегись или не берегись автомобиля, а коли суждено тебе погибнуть под колёсами – своей судьбы не избежишь, – размышлял Иван Петрович, запирая гараж. – Как её, судьбу, избежишь? Да и зачем избегать? Зачем чего-то бояться? Кто знает, что там, за границей жизни? Появляется человек ниоткуда и уходит в никуда».

Вот где сейчас его закадычный друг Павел Степаныч? Ещё неделю назад они с Пашкой, как старики-разбойники из знаменитого фильма, ходили в музей на выставку картин Рембрандта, смеялись над любимыми актёрами, примеряя на себя их роли. Даже потребовали у зрителя: «Дайте жалобную книгу!» и написали в ней, что, по их мнению, мировые шедевры плохо охраняются.

А теперь нет Павла Степаныча. Шёл себе Пашка из бани вечером, никого не трогал. Наверняка и по сторонам внимательно смотрел. Ведь сколько помнил своего друга Иван Петрович, тот всегда соблюдал правила дорожного движения и даже пустую дорогу на красный свет не переходил. И никак объяснить себе этот несчастный случай Иван Петрович не мог, кроме как «Ирония судьбы, или С лёгким паром!».

«Эх, Пашка... – вздохнул Иван Петрович. – Чистым человеком ты жил, чистым и ушёл...»

Планета путешествий

II. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Для тех, кто хочет поэкспериментировать с формами и жанрами, мы открываем новую площадку – Выбор пути.

Это творчество на стыке прозы и поэзии, а также короткие формы поэзии.

Прозаические конкурсы планеты Путешествий:

Созвездие Ориона. Второе путешествие. Три предложения.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Интересный доклад».

Земля – Созвездие Дракона. Конкурсы сказок.

Земля – Созвездие Мухи. Конкурсы абсурдизмов.

Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о любви.

Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о животных.

Земля – Орион. Игра в ЦУП (условный 55-словник).

Парад Планет – победители прозаических конкурсов

Земля – Созвездие Жирафа. Конкурсы рассказов о детях и для детей.

Земля – Созвездие Эридан. Конкурсы мистических рассказов.

Земля – Орион – Минтака. Домашнее задание (55-словники).

Созвездие Гончих Псов. Конкурсы фантастических рассказов.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Первичное исследование».

Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич».

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары».

Выбор пути. Конкурс «Выбери свой день» – смешанный конкурс стихотворений и прозаических миниатюр.

Выбор пути. Конкурс «Кот в мешке» – смешанный конкурс стихотворений и прозаических миниатюр.

Созвездие Ориона. Второе путешествие. Три предложения.

На парковке Елена Уварова

Моя подруга, паркуя свою машину, случайно зацепила чужую. Вложила под дворники записку: «Позвоните мне, и я оплачу ремонт за царапину». На телефон ей пришло сообщение: «Вы ничего мне не должны – Ваша порядочность стоит дороже».

Семнадцать медведей Людмила Кац

9

Время, необходимое внуку для погружения в послеобеденный сон, бабушка Лида привыкла измерять в медведях, то есть в количестве повторений (в бабушкином исполнении) песенки про медведя, наступившего лисе на хвост на лесной дороге. Давным-давно, когда бабушка Лида была в нежном возрасте ее нынешнего внука, ей самой медведь наступил на ухо, видимо, перепутав ухо с лисьим хвостом и на всю оставшуюся жизнь лишив Лиду музыкального слуха, но это грустное обстоятельство ничуть не мешало ни исполнительнице, ни слушателю. На середине семнадцатого медведя ресницы внука, наконец, сомкнулись, пухлая щека прижалась к матрасу, нос равномерно засопел, а бабушка Лида в изнеможении откинулась на спинку кресла и мгновенно окунулась в сладкую дремоту.

Старая вешалка Николь Аверина

Она не помнила, что подтолкнуло её к этому опрометчивому шагу: отчаянная тоска по ушедшему мужу и давно забытым отношениям, или ледяные объятия одиночества, каждый раз наступающие её в канун Нового года, но факт, о котором она вспоминает с достаточной долей самоиронии и присущим ей юмором, остаётся фактом – объявление, надиктованное неизвестным персонажем, было опубликовано.

«Старая вешалка, 1950 года выпуска – антиквариат, б/у, но в хорошем состоянии, габариты 162/65, ищет мастера, способного вдохнуть в неё новую жизнь».

Кто управлял её мыслями в тот момент – неведомо, но, после тщательного отбора, Мастер нужной квалификации был найден, и теперь

отреставрированный стан сияющей вешалки нежно обнимают два тёплых шерстяных свитера, в которых они совершают совместные лыжные прогулки по заснеженному парку...

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Интересный доклад»

Есть – хорошо, а нет – ещё лучше

Ирина Архипова

Здравствуйте!

Сегодня мне выпала возможность сделать доклад на тему «Есть – хорошо, а нет – ещё лучше». А действительно ли это так? Попробуем порассуждать.

Возьмём, к примеру, собаку. Есть собака – это хорошо. Почему хорошо? Да мало ли какая польза может быть от собаки! Она может квартиру охранять, выводить вас на прогулку в пять утра вместо зарядки, и чтобы вы нагуляли аппетит, а может своим громким лаем прогнать кошек, которые у вас на душе скребут.

А если её, собаки, нет – ещё лучше. Сразу вспоминается песня: «Если у вас нет собаки, её не отравит сосед...». То есть, если нет собаки, то не придётся вам оплакивать своего горячо любимого четвероногого друга. А кроме того, не нужно будет по утрам и вечерам в любую непогоду тащиться на улицу. Не надо будет закупать килограммами «Pedigree», а также тратить деньги на прививки, ошейники, поводки, собачьи шампуни и думать о том, куда пристроить питомца на время вашего отпуска.

11

А вот кто тогда прогонит кошек прочь? Но ведь кошки не всегда безобразничают, царапаются и пакостят в тапочки. Кошку приятно приласкать, с ней можно поиграть, а она может тихонько помурлыкать, успокаивая вас или заговаривая вашу боль. А ещё кошка может избавить вас от мышей. Как «нет мышей»? А вы заведите! – как советовал папа дяди Фёдора. И будет от кошки ещё больше пользы! Вывод: если есть кошка – это хорошо!

А если кошки нет, то ещё лучше: не летает по всей квартире пух, обивка мебели не ободрана, занавески без зацепок, миски/лотки мыть не нужно, на душе никто не скребёт, а мышам – вообще полное раздолье!!! Как «нет мышей»? А вы заведите!

Ведь если есть мыши – это хорошо. А чем же это хорошо?... Хм... Ну, например, они крошки на полу будут подъедать. И на столе, кстати, тоже. Вон моя знакомая как-то раз зашла на кухню, а на столе мышонок сидит. И смотрит на неё удивлённо. А живёт она, между прочим, на пятом этаже.

Но мышь на кухонном столе – это не очень гигиенично. Да и не только на

столе... Следы пребывания мышей в доме вообще мало симпатичны. Поэтому делаем вывод: нет мышей – ещё лучше! Чище и аккуратнее, как минимум. Да и крошки и прочие продукты целее будут. Хотя для сохранности продуктов можно холодильник использовать, мыши в него точно не попадут, как и кошка.

Если есть холодильник – это хорошо! Это и сейф от грызунов, и всегда свежие продукты в наличии – можно безопасно их есть. Есть!!!

А есть – хорошо! Есть – это поддерживать себя в нормальной физической форме, пополняя запас истраченных на борьбу с мышами, кошачьим пухом и собачьими пробежками калорий. К тому же это вкусно! Так что есть – хорошо!

А нет (в смысле, «не есть») – ещё лучше! Тогда точно не поправишься и не придётся покупать очередную юбку на размер (а то и два) больше, чем была предыдущая. Какая экономия денег и на одежде, и на продуктах! Но здесь главное – не перестараться, чтобы не получить иных, более серьёзных проблем. В общем, «не есть» – лучше, но в меру.

Возвращаемся к рассуждениям о холодильнике. Если нет холодильника – это лучше, чем если он есть. Во-первых, это экономия электричества. А во-вторых, соблазнов меньше – фигура стройная, как тростиночка, а сами вы энергичны и легки на подъём. Вам радостно по утрам вставать и накручивать круги по дворам вместе с любимой собакой. Вдвоём безопаснее и веселее. Если есть собака – это хорошо!

Теперь мы убедились, что «есть – хорошо, а нет – ещё лучше». Решение остаётся за вами. Только не надо забывать про поговорку «лучшее – враг хорошего». Но об этом мы поговорим в следующий раз.

Психология клавиатуры

Виктория Соловьёва

Добрый день, дорогие коллеги!

Давайте попробуем разобраться в странной, на первый взгляд, теме: «Психология клавиатуры».

В чём же здесь суть? Суть в том, на мой взгляд, что клавиатура – не только ответственна за ввод информации и прочно связана с процессором, но каким-то хитрым образом начинает руководить мозговыми структурами человека. Она нас понимает, она смеётся над нами и она нас подводит под монастырь.

Иногда, печатая, я замечаю, что клавиатура сама подсказывает мне слова, не буквально, но как будто подталкивает. Я прямо вижу рисунок на клавиатуре, и текст становится более объёмным, сложенным, я бы даже сказала – ровным. А то вдруг рисунок пропадает, и сколько бы я не смотрела на эти клавиши и буквы, а ничего напечатать не могу, вот прямо ни одного слова. Обидно когда клавиатура бастует! Хорошо если недолго.

13

А ещё она иногда шутит со мной, перевирая слова, которые я хочу напечатать, меняет местами буквы и получается что-то вроде э-э-э совместного словотворчества. Например, пишу сообщение по ватсапу классному руководителю своей дочери: Гадина Ивановна, добрый день! Это Клава, мама Светочки Бесопечаток... Представили? Но это не так печально как промахнуться с частицей «не» и напечатать в библии: «Прелюбодействуй!». Был такой реальный случай. Тираж библии было приказано уничтожить. Никак бес шутит... Возможно, именно это убедительное оправдание породило знаменитый по сей день каламбур – «бес опечатки».

Бес?

А может это настоящий бунт букв. Как мы видим, не только у меня буквы то появляются, то бесследно исчезают, но и в типографиях тоже такое случается.

Я свою клавиатуру задабриваю. То кофе налью, то кусочек печенья ей перепадёт. Но потом всё что она не захотела, уберу. А как она любит мыться, прямо блестит от удовольствия! Моя родненькая. Отсюда закономерность: клавиатура привыкает к одним рукам. Чужие руки, как чужая речь, портит характер (я экспериментальным путём выявила, – каждая клавиатура имеет свой независимый характер). На чужой клавиатуре не только буквы начинают прятаться, но и разные знаки дают понять, что меня не знают и знать не хотят. Знаю, в такой ситуации не то, что возвышенных чувств не испытываешь, а попросту боишься промахнуться и написать какую-нибудь чушь, как это

случилось с одним французским географом. Судите сами, кто тут виноват, цитирую:

«Французский географ рубежа XVIII-XIX веков Конрад Мальт-Брюн, описывая одну гору, назвал ее высоту: 36 000 футов над уровнем моря. Хватил лишнего: на Земле нет гор высотой 12 километров. Однако наборщик ошибся еще на один ноль – 360 000.

На полях корректуры Мальт-Брюн внес исправление. Наборщик понял его превратно и добавил пятый ноль. Гора вышла высотой 1200 километров.

Читая вторую корректуру, географ пришел в бешенство и написал на полях: «36 миллионов ослов! Я писал 36 000 футов!». В итоге книга вышла в свет с таким текстом: «Самое высокое плоскогорье, на котором проживают 36 000 ослов, простирается над уровнем моря на высоте 36 миллионов футов» – это настоящий бунт слов и бедный наборщик не виноват!

А этот пример вопиющий – нельзя так шутить на самом высоком уровне. В одной одесской газете при описании коронации было напечатано, цитирую: «Митрополит возложил на голову Его Императорского Величества ворону» – это настоящая насмешка букв над его величеством!

А вот этот бунт букв стоил, наверное, очень дорого главному редактору газеты «Челябинский рабочий», ведь именно в этой газете буквы посмеялись особенно зло, цитирую: «"Челябинский рабочий" в 1936 году напечатал резолюцию областного съезда Советов, не забыв про успехи, "достигнутые за 19 лет под руководством партии Ленина-Сталина"». А в журнале «Молодой колхозник» случилось совсем непоправимое... Журнал сообщил ошеломлённым читателям, что, цитирую: «в 1920 г. В.И. Ленин окотился в Брянских лесах».

А бывает, что буквы просто разрешают нам весело рассмеяться. Пример? Пожалуйста! Опять процитирую: «Ленинградская газета "Смена" опубликовала в 1970-е годы фотоснимки из зооуголка, сопроводив их словами о "маленьких длинноухих зверьках". В слове "длинноухие" буквы "у" и "х" поменялись местами.»

Я сплю и вижу, как печатаю, как проседают при нажимании клавиши клавиатуры. Они мягкие – едва касаешься их, и появляются буквы. Я привыкла к шрифту и хорошо воспринимаю желание клавиатуры точно следовать моим указаниям. Просто во сне всегда почти всё идеально... Есть ощущение, что олдже – это судьба правого полушария, а фывапр – левого. Пальцы ноют даже утром.

Вот такие закономерности выявляются при пристальном взгляде на клавиатуру. А вывод прост: психология клавиатуры близка по всем признакам к психологии человека. Давайте отдыхать своей подруге, и она будет служить вам долго, прислушиваясь к любому вашему желанию. Цените её шутки, и она никогда не отвернётся от вас!

Так что там с бесом? Поговаривают, что он был в сговоре с печатающими машинками. И сейчас жив – курилка (проверено) поэтому будьте бдительны... как увидите опечатку, знайте – это бес опечаток рядом.

Доклад подготовлен: Клавой Бесопечаток

Клянусь говорить только правду?

Aleker

«Приврал чуть-чуть, чтоб быть правдоподобней»

Вера Рехтер

Хоть в детстве нас учили говорить только правду, любой ребёнок врал.

Родителям, что в школе ничего не задано; учителям, что ухаживала за заболевшей бабушкой и вынуждена была нести ей пирожки и масло через тёмный лес; друзьям, что была съедена волком, а потом спасена дровосеками. Но ведь не верил никто.

«Сказки» – говорил дядя Шарль, что-то быстро записывая в своём блокноте и лукаво усмехаясь.

Пойдите и скажите своему начальнику, что вы опоздали на работу из-за того, что пришли домой пьяным и только под утро. Да вас уволят в тот же миг!

Другое дело, если вы расскажете правдивую историю о сломавшемся будильнике... Или о застрявшем лифте... Или о спасении незащищенной девушки от хулиганов, вследствие чего оба нападавших сейчас зализывают раны где-то в больнице, а вам пришлось ехать в полицию для дачи показаний... Или о бешеной собаке, набросившейся на старушку с палкой... Возможно, старушка сама бы защитилась. Вы видели, как она, махая сломанной палкой, словно нунчаками, и сделав двойное сальто вперёд, приземлилась позади собаки и уже собиралась нанести смертоносный удар. Но у пса вместо хвоста была вторая голова, ещё более страшная и зубастая. И лишь ваше самоотверженное вмешательство спасло старушку. Вы достали из портфеля стопку бумаги... Да-да, ту самую, с накладными, которые несли начальнику на подпись... Быстро свернули из листов длинное лассо и с первого же броска охватили обе головы животного, прижав их друг к другу...

Поверьте мне, детали решают поверят вам или нет.

Возьмём, кстати, поэзию. Что мы читаем у некоторых авторов?

«Я был в лесу, там видел дерево. На нём сидела птица. Она чирикала.»

Ну бред же!

А если так:

Наслаждаясь липовым цветом и вдыхая витающий в воздухе сладковатый аромат, я увидел стрижа, насвистывающего «Боже, царя храни», чуть запинаясь на до-мажоре...

Вооот! Совсем другое дело! «Сразу верю» – закричит Станиславский.

Какой же из всего вышесказанного следует сделать вывод?

Врать – грешно. А приврать, разукрасить свой рассказ, сделав его максимально правдоподобным, – просто необходимо. Этим вы не только развиваете свою речь, но и обогащаете фантазию.

Созвездие Дракона. Третий конкурс сказок

Талант в наследство

Джон Маверик

Чиновник, сонный, как осенняя муха, лениво шуршал бумагами. Его холеное лицо выражало скуку и отвращение. Пятница, без четверти пять. Конец недели и рабочего дня.

Пауль терпеливо ждал, в то время, как его мысли крутились, точно жернова, медленно перемалывая факты и цифры. В этом квартале он продал в полтора раза меньше страховок, чем в предыдущем. Это значит, что о премии можно забыть, а жена – та еще пила – покрошит мозг на куски. Она же все продумала, чуть ли не до цента расписала, и вдруг такая неудача. О, да, с грустью признался себе Пауль, в искусстве тратить его деньги, Мире нет и не было равных.

– Итак, господин Кремер, – бесцветным голосом произнес чиновник. – Вы хотите принять наследство вашего покойного дяди, Дирка Кремера?

– Да, хочу, – вздохнул Пауль.

Бюрократ извлек, наконец, из кипы документов нужный бланк.

– Тогда распишитесь. Вот здесь, где крестик. И дату поставьте. Сегодня восьмое июля.

Пауль пожал плечами. Наследство. Смешно. У Дирка гроша ломаного не было за душой. Поэт и философ, он всю жизнь прожил на съемных квартирах, работая от случая к случаю. Сменил трех или четырех жен. С последней, востроносой неопрятной особой, Пауль беседовал накануне.

– Что он мне оставил? – усмехалась женщина. – Долги и головную боль!

– Тогда зачем вы меня позвали? То есть, я бы все равно приехал... Проститься и все такое. Знаете, мы с Дирком дружили в детстве. Он же всего на три года старше меня. Вместе росли. Ходили в одну и ту же школу. Он мне был, как брат, всегда меня защищал. Я им гордился тогда. Он был, я не знаю... особенный. И парни, и девчонки за ним гурьбой ходили. А он и не замечал никого, весь в себя погруженный. В школе его считали одаренным ребенком. Кто же мог подумать, что Дирк вырастет таким...

Пауль запнулся. Горькое слово «неудачник» чуть не сорвалось с его губ.

– Ну, это меня не касается, – фыркнула вдова. – Дело вот в чем. Он завещал нам свой талант. Какой? А бес его знает. Лично мне никакой не нужен. Если вам надо – берите.

Пауль думал, что она отдаст ему какие-то рукописи, но женщина покачала головой.

– Ничего он не записывал, только мечтал все время. Часами мог смотреть на какой-нибудь цветок, на звезды. Как ребенок, даже хуже. Разгильдяй был редкостный. Ладно бы книжку издал – хоть какой толк... Что вам делать? Просто идите в суд и скажите, что вы – наследник Дирка Кремера. И получите... понятия не имею, что получите. Прошлогодний снег на голову? Мигрень? Шизофрению? Какие таланты у раздолбая? Мне все это точно не нужно. А вы как хотите.

«Эх, Дирк», – печально улыбнулся Пауль, черкнув на листе стыдливую закорючку. Наверное, это символическое действие – принять в наследство частицу чужой души. Расписавшись на казенном бланке, он таким вот странным образом почтил память любимого дяди, названного брата. Ну, и все на этом.

19

Оказалось, что не все.

Первый раз на него накатило тут же, в кабинете. Тайнственно и красиво сверкнул на столе граненый стакан и, преломив солнечный луч, разбросал его по столешнице хвостом сказочной жар-птицы. Пауль удивленно потер глаза. В приоткрытую форточку разноцветными струйками затекал птичий щебет, и от сладковатого цветочного запаха кружилась голова.

Это было похоже на внезапную болезнь, и, застонав сквозь зубы, Пауль заторопился к выходу. На воздухе ему ненадолго стало легче. Слабый ветерок охладил разгоряченное лицо и развеял наваждение. А потом все началось сначала.

Аромат, ностальгический и тонкий, проникал в ноздри, заставляя сердце расширяться и, как душная комната, распахивать окна и двери. Мир вокруг удивительно помолодел. Он уподобился воде, которая струилась неторопливо и скучно – и вдруг впитала в себя осеннее небо, до последней капли выпив его яркую синеву, и сама стала этим небом, хрустальным и чистым, полным белоснежных облаков.

И ромашки на газоне, и цветущие липы (вот оно, оказывается, откуда это медовое благоухание!), и рыжая кошка на ступенях здания суда – все вызывало любопытство и нежность, и странное желание прикоснуться, погладить, одарить улыбкой... Не смотреть хотелось, а созерцать. И совсем не тянуло думать о страховках. Лучше купить Мире маленький букетик, чтобы не сердилась. Вот этот, из крупных синих васильков, перевязанных желтой ленточкой. Он такой необычный. Завянет, наверное... Нет, если обмотать кончики стеблей влажной тряпкой – можно довести цветы до дома, сохранив их свежими.

С улыбкой Пауль миновал свою припаркованную машину. Он будет гулять до ночи, пока огромная золотая луна не встанет над крышами.

Шум города стихнет, и слышен станет далекий плеск реки. В их первую с Мирой весну они точно так же бродили по спящему городу, пока не вышли к быстрому черному потоку, полному серебряных звезд. Луна, похожая на зрелую дыню, поднималась за их спинами и тонула в темной ряби, а они – молодые и легкие, как едва покинувшие гнездо птицы – стояли, взявшись за руки.

Помнишь, Мира, как танцевали бабочки вокруг фонаря? Мы обнимались в пятне света, а весь мир кружился и плыл мимо нас в медленном вальсе. И ничего у нас не было, кроме отражения луны в глазах, крыльев за плечами и мечты о счастье. Ничего, кроме запаха жасмина и музыки на другом берегу. Это ли, Мира, не абсолютная свобода? А помнишь полустертые тропинки, и шквал весны, цветенье наугад, и в тишине негромкий голос скрипки, самозабвенно певший про закат. Густой туман и лунные капли, ночной пожар, занявшийся в реке... И разгорались звезды, взгляды пели, прикосновенья таяли в руке. Какой девчонкой ты была, звонкой, как струна... И сейчас под оплывшей личиной зрелой женщины я угадываю твой юный задор. Ты по-прежнему моя Муза... Да, равнодушная и усталая, околдованная шелестом купюр. И все-таки Муза. Возможно, это неправильно... Впрочем, может ли быть неправильной любовь?

Любить сквозь годы – трудное приключение. Наверное, проще переплыть море в шторм, взлетая и падая на волнах, и не пойти ко дну, и не разбиться о рифы. А на губах соленый вкус прибоя, а может, слез, а может, тишины. И ангелы – их тоже было двое – нам день и ночь нашептывали сны...

Пауль задыхался. Талант, как некое диковинное существо, обнимал его тонкими горячими руками, прижимаясь к груди ласково, но крепко. И в таком чаду из года в год пребывал несчастный Дирк? Не удивительно, что он ничего не добился в жизни. И разумеется, его сердце в конце концов не выдержало.

Ну, нет. Пауль дернулся и рывком отодрал от себя ласковое чудовище. Теперь талант Дирка лежал на его ладони золотой монетой. «Забирай-ка, братец, свой подарочек. Может быть, там, где ты сейчас, это безделица тебе пригодится. А меня уволь...»

Усмехнувшись, он опустил руку, и монетка солнечной искрой упала на асфальт. Не оглядываясь, Пауль заторопился к машине. На полпути он замедлил шаг. Все-таки это было его наследство. Может быть, если любоваться им дозированно, например, по десять минут перед сном, оно не причинит вреда? К тому же монетка, вроде бы, из чистого золота... Он со вздохом повернул назад.

Напрасно Пауль ходил взад и вперед по улице, осматривал обочины и шевелил траву на газонах. Золотая искорка пропала. Возможно, погасла, осиротев. Или же ее подобрал какой-нибудь прохожий. Вряд ли кто-то взрослый – зачем солидному человеку глупый чужой талант? Разве что ребенок поднял по неразумию блестящую штуку. Беззащитная, доверчивая душа. Дитя несмышленное. Удачи ему.

Сказка о Змее Горыныче

Милана Секоненко

Жил-был в карельских горах-лесах сказочный Змей Горыныч. И была у него не одна голова, не три, а ровно две. Как-то серьёзно поссорились головы Змея Горыныча и разговаривать перестали. Дуются обе, виноватя каждая в ссоре другую в своих мыслях, а на самом деле скучают в одиночестве. Отклонится правая голова посильнее в сторону, а сама прислушивается, как там левая живёт-поживает без неё. Туловище теперь вынужденно иноходью на четырёх лапах передвигается, а все знают, как это неудобно, особенно, когда поворачивать приходится. Так и ходит по лесным да горным тропинкам обиженное чудище: пока одна голова в скалы взглядом упирается, другая в ущелье со страхом заглядывает.

Пробовало туловище себя на крыльях поднимать, но не тут-то было: когда сердце находится в душевном раздразе, полёта не получается. Заберётся к вечеру Горыныч в пещеру, на кухне пожует холодную котлету без аппетита, на боковую завалится и долго заснуть не может. Раньше-то головы по очереди на ночь сказки рассказывали, на рассвете стишки сочиняли, потом дружно слушали, как птахи за слюдяным окошком утренние песни распевают. А теперь лапы взобьют подушки попышнее, да подальше на противоположных краях кровати положат. Опять же, левые лапы одно одеяло на себя натягивают, а правые другое. Пуховые одеяла во время сна скатываются с крутых боков, а голое пузо мёрзнуть начинает. Утром невыспавшиеся головы хмуро посмотрят в окно, потом друг на друга коситься начинают: вставать пора. Кое-как умоются и завтрак нехотя в рты запихивают. Тоскуют, но упрямятся себе признаться, что дутый пусячок стал камнем преткновения.

В лесу звери перестали от Горыныча прятаться. Наоборот, радуются его печали. Даже зайцы осмелели, дорогу не уступают, скачут впереди огромного зверя наперегонки, да лопочут весело. А двуголовый дракоша по тропинке грустным зверем четырьмя лапами косолапит. Острые гребни на загривках обмякли да тяжело по хребту постукивают. Хвост так вообще по земле тащится и царапается об острые камни. Крылья же по бокам повисли – вовсе ненужными стали.

А тут осень наступила. Зима на носу. Все, кому положено, по норам разошлись. С Горынычем действие только летом в сказках происходит, потому что зиму он в пещере переживает: чешуя хоть и толстая, но это не перья с пухом, потому не греет. Вот и наш Змей залёг на зимовку, как только завьюжили первые снега. Сидит целыми днями перед наполовину занесённым окном. Солнце редко в нору заглядывает. Приходится свечу зажигать, точнее, сразу две. Теперь головы каждая свою книжку читает, свой стих сочиняет,

давая указание верхней левой или правой лапам в разных тетрадках удачные строчки записывать. Но никуда не деться и от совместного труда: лапы кое-как из толстой шерсти тёплые вещи к зиме связали. Так и вышло потом чудище в погожую погоду в палисаднике погулять: левые лапы в синих варежке и носке, а правые в зелёных. Лишь шарфы и шапки получились похожими – сине-зелёные, только шириной полосок отличаются.

Некогда общие друзья Горыныча, с которыми по смартфону головы общались, тоже разделились как-то сами собой. Пришлось ещё один гаджет по почте заказывать. Как уж сумели молчуны определить, кому покупка достанется, не ведаю. Скорее всего лапы за них решили с помощью жребия. Точно знаю, что передние лапы чуть не передрались между собой из-за новых игр на смартфоне, да задние наподдали им хорошенько, чтобы вслед за головами не поссорились. Подействовало.

Новогодние праздники прошли невесело для Горыныча. Хуже всех пришлось желудку, который надеялся, наконец, вкусненькое получить, а пришлось переваривать вчерашнюю кашу. Желудку голодно, сердцу тоскливо, головам и лапам скучно. А хвост и вовсе под стол забился и по целым дням не показывался. Так до весны и жил Змей Горыныч. Книжки перечитаны, игры переиграны, друзьям общаться с головами скучно и говорить не о чем стало. Больше они Горынычу длинных, как раньше, сообщений с умными изречениями не писали, а отделялись пустыми смайликами.

Захотелось в этом месте окончательно точку поставить, да сама сказка мне и говорит: «Не хочу тут заканчиваться!» Тогда решила я сама из сказки выйти да по своим делам, наконец, пойти, но в последний момент стало дракошу жалко оставлять одного, хотя и с двумя головами. Думаю, может, с собой Горыныча взять, растормошить его, развеселить. Пригласила в город со мной прокатиться.

Сели мы вечером в электричку, у окошка место заняли. Кондуктор в вагон зашёл, тут же выйти захотел, да мы в три голоса закричали, что билеты нужны. Тогда он боязливо приблизился, сколько, спрашивает, вам билетов продать? Два, говорю. Мне и Змею Горынычу: он же один, только головы две. А кондуктор недоверчиво смотрит и ворчливо замечание делает, что, дескать, один-то один, а все три места на скамье занимает. Но два билета подаёт.

Приехали мы на Финляндский вокзал. На перроне народ кто как на Дракошу реагирует. Детям прокатиться, конечно, хочется. Некоторым взрослым всё равно: что они, чудищ не видали? Остальные дивятся чуду, но опасаются. Не рискнула я Змея Горыныча в метро вести: на эскалаторе или лапы, или хвост прищемит. Поэтому пошли пешком, благо недалеко – Литейный мост перейти,

и ещё пройтись немного. К дому подошли: дверь в парадную у нас огромная, ступеньки на лестнице крепкие, но своды низкие, повороты на площадках узкие и резкие. Каково подниматься на пятый этаж? Что делать? На мостовой заночуешь, в полиции окажешься, да и умыться дать с дороги надо, чаем попотчевать и спать уложить по-человечески. Тут ветер откуда-то появился, крылья Горыныча приподнял над тротуаром. Змей Горыныч ими по-птичьи затрепыхал, ногами попереминался, да взлетел. Пару маленьких кругов сделал и подниматься начал к крыше. А я что было силы побежала по лестничным пролётам.

Запыхавшись, вбежала в квартиру, сапоги с курткой скинула, подскочила к окну в гостиной. Дом старинный, поэтому проёмы у нас высокие и широкие. Распахнула балконную дверь, но дракошу не вижу! Тут он обе головы с крыши свесил, прямо напротив лица моего, – и улыбается довольно. Потом на балкон мягко опустился, кое-как втиснулся в двери, по квартире походил – познакомился с обстановкой. И котом моим Васькой. На кухне пирогом с капустой поужинали, чаю с мятой попили. А на ночь Горыныч на диване уютненько расположился. Одеяло для гостя у меня только одно оказалось. Но смотрю: все четыре лапы дружно за углы схватили одеяльце, встряхнули и аккуратно прикрыли туловище. Головам не до ссор старых было: устал дракончик. Только начала ему сказку новую читать, заснул. Слышу, то одна голова всхрапнёт, то другая. Немного обидно: сказка то моя собственная...

На завтрак пришлось кастрюлю каши на пять литров сварить, да в булочную за батонами сбегать. Из кладовки пустое кашпо для цветов вынула, чисто вымыла, вместо чашки поставила. Змей Горыныч нетерпеливо в окно всё поглядывал: куда дальше?! До вечера мы с ним много дел сделали. Сначала в Летнем саду по дорожкам побродили. Потом по Невскому прогулялись. В Русский музей зашли. Там ему больше всего картина Васнецова понравилась «Богатыри». Даже прослезился в четыре ручья, будто пропавших друзей отыскал. Попросил рядом с тремя богатырями его на память сфотографировать. После музея на Большой Конюшенной поели до отвала пышек с кофе с молоком. А когда на улицу вышли, потемнело, фонари зажглись, снег густой пошёл: красота! Домой заторопились: Васька заждался – в музей с котами нельзя; там своих, музейных хватает.

За день ни разу обе головы не вспомнили о разногласиях между собой. Наоборот, то поддакнут друг другу, то над шуткой вместе посмеются. Вообще, приободрился Змей Горыныч: румянец на щеках разлился, ноги то аллюром скачут, то галопом бегут. А я на спине как царевна сижу, одной рукой цепко за шейные гребни держусь, другой рукой проходим машу и мохнатые снежинки на пушистую варежку ловлю. Хвост драконий ровной спиралью закрутился, только шипастый кончик смартфон ловко держит и видео нашего

путешествия вдоль Мойки снимает. Заночевал опять у меня Дракоша, кот Васька на краешке дивана рядом с ним пристроился. Я даже приревновала немножко.

Наутро запросился Змей Горыныч на вокзал его проводить: соскучился по дому. Кот Васька после завтрака залез на колени к дракончику и не слезает, как ни уговаривали. Взял тогда Горыныч кота ласково, приподнял повыше, чмокнул в обе кошачьи щёчки. А я тут как тут с фотоаппаратом оказалась и щёлкнула удачный момент: две головы драконьи в профиль с вытянутыми в поцелуе губами, а между ними морда кота, зажмурившегося от счастья.

Пришлось идти с котом провожать Змея Горыныча. Купили билет, посадили Дракошу в вагон. Он опять один тройное сидение занял, но кондуктор знакомый попался и возражать не стал. С перрона помахал Васька лапой Змею Горынычу за себя и за меня, а я в это время крепко кота к груди прижимала, чтобы не спрыгнул и не вскочил в открытую дверь вагона. Горыныч сразу двумя лбами к окну прислонился, ладоши к стеклу прижал и сидел задумчиво, пока электричка не тронулась. Так и расстались.

По дороге домой мы ещё пару раз переговаривались с Дракошей о том о сём, адресами обменялись, пообещали сообщения присылать подробные, о жизни. Васька всё норовил телефон захватить и единолично им распоряжаться. Пришлось зайти в магазин, раскошелиться и коту смартфон купить. Пусть общаются!

Дома села за письменный стол и всю эту историю записала, пока детали не забыла. А последняя точка в конце сама собой появилась. Хорошая сказка знает, где ей заканчиваться.

Заветное желание

Елена Ланина

Илья шёл по извилистой тропинке, пиная ногами мелкие камешки и что-то сердито бормотал. Тропинка поднималась вверх, к подножию горной вершины, идти было тяжело, щёки мальчика покраснелись, шапка съехала на затылок, со лба катились капельки пота. Илья вытирал их рукавом, отдувался, пыхтел, но упорно шёл к цели. Целью была полянка, на которой прошлой весной они с мамой видели подснежники, голубенькие с жёлтыми прожилками, крохотные пирамидки, вылезшие из земли, как только солнышко её прогрело мартовским теплом. Настроение у Илюши было не романтично-прогулочным, а скорее, боевым – он хотел доказать всем, особенно папе, что уже вырос и вполне может сам добыть подарок для мамы, чтобы поздравить её с восьмым марта! Папа с утра снисходительно похлопал его по плечу и предложил нарисовать рисунок.

– Сынок, лучший подарок – это подарок, сделанный собственными руками!

– Ну да, конечно, а сам какой-то свёрток в шкафу прячет, наверное, своими руками сделал, – бурчал Илюша, расстёгивая куртку. Шестилетнему Илье не разрешали уходить из дома одному, тем более в горы, тем более, никого не предупредив, но тут случай был исключительным – он хотел сделать сюрприз маме! А что это за сюрприз будет, если он начнёт советоваться и спрашивать разрешения? В шесть лет уже пора самостоятельно принимать важные решения, ведь он мужчина!

Тропинка круто свернула вправо и взгляду мальчика открылась та самая полянка. А вот и подснежники! Уже проклюнулись! Он присел на корточки и потянулся к нежному голубому бутончику.

И тут он увидел его! Красный цветок манил изогнутыми кружевными лепестками с золотистой бахромой, он словно лучился золотистым светом, кивая головой, увенчанной резной короной. Илюша подошёл ближе и, затаив дыхание, склонился над волшебным цветком.

– Вот это будет подарок! Мама обрадуется! – Илья уже представлял, как удивится папа, когда увидит эту красоту. И тут его восторженные фантазии прервал тоненький голосок:

– Этот цветок нельзя срывать!

Илья обернулся, вздрогнув от неожиданности, сзади никого не было.

Стало как-то не по себе, захотелось поскорее сорвать цветок и умчаться домой. На всякий случай он уточнил:

– Кто здесь? Здесь кто-нибудь есть?

– Конечно есть, ты глаза-то разуй! – на большой кочке рядом с цветком стоял человечек в зелёном костюме. На голове его красовался такого же цвета колпачок с белой окантовкой, маленькие ножки украшали остроносые башмаки с белыми помпонами. Илья даже сел на землю от удивления, беззвучно открывая рот.

– Ну что ты зеваешь, будто карась, а не мальчишка! Не видел никогда таких? Я – эльф, хранитель цветка. Меня Филькой зовут.

– Пффф... как кот! – прыснул Илюшка.

– Как кот, – кривляясь передразнил Филька, – Ты, вот что, шёл бы отсюда подобру–поздорову, – и снова повторил, как заклинание, – Этот цветок срывать нельзя!

– Почему? – Илья хоть и оправился немного от удивления, но продолжал во все глаза разглядывать нового знакомого. Тот развернул крылышки, вспорхнул и уселся мальчику на плечо.

– Слушай, мне кажется ты неплохой человек. Ведь ты сюда из-за мамы пришёл, я угадал? – Илья закивал, а эльф продолжал – Понимаешь, этот цветок – заветное желание одной очень хорошей девочки. Её зовут Мила и она сейчас лежит в больнице. Врачи берут у неё разные анализы, цокают языками, качают головами и боятся, что диагноз подтвердится. А Мила очень хочет, чтобы папа подарил ей на восьмое марта красного единорога. Красного, понимаешь? Ты видел когда-нибудь красного единорога? – Филька возмущённо поднял руки над головой и смешно ими затряс.

– Нееет, пожалуй нет, – Илья почесал в затылке, – да я и не красных особо не замечал, я больше по машинкам, поездам там всяким...

– Ладно, понял, не мужское это дело – единорогов разглядывать. Ну, просто поверь на слово: красные единороги большая редкость, даже среди плюшевых!

– Поэтому цветок красный? – догадался Илья.

– Точно! А ты сообразительный, – эльф сделал круг, подлетел к цветку, погладил лепесток. – Если этот цветок сорвать – желание Милы точно не сбудется. А так есть небольшой шанс, что красный единорог найдётся, понимаешь?

– Понимаю... – задумчиво прошептал Илья. – Послушай, Филя, а ты не хочешь перебраться охранять его в помещение? Там не так прохладно, росы нет, мальчишек всяких, собирающих цветы. Мама, опять же, обрадуется, а?

– погоди, погоди, – Филька прищурился, – ты предлагаешь...

– Ну да, выкопаем и пересадим в красивый горшок. Моя мама знаешь как цветы любит! У нас дома все подоконники заставлены. И ты будешь нести службу в тепле и сытости! А самое главное – цветок точно никто не тронет!

Когда Илюша вернулся домой, ему сильно досталось от взволнованной мамы, которая уже обследовала окрестности в поисках сына и теперь собиралась звонить участковому. Папа даже ремень приготовил, чтобы сердито щёлкнуть им в воздухе по окончании «серьёзного» разговора. Но ремень не пригодился. Илья очень внимательно посмотрел на маму, прижимая к груди кулёк из свёрнутой газеты:

– Мама, я видел в кладовой пустой цветочный горшок.

Вечером родители сидели за столом, пили чай и расспрашивали сына о подробностях его похода в горы. На подоконнике покачивал головой цветок необыкновенной красоты. Чуть выше, на цветочной полке, сидел, шурясь как кот, сытый довольный эльф Филька.

А в далёкой московской больнице открылась дверь онкологического отделения и оттуда вышла девочка Мила, прижимая к груди красного единорога – её заветное желание сбылось. Страшный диагноз не подтвердился.

Созвездие Дракона. Четвёртый конкурс сказок

Мартовское чудо

Джон Маверик

Мир тяжело болен, думал Зденек, сворачивая с шоссе на грунтовую дорогу. И это не насморк, не грипп и даже не коронавирус, а хворь совсем другого порядка. Вражда и злоба разливаются рекой. Люди готовы перегрызть друг другу горло. Кто-то из них прав, а кто-то нет, но природе-то что до их правоты. Она просто страдает, как мать, чьи сыновья схлестнулись в смертельном поединке. Каин или Авель – ее сердце болит за обоих, а лоно изъедено кислотой ненависти.

Издерганный и уставший, Зденек возвращался домой с работы, но и дома его ждали не отдых и вкусный ужин, а слезы и упреки жены. Его путь лежал через мокрые, едва подернутые зеленой дымкой поля, под серым пустым небом, кое-где уже пробитым редкими звездами. На землю быстро опускалась ночь.

Еще год-другой назад, грустно удивлялся Зденек, – сколько здесь было птиц. Изящные белые цапли на тонких ногах. Черные, как мазут, грачи... Даже чайки прилетали с озера. А небо? Точно синяя атласная скатерть, вспоротая стальными ножницами самолетов и заново сшитая острыми крыльями ласточек. Весной каждая яблоня в саду Марты и Зденека расцветала птичьими гнездами, большими и лохматыми, как охапки хвороста, и маленькими, похожими на аккуратные плетеные корзиночки. Сейчас птичьи домики осиротели и чернели, покинутые, среди голых ветвей.

Прошлым летом, вспоминал Зденек, в округе гнездились только вороны, но и те не вывели птенцов, потому что все яйца оказались мертвыми, гнилыми внутри. Он гадал, плодились ли в лесу звери. Вряд ли, потому что на лужайке перед их домом больше не резвились зайчата. И огненный лисий хвост не мелькал в кустах. Природа умирала тихо и бескровно, обреченно ускользая в небытие. Только деревья, как зеленые воины, еще стояли на страже жизни. Надолго ли? Зденек не знал.

Вот и дурное человеческое семя не желало прорасти, а когда это все-таки случилось, дети появлялись на свет порочными и лживыми, едва ли не с пеленок. Не безгрешные ангелочки, а настоящие дьяволята с раскосыми диковатыми глазами. Зденек сам видел, как один такой недоносок бросил в костер живого щенка, но не успел его остановить. Сам чуть не плача, он выхватил визжащего от боли собачонка из огня, а мальчишка стоял рядом и глумливо хохотал. Или вот пацан из дома напротив. Полил соседскую клумбу с пионами серной кислотой и мерзко хихикал, пока бабушка-соседка убивалась над погибшими цветами.

Они совсем не умели улыбаться, эти новые дети. Только дерзко кривили губы. В их пустых глазах не отражалось небо, а вместо этого плескалась какая-то болотная слизь. Но родители тряслись над своими отпрысками, прощая им

любые выходки. Еще бы. В проклятый век всеобщей нелюбви зачать дитя считалось почти такой же удачей, как выиграть в лотерею.

Жена Зденека тоже хотела ребенка – и не просто хотела, а мечтала о нем день и ночь, да только без толку. Марта не могла родить.

– Давай возьмем сиротку, – умоляла она мужа, трогательно заглядывая в лицо, – или брошенку. Хотя бы попробуем, встанем на очередь. Я знаю, это трудно, малышей мало, но вдруг нам повезет?

– Нет и нет, – сопротивлялся тот. – Своего я бы с радостью, – вздыхал с затаенной болью, – но чужого никогда. Да и что за безумие – в наше время заводить детей. Ты посмотри на этих волчат, они же зло во плоти. Как волка ни корми, а человека из него не сделать.

– А я бы его любила, – тихо говорила Марта, опуская глаза.

В ответ Зденек гневно пожимал плечами и выходил из комнаты. Бесконечные споры с женой изматывали. Разве его вина, что она бесплодна, как библейская смоковница? Хотя, может быть, и его. Но что это меняет?

Наверное, мы с Мартой не настолько плохи, чтобы привести в мир маленькое чудовище, размышлял Зденек. Но и не так хороши, чтобы Бог послал нам доброе человеческое дитя. Мы никому не желали зла. Но и благого ничего не делали. Мы – простые люди. Наверное, слишком простые. Да, всегда трудились честно. Заботились друг о друге, как могли. Но разве этого достаточно, чтобы заслужить Божью милость? Не накормили ни одного голодного. Но рядом с нами никто не голодает. Не подавали нищим – но никто у нас и не просил. Никому не сказали доброго слова – но люди больше не верят добрым словам... Они во всем видят подвох – желание обмануть или покрасоваться.

Люди разучились просить и давать. Зденек и рад был хоть кому-нибудь помочь, но не знал кому и как.

Вознаградит ли их Бог, думал он, за то, что возделывали сад? Но это всего лишь жалкий клочок земли, а не сад Господень. На этой мысли Зденек запнулся. Потому что «жалкий клочок земли» он любил, как любил бы, наверное, собственного сына. И с бездетностью он бы примирился, если бы не Марта. Не было сил смотреть, как она скучнеет и сохнет, как, погруженная в свою печаль, мелко крошит овощи, так, что вместо салата получается какая-то каша. Как, отрешенно шевеля губами, по несколько раз начищает и без того блестящие ложки, из мира радости сбегая в бездумную работу и молитву.

Зденек страдал, мучаясь чувством вины. Возвращаться по вечерам домой не хотелось, куда-то идти тоже. Он терпеть не мог алкоголь, а в двух единственных в городе ресторанчиках только и делали, что злословили и пили. От прогулок и то становилось тошно, а ведь раньше Зденек так любил горьковатый воздух полей, их простор и величие, любил весенний лес и солнце, словно просеянное сквозь зеленое сито, золотое кружево на белых стволах и пестрые от медуницы поляны, зовущие упасть и лежать, раскинув руки, среди пчел и цветов. И вроде бы еще недавно он бродил по

разноцветному лугу, по хрупкой, точно стеклянной, траве, слушая трели кузнечиков и распугивая больших синих стрекоз. Теперь Зденеку казалось, что он гуляет по кладбищу, так безмолвно, мертво и неподвижно было все вокруг. А тут еще и Марта стала в последние дни какой-то странной, рассеянной и словно немного сумасшедшей. То ходила, задумчивая, то улыбалась без причины. Она как будто спала наяву и видела чудесный сон, и Зденек недоумевал – неужели? Нет, она не стала бы от него скрывать. Уж не лишилась ли его жена рассудка? Что тебе снится, милая, думал он, выкруливая на подъездную дорожку. В каких заповедных краях заплутала твоя бесхитростная душа? Поведай мне свою мечту... а, впрочем, я и так ее знаю.

Он завел машину в гараж и пошел через сад по блестящей гравийной тропинке. Ярко светила луна, и словно облако нежности окутывало старые деревья.

Марта встретила мужа на пороге. Ее глаза сияли.

– Ты хочешь мне что-то сказать, – улыбнулся он.

– Не сказать, а показать. Или ты уже видел? Что ты видел, Зденек?

– Где?

– В нашем саду.

– Я видел свет и луну в небе. Блестящие камешки на дороге. Прошлогодние вороньи гнезда.

– И все? Пойдем, Зденек! Пойдем скорее. Я покажу тебе чудо.

– погоди, – ласково засмеялся он. – Дай хоть что-нибудь проглочу сначала. Голоден, как пес.

Зденек ел быстро, поглядывая через стол на жену и едва ли замечая то, что лежит на тарелке.

– Ну, вот, – сказал он, вытирая рот салфеткой, – теперь я готов увидеть чудо.

– Нет, – покачала головой Марта. – К чуду никто не готов. Оно всегда приходит неожиданно, как волшебный дар. Представь себе, что на наш порог упала звезда. Разве можно к такому приготовиться?

Они спустились с крыльца и, обогнув дом, направились к дровяному сараю. Туда, где расцветало самое старое и самое бесполезное дерево в саду – высокая раскидистая верба. Не принося сама ни плодов, ни ягод, она теснила молодые яблони и кусты смородины, не давая им расти, а ее толстые корни тянулись далеко, взламывая дорожку.

Вообще-то, старую вербу давно следовало спилить, но Зденек и думать об этом не хотел. Потому что она была красива. Особенно ранней весной, покрытая трогательными пушистыми шариками, похожими на миниатюрные меховые игрушки. Осенью ее длинные листья золотыми рыбками скользили в траву. А в жаркие летние дни Марта любила читать в тени ее широких ветвей, сидя на складном парусиновом стуле.

Это часть сада почти совсем заросла. Из открытой двери падал на землю яркий золотой клин, а Зденек и Марта шагали в темноту, в гибкую мешанину вечнозеленого плюща, затянувшего тропинку. Но они шли на свет. Потому что старая верба сияла, вся окутанная голубоватым и каким-то неземным

свечением. Круглые серебряные почки превратились в крохотные фонарики. А в развилке ветвей спал младенец – маленькая девочка, спеленатая прозрачной тканью.

Они приблизились, и Марта благоговейно сложила руки.

– Я молилась, Зденек, и Бог услышал мои молитвы.

Она словно светилась изнутри.

Разбуженная ее голосом, девочка открыла глаза, ясные, будто мартовское небо. Синие, как у Марты.

Зденек оторопел.

– Кто это, откуда здесь ребенок? – спросил он в смятении, думая, что кто-то подбросил в их сад новорожденную малышку. – Давай возьмем ее и отнесем в полицию. А еще лучше в больницу. Ночью на улице холодно, а она такая маленькая.

– О чем ты говоришь, Зденек, какая больница, какая полиция. Это наша дочь. Я видела, как она росла. Из вербной почки – по чуть-чуть, по несколько сантиметров в день. Я даже не сразу поняла, что она такое. Видела – что-то живое и лучезарное. А сегодня утром она по-настоящему родилась! Посмотри! Зденек пригляделся. Действительно, из-под тонкой пеленки вилась оборванная цветоножка – полусухая зеленая пуповина.

Доченька.

Он потянулся и, словно святой иконы, коснулся ее светлых волос.

– Ведь это только начало, да? – спросил взволнованно.

Потому что в безоблачных детских глазах он увидел будущее. Дар от всех деревьев Земли – людям Земли. Беспорочное рождение. Новое, чистое сердцем человечество.

– Да, Зденек, только начало, – счастливо засмеялась Марта и взяла девочку на руки. – Вот теперь мы семья.

Мы – надежда.

Уходя, Зденек обернулся.

– Спасибо, зеленая сестра.

И, словно ему в ответ, старая верба качнула веткой, как серебряную тонкопалую кисть, протянув ее навстречу людям.

Верба

Marara

– Ты куда, моя хорошая? Земля ещё мокрая! Ножки промочишь, сапожки запачкаешь!

– Ба, котики расцвели! Смотри какие красивые! Пушистые какие! Как зайчики!

– Да куда ж ты, детка! Не ломай ветку-то! Кусту больно! Стоял себе, солнышку весеннему радовался, а ты прибежала, и давай его ломать! Иди сюда, дай ручку!

– Ба, а если кустик живой, так в нём и душа есть? Как у меня?

– Конечно, есть. Милая такая, улыбчивая, на маленькую девочку похожая! Её Вербочкой зовут. Иди сюда, дай ручку, я тебе что-нибудь интересное расскажу.

– Про вербочку расскажи! Почему её цветочки на другие цветы не похожи!

– Хорошо, моя ласковая, расскажу тебе про Вербочку. Стояла себе Вербочка целую зиму в снегу и ждала, когда же наконец весна придёт. Так ждала, как ты ждёшь деда Мороза! Дед Мороз детям подарки несёт, а Весна-красна деревья и кусты цветами одаряет: каждому кусту и деревцу свои собственные. А Вербочка совсем маленькая была и очень ей было интересно, какие ей цветочки достанутся. Но зима была долгая: снег да снег, да ветер холодный песни поёт какие-то совсем заунывные; скучно стало Вербочке нашей. Да вот на счастье её, прискакала как-то зайчиха с целым выводком зайчат, покормила малышей да и оставила их под кустиком играть, а сама дальше поскакала по своим заячьим делам. Зайчихи – они часто своих малышей под заснеженным кустиком оставляют. Зайчики – они белые, на снежок похожие. Придёт лис или волк, – они себе притаются в снегу и не видно их – они беленькие пушистые и снег – белый пушистый: пойдя отличи! А вот зайчиха всегда своих зайчат найдёт: снег – не снег. Другая зайчиха – тоже: увидит зайчат, – непременно покормит, не сидеть же им голодными, мамку дожидаясь!

А Вербочке нашей семейство зайчат очень даже по душе пришлось. Они – маленькие, и она – маленькая; они игры какие затевают и ей веселее. Дошло до того, что свой кустик покидала, да с ними наперегонки бегала, когда никто не видит. Да и зайчата к ней привязались, своей подружкой считать стали. Когда солнышко припекло, да снег ручейками вокруг побежал, они, конечно в другое место перебрались, где прятаться сподручнее, но нет-нет, да по старой памяти к своей старой подружке прибегают: поиграть вместе. Даже других зайчат с собой к вербочке приводили: вместе, большой компанией играть всегда веселее! Так вот они и доигрались как-то: лису не сразу заметили. А лиса зайчат заметила сразу: земля под Вербочкой чёрная, мокрая, зайчата, наоборот, – белые, как снег под новый год. Видят зайчата – лисица к ним бежит, зубы скалит. Прижались они к земле, куда бежать-то? Они крохи,

ножки – маленькие, а лиса – большая, никуда от неё не удерёшь! А вербочка наша тоже встревожилась: как друзьям-то помочь в такой беде?

Прыгайте, говорит, зайчики ко мне на ветки, вы же прыгучие! Запрыгивайте повыше, да держитесь покрепче, авось наверху вас лиса и не приметит. А приметит, – тоже не велика беда; лисы летать не умеют, да и прыгают не очень высоко!

Запрыгнули зайки на Вербочку, вцепились в прутики, и сжались в маленькие комочки. Лиса по земле бегаёт, землю нюхает: куда, мол, обед удрал, а наверх посмотреть так и не догадалась. А тут и Весна-красна подошла.

– Ой, – говорит, – я всё думала, какие тебе, Вербочка, цветочки подарить, а ты уже вся в цветах, да таких красивых, интересных: ни у одного деревца или кустика таких нет!

И с тех пор Вербочка каждый март-апрель такими красивыми цветочками встречает: мягкими, серебристыми, и пушистыми, как спасённые ею зайчата. Потом эти цветочки пожелтеют, пыльцой покроются, как иначе мошек да бабочек к себе привлечь? А они к ней скоро примчатся: смотри, какая наша Вербочка красавица! А Весна-красна к другим кустам и деревьям побежала: ведь все деревья да кустики её ждут – не дождутся: и яблонькам хочется в белых нарядах покрасоваться, и вишням, и грушам, а там и до сирени черёд дойдёт. А мы, с тобой, солнышко, как раз домой и пришли: беги пока, поиграй, я тебе обед согрею!

Превратности судьбы

Ольга Альтовская

– Посмотри, как она низко пала! – обсуждала Махровая Простыня с новым Пододеяльником лежащую на полу Половую Тряпку.

– Кто поверит, что я раньше с ней дружила и даже немного завидовала: полоски её были пошире, поярче. И синтетики никакой – натуральная, чистый хлопок. Надо же было так опуститься! Валяется где попало, в непотребном виде. Пошла по ногам. Никакой гордости! Теперь каждый вытирает об неё ноги! Старая, потрёпанная. А ведь мы с ней ровесницы. Рядом лежали на одной полке в магазине и после – в одном доме. Служили исправно. Были максимально приближены к телу. Хозяйка даже её больше любила. Предпочитала после бани её объятия.

– А что же случилось? За что её изгнали из шкафа? Как она оказалась под порогом? – поинтересовался Пододеяльник.

– Да всё очень просто! Эта выскочка возомнила о себе невесть что: появилась перед чужим мужчиной, фривольно обнимающей голое тело хозяйки, когда та, выйдя из душа, встречала гостя. Представляешь, даже не удосужилась, выполнив свои прямые обязанности, уступить место халату! И продолжила нахально лезть в глаза гостю, провоцируя его на необдуманные поступки! И, конечно же, схлопотала – была залита красным вином. Естественно, репутация безнадёжно испорчена!! Потом, как бы ни пыталась реабилитироваться, отмыться – след остался и напоминал хозяйке о том неприятном случае. А на моей репутации нет ни одного пятна!

– Да, – поддакнул Пододеяльник. – Береги честь смолоду!.. – И подумал: «Пятен нет, но возраст просвечивается. Да и характер жестковат...»

Он недавно стал сожительствовать с Махровой Простыней. Они втайне часто встречались на полке шкафа. А при таком тесном общении спорить и выразить вслух своё мнение – было неразумно.

– И теперь посмотри, где я – и где она! – продолжала разглагольствовать Махровая Простыня. – Грязная, замызганная! Тряпка! Не вызывает никакого уважения! Пользуют её все, кому не лень! И мне её ничуть не жалко – сама виновата! Нечего было задаваться! Что заслужила – то и получила!

А Пододеяльник слушал сожительницу и приглядывался к новой соседке – натуральной, аккуратной и нежной Махровой Простынке, которую подарили

хозяйке на день рождения. Его тряпичная душа чувствовала, что в шкафу и в его жизни грядут перемены.

Новенькая сразу довольно ярко заявила о себе. Она незаметно, но настойчиво отвоёвывала себе пространство на полке и в сердце хозяйки. Она была мягка и покладиста, и – в отличии от его объёмной сожительницы – удобного, оптимального размера.

– Всё течёт, всё меняется, – философствовал Пододеяльник, поглядывая на Простынку. До него дошли слухи, что у хозяйки намечается большая уборка в шкафу. Она собирается выбросить всё старое, лишнее.

К тому же Половую Тряпку пришло время поменять...

Созвездие Дракона. Пятый конкурс сказок

МОТЫЛЬКИ

Marara

– Понравилось, моя хорошая? – старый эльф весело улыбнулся, сложил руки ковшиком и дунул в них. Из пустых, казалось бы, ладоней выпорхнула стайка разноцветных мотыльков и вихрем закружилась над лугом. Маленькая феечка сидевшая рядом, весело засмеялась и захлопала в ладоши.

– Научить тебя? Это – просто! Сложи ручки так, будто в них – блюдечко. И представь себе, что по доньшку блюдечка ползет бабочка: настоящая, живая, с красивым узором на крыльях и дрожащими усиками. А на лугу, чуть поодаль – маленький, симпатичный цветочек. И подуй, чтоб ей легче было туда лететь.

– Не вышло? – добавил он глядя на неудачные попытки внучки, – Ничего! Годик-другой, и запорхают твои бабочки над нашим лугом, если, конечно, они тебе не разонравятся!

– Разонравятся! – девочка обиженно надула губки.

– Деда, – протянула она после небольшой заминки, – А зачем ты стал эльфом мотыльков? Ты же очень-очень умный. И храбрый. Ты же мог стать эльфом-гоблиноборцем, или начальником эльфов, как дедушка Этти. Этти говорит, что ты пустяками занимаешься, а ее дед – самый главный. А мотыльки – маленькие и никому не нужны!

– Вот оно что! – медленно проговорил эльф, становясь серьезным, – Видишь ли...

– Я – еще маленькая? Я сама пойму через годик другой? – сердито бухнула девочка.

– Нет, почему же. Думаю, что уже поймешь, – эльф весело улыбнулся, и погладил внучку по голове. – Видишь ли, мотыльки – красивые. А красота – это очень важно. Мотыльки – как цветочки, но цветочки привязаны стебельками-хвостиками к земле, а мотыльки могут летать по небу. И потом они – интересные, необычные. У них время как бы вспять идет.

– Почему – вспять? – удивленно спросила феечка.

– Вспять – потому что – наоборот. Мы все: эльфы, феи, даже цветочки, в юности очень красивые и привлекательные. А в старости – не такие красивые.

– Неправда, – возразила феечка, – ты, деда, очень даже красивый.

– Это потому, что ты любишь меня, моя хорошая! А приди я на бал к юным феечкам, – никто со мной танцевать не захочет. «Экий, – скажут феечки, – глупый старик! В морщинах, седой, совсем некрасивый!» А вот бабочка, если

сравнить ее с гусеницей, старушка – старушкой, но кто из них красивее? У бабочки в старости только молодость начинается: с воздушными танцами над цветами, с яркими нарядами. Нравятся они мне, внученька! Ты же тоже играешься с тем, что нравится именно тебе, а не Этти, хоть она и важничает?

Девочка кивнула, и эльф, улыбнувшись, вновь заговорил.

– В юности, твоя бабушка была самой красивой феей в нашем лесу. Я ей тоже нравился, но «да» она мне долго не говорила. Слишком многие за ней ухаживали: и дед твоей Этти, и эльфы-гоблиноборцы, и эльфы-гномоборцы. Ей такие драгоценные диадемы эти гномоборцы дарили после своих походов, только бы она им улыбнулась! А бабушка твоя, наверное, думала как твоя Этти: мотыльки и бабочки – никому не нужный пустяк, недостойный настоящего эльфа мужчины.

И со своей профессией она никак не могла определиться: все ей нравилось, все у нее получалось. Захочет – пригонит к нашему лесу стадо грозовых туч – три дня подряд ливень хлещет. Захочет, солнечные лучи в косичку заплетет и ею все лужи за полчаса высушит. А то и на Луне пылевую бурю устроит.

А законы у нас строгие: если фея к восемнадцати годам не выбрала, чем ей в жизни заниматься, ведут ее в гнездо уединения. Это – домик такой, без окон, на верхушке дуба. Все что есть в нем – диван, да большая стена – экран. Сидит бедная феечка три дня в полной темноте: вспоминает, что ей нравилось делать, а стена экран все ее мысли, сны и мечты ловит, собирает да анализирует. А на третий день вспыхивает свет, и на экране появляется изображение того, о чем фея больше всего думает. Кто яблоню в наливных яблочках увидит, кто ручейки журчащие, а кто – кладбище, если кошмары ночные мучили. И быть по тому.

Я, когда бабушку твою в этом домике заперли, чуть с ума от волнения не сошел. Я-то знал, какая твоя бабушка фантазерка, и в какие дали эти фантазии ее обычно уносят. А ведь я без нее своей жизни уже не мыслил... Увидит молодая бабушка на экране тающий айсберг, к примеру, а что мне потом, с моими мотыльками, среди вечных льдов и снегов делать? Или полетит она на край галактики, черные дыры солнечными лучами штопать...

В общем, сидела твоя бабушка в полной темноте, мысли и мечты перебирала. А когда подошел срок и вспыхнул свет, взглянула она, как положено на экран. И дух у нее перехватило. Красотища-то: весь экран в разноцветных дрожащих лепестках, как ей показалось, – цветочках, да сидят они так густо, как в огромном – на всю стену – букете, так что самого экрана за ними не видно.

Обрадовалась бабушка, засмеялась, захлопала, как ты, в ладоши, и говорит: «Я буду феей цветущего луга!». А мотыльки от звука ее голоса со стены сорвались и давай кружить вокруг нее живой радугой. Тут она обо мне и вспомнила. Кто бы еще ей такой неожиданный праздник устроил? С тех пор мы – не разлей вода.

Говоришь, мотыльки – маленькие и ненужные? А мне они принесли самое большое счастье в жизни. Что бы я без них делал?

Записки Птицемыша

Милана Секоненко

*...уходил Птицемыш
по дорогам лесным, по просторам пустым.
По тропинкам труся, живность разная вся
цепенела, завидев чудовища лишь
силуэт при луне иль заслышав в тиши;
поневоле завоешь, всплакнёшь, загрустишь.*

Из дома я выхожу на рассвете, поднимаюсь на гору, сажусь у дуба, растущего сотни лет над рекой, чтобы добавить пару абзацев к хронике своей жизни. Зелёная, ближе к болотистому цвету потрёпанная книга с видимым удовольствием лежит на моих коленях и любезно предлагает найти страницу с вчерашней записью, но я упрямясь и открываю её почти что в самом начале:

«Я всегда комплексовал по поводу внешности. Сами подумайте, красиво ли, когда в придачу к маленьким невзрачным крыльям природа добавляет длинный, извилистый, как старая ожившая коряга, хвост, на котором ещё торчмя торчат колкие наросты. Такой в природе я – один, но это слабое утешение. Всё живое сторонится меня. Звери, завидя издали, разбегаются кто куда. Птицы вспархивают с травы и прячутся высоко в кроне. Деревья, пугаясь протянутой к ним когтистой лапы, морщятся всей корой и подальше отводят ветви и листья. Озеро не отражает моей жёлто-бурой шерстистой морды, так его рябит от возмущения, стоит мне наклониться, чтобы зачерпнуть горсточку воды. Кажется, что только камням всё равно какой я.»

Эта старая запись была сделана мною по молодости в те дни, когда наконец решил изменить дарованную свыше горестную судьбу. Последнюю ночь перед уходом из родных мест я провёл в чисто выметенной норе, собрав пожитки в узелок. Хотелось выть от одиночества, глядя из низкого окна на полную луну, перекатывающуюся по верхушкам изумрудных ёлок. Тогда, при скачущем лунном свете, я сделал начальную запись в нежно-оливковой книге на первой льняной странице...

Книга запрыгала у меня на коленях, как закапризничавший без внимания младенец. Я перевернул несколько страниц с карандашными зарисовками: кресло у камина, любимый вид с холма на озеро, последний поворот дороги с указателем на наше лесное селение...

«Уходил засветло. Меня провожал только дождь, который шуршащими струями, как смоченным веником, сбрасывал на обочину следы косолапых

ног. Я шёл по тропинке, скашивая глаза то направо, то налево в надежде увидеть хотя бы один провожающий тёплый огонёк или сочувствующий взгляд. Из нор выглядывали, быстро прячась за скрипнувшими створками дверей, чьи-то холодные настороженные мордочки. Деревья прикрывали сухими веками свои угольно-чёрные глаза. Птицы на ветках не моргая смотрели мимо меня.»

Книга заворочалась в руках, как будто хотела найти более уютное положение для сна. Отнёс её в дальний угол норы: старый фолиант предпочитает дрыхнуть на письменном столе, пока я на работе. Появилось из-за леса розово-оранжевое солнце, воздух нагрелся. Я оставил открытыми окна и двери, у нас всё по-простому, без задвижек и замков. И стал спускаться к реке, вспоминая приход мой в эти места, запечатлённый на первых счастливых страницах книги:

«Я нашёл здесь приют после долгих мытарств. Прежде, хорошенько разглядев, меня прогоняли: где взащей, где улюлюканьем, а где и серьёзными угрозами. Ноги сами привели сюда много лет назад. Тогда это была уже седьмая попытка приспособиться к жизни в чужих краях. Показалось странным, что встретили радостно, как давнего друга, вернувшегося после долгого путешествия. Птицы, образовав вокруг меня кольцо, дружно потянули за воротник и рукава пыльного плаща и стащили его с плеч. Стал виден мой длинный шипастый хвост, который всегда тщательно прятал, но никто не обратил на него внимания. Весело щебеча, птицы подняли в воздух за поля шляпу, которой столько лет стыдливо прикрывал нелепо висящие мохнатые уши. Я поднял глаза. Вокруг меня собрались обитатели этих мест. Все приветственно хлопали ладошками, лапками, ножками. Шелестели пёрышками, трепетали крылышками, били хвостами. Осторожно поглядел по сторонам, в глазах заискрилось от смеющихся тёплых взглядов и улыбок, и... я упал в обморок.»

Да, вот на этой поляне меня приводили в чувство с помощью речной воды, набраной в лиловый луговой колокольчик. Теперь улыбаюсь, думая о тех днях. Впрочем, давно уже забыл, как это – не радоваться каждому новому дню, новому гостю в нашем прибрежном селении. Я держу маленькую гостиницу. Она находится посередине трёх дорог: песчаной – поднимающейся от пристани, грунтовой – спускающейся с холма, просёлочной – бегущей из леса. Мою гостиницу одновременно могут населять насекомые и пауки, птицы и звери, эльфы и феи. Любому гостю найдётся уютная комната. Столовая для всех общая, в хорошую погоду – на огромной веранде. Там есть кормушки, столы, стулья, пни, ветки – кому что приятнее.

Я веду книгу постояльцев, она тоже зелёного цвета. В ней записаны истории, которые рассказывают о себе гости, а ещё забавные сны, которые можно

увидеть только в нашей гостинице. Нарисованы цветными карандашами иллюстрации к рассказам и портреты новых друзей.

Приезжайте, погостите! Я запишу в гостиничную книгу и вашу историю, нарисую ваш портрет.

А если рано утром вы окажетесь на вершине горы под старым дубом, то покажу подвыцветшие дневниковые записи. Вы сможете пролистать книгу с самого начала до последнего дня. Она немного раздастся от гордости, но вы не обращайтесь на это никакого внимания, просто ласково погладьте заскорузлую зеленоватую обложку.

Моя книга этого заслуживает.

Земля – Созвездие Мухи. Второй конкурс абсурдизмов

Часы били полночь каждые сутки, но та всё равно приходила.
Юрий Викторов

Сняв холст с подрамника, грабитель вынес сюр из избы.
Marina Khlystova (Марина Юнг)

Ботинки постоянно находились в политической конфронтации: один – левый, другой – правый.
Марина Старчевская

Муж распоясался и завел внебрючную связь.
Luda Katz (Людмила Кац)

Дураки у нас хорошие – не то что дороги...
Сергей Че

43

Высыпаясь после недосыпа, случайно высыпалась вся.
Елена Картунова

** победители в авторском зачёте*

Юрий Викторов

Часы били полночь каждые сутки, но та всё равно приходила.

Прямой угол, если ему дать в глаз, становится кривым.

Глаза у неё закатились. Один под плинтус, другой на рыбалку.

Marina Khlystova (Марина Юнг)

Сняв холст с подрамника, грабитель вынес сюр из избы.

В рамках демократических реформ царь в голове отрёкся от престола.

Фома и Ерёма подали в суд за постоянное обсуждение их частной жизни.

Созвездие Большой Медведицы. Конкурс любовных рассказов

Я и Клара Джон Маверик

И было нам с Кларой Откровение. Близился канун Рождества. Вдруг – что-то сдвинулось в вышине, и, как льдины в северном море, разошлись невесомые айсберги, пропуская острый солнечный луч. И раздался голос с небес: «Через год, двадцать первого декабря, ровно в одиннадцать часов ночи вы умрете». Точно раскат зимней грозы колыхнул ветви морозных лип, обрушив снег на наши головы. Он шел сверху, с тяжелых белых туч, этот голос, и в то же время как будто изнутри наших сердец. И мы сперва замерли, ошеломленные, а затем посмотрели друг другу в глаза – и поверили. Потому что если в голове еще могут рождаться всякие фантомы, то сердце не умеет лгать.

Клара тут же ударилась в слезы, а я топтался на месте, растерянный и смущенный, глядя на текущих мимо прохожих. Несмотря на будний день, улица не пустовала, вокруг суетились мамы с колясками, собачники, школьники и просто бездельники. Но кроме нас рокового предсказания не слышал никто.

Я раздумывал что же теперь делать. Мы с Кларой как раз собрались разводиться. Не то чтобы нам было плохо вместе, но заедала рутина. Хотелось какого-то разнообразия, во всяком случае мне. Свободы хотелось, а не супружеского занудства с ласковыми допросами и этим извечным женским: «Ты меня любишь? Но тогда почему...». Три месяца назад я набрался смелости и сказал жене: «Хватит». Как в холодную воду с головой нырнул. С тех пор я жил то у Агнесс, то у Лаурин, то в бабушкиной квартире, приглашая туда случайных подруг. Кажется, и Клара с кем-то встречалась. Последнее время мы не беседовали о личном. Знаете, как это бывает, когда люди расстаются? И хлопотно, и скучно, и немного жаль. Бывшая – или почти бывшая – жена как ампутированная нога. Больше не твоя, но все равно иногда ноет, чешется, болит.

А сейчас, размышляя я, нам предстоит последний – и такой короткий, как оказалось – отрезок жизни. Так почему бы не пройти его вместе и не уйти рука об руку? Все равно построить что-то новое и прочное мы уже не успеем. А развлечения... меня они больше не влекли. Человек перед вечностью – все равно что дерево перед зимой. Теряет и легкомысленные цветы, и листья, а корнями крепче вцепляется в землю. Так уж мы устроены.

Наверное, и Клару посетили похожие мысли, потому что она вдруг ухватилась за мое плечо, уткнулась в него сопливым носом и горько, отчаянно разрыдалась. Я приобнял ее, и так мы оба застыли, как две подстреленные черные птицы, посреди рождественской улицы, на ледяном ветру.

Зима протекла в душном тумане, в слезах и депрессии. Рождество без праздничной еды и подарков. Слякотный, темный Новый год. В самом конце

декабря безобразно потеплело, хлынули дожди, и грязные реки потекли по газонам, доедая по пути сиротливые островки дырчатого снега. Я бы запил, но с юности не переносу алкоголь. А Клара глотала валерианку целыми пузырьками, топя ужас в хмельном аромате лекарственных трав. С работы мы оба уволились. Не было сил и дальше вариться в этом гадюшнике, я про свой офис. А Клара, наконец-то, ушла из ненавистой школы.

– Я их калечу, – жаловалась она. – Убиваю души этих детей. Потому что любить их не могу. Для меня они как роботы, которых нужно научить читать, писать и считать. А они живые, я умом понимаю, а почувствовать не могу. Нельзя с ними так...

– Нельзя, – соглашался я. – Уходи.

Мы пересчитали наши скромные сбережения и решили, что на год их должно хватить.

Март дохнул южным ветром, согрел деревья и траву и, словно забавляясь, щедрой рукой рассыпал по газонам пригоршни цветов. Золотые одуванчики, разноцветные крокусы, а за ними – желто-белые нарциссы, хрупкие гордецы на тонких зеленых ножках. Очнувшись от валерианного похмелья, Клара заметила, что отпущенный нам год, как бокал дорогого вина, уже пролит наполовину.

– На четверть, – поправил я.

– Называй, как хочешь, – грустно качнула она головой, – но мы теряем время. Его и так мало осталось. Три месяца прошло, а мы совсем ничего не успели.

– А что ты хотела успеть?

– Жить, – ответила Клара. – Чувствовать. Мечтать и ловить мечту за хвост.

– Хм... – сказал я.

Женщины – эмоциональные существа. Но суть она ухватила верно. Мы сидели сиднем и ничего не делали, купаясь в тоске и унынии, а время – невосполнимое наше сокровище – ускользало, как песок сквозь пальцы.

Поспорив еще немного, мы побросали кое-какие вещи в большой чемодан и уехали – сначала к теплому морю, потом в горы... Южное солнце приняло нас в жаркие объятия. Знойное дыхание камней, белое степное марево и целый океан солнечного огня. Наши волосы выгорели до червонного золота. Кожа у меня, бледного от природы, облезла пятнами, а у Клары покрылась ровным загаром. Целебным бальзамом солнце затекало внутрь, исцеляло шрамы на сердце, испаряло страх, горячим языком зализывало воспаленные язвы. Постепенно нам становилось легче. Словно темная пелена упала с глаз, и мы увидели нашу жизнь в ярком свете.

– Как ты думаешь, – спросила однажды Клара, сидя рядом со мной на скалистом уступе и болтая ногами над обрывом, – почему это случилось именно с нами? Я хочу сказать... все люди смертны. Кто-то уходит молодым, кто-то доживает до старости. Но никто не знает своего часа. Будущее скрыто от обычных людей. Так почему нам выпало – узнать? Ведь это настоящая пытка: считать месяцы, потом дни, потом часы и минуты. Представлять, как

это будет. Боль, агония, удушье... или просто разум выключится, как лампочка – и все? Знаешь, я очень боюсь боли, но еще страшнее – представлять себе небытие. За что нам такое наказание – умереть раньше смерти?

– Вообще-то, мы еще не умерли, – возразил я.

Вокруг цвели голубые цветы, девственные, словно крохотные кусочки неба, и парила с нами наравне мелкая хищная птица. Она скользила, распластанная, в потоке воздуха, изредка взмахивая крыльями и высматривая что-то внизу.

– Я была почти мертва эти три месяца, – вздохнула Клара. – Да и теперь... ожила, но не до конца. Когда солнце стоит высоко и кругом люди – я забываюсь и как будто перестаю быть собой. Как будто плыву под облаками и гляжу на землю с большой высоты. Наверное, так себя ощущают ангелы. А иногда я думаю, пусть это случится прямо сейчас. Мгновенная смерть лучше долгого ожидания.

– Прямо сейчас? – переспросил я задумчиво, и мы оба посмотрели в пропасть. И отпрянули.

Мы жили как цыгане, скитаясь в нашем стареньком авто по Европе и ночуя в кемпингах. Мы до дна пили восходы и закаты и бинтовали раны километрами дорог. В середине июля у нас кончились деньги и пришлось возвращаться домой. Надо было как-то зарабатывать себе на жизнь, как бы мало ее ни оставалось. Вот тогда-то я и вспомнил, что в ранней юности учился живописи, но потом забросил это свое увлечение ради дел более доходных и важных. И все-таки в глубине души словно продолжал гореть огонек – неутолимое стремление творить. Талант? Не знаю... Я, конечно, не Ван Гог, но мои ученические наброски получались живыми. Не верил, что когда-нибудь вернусь к мольберту... но что мне было терять?

Понемногу я начал играть с красками. Сперва робко, потом все смелее, радуясь, как ребенок, тому, что выходило из-под моей кисти. Картины я продавал на сетевом аукционе, где их охотно покупали.

А Клара пошла работать в собачий приют. Оказывается, она с детства обожала собак, считая их лучшими творениями Господа. Она даже, как ни странно это звучит, любое добро внутри себя измеряла в собаках.

«Одна собака» – единица преданности, любви, благородства и верности.

«Я люблю тебя, Клара, как пять.. нет, шесть, нет, как десять собак». Каково, а?

«И верен тебе... как пол... как четверть... да что уж там, как сотая часть собаки».

Да, в этом смысле не дотягиваю до прекраснейшего из созданий. Что поделать.

– Почему же мы так и не завели себе хвостатого дружка? – изумился я.

Клара потупилась.

– Я думала, ты никогда не согласишься. Ты же всегда был помешан на порядке, а щенок, пока вырастет, весь дом перевернет. А ты бы хотел собаку, да?

– Надо было меньше думать, а больше делать, – я погладил ее по щеке. – Ты могла хотя бы поговорить со мной.

В ответ Клара улыбнулась – тепло и как будто с облегчением.

– Завести друга мы уже не успеем. У нас совсем не осталось времени. Но я могу помогать им – несчастным, обездоленным. Бездомные собаки, они как брошенные дети. Ты бы видел их глаза... Они такие... такие... драгоценные. Глубокие, чуткие. Подумай, ведь люди их обидели, предали, но они все равно продолжают любить и верить человеку!

«Благодетельство – тысяча собак».

Я тихо пожал ей руку.

– Твои картины прекрасны, – сказала она в другой раз. – Я никогда раньше не понимала абстракции... Но ты как будто ловишь солнечных бабочек и рассеиваешь их по холсту.

Моя жена возвращалась с работы усталая, но счастливая. На ее осунувшемся за последние месяцы лице все чаще расцветала улыбка. От ее одежды разлило псиной. Но меня не раздражал этот новый запах Клары, потому что так пахла ее мечта.

Каждые выходные мы уезжали подальше от города и жили два дня как дикари, как первые люди на Земле – ночевали в палатке под безумными звездами, ловили рыбу в реке и, заворачивая в фольгу, запекали на углях, купались на мелководье, гуляли в лесу, собирая хворост для костра, валялись на траве и болтали обо всем на свете. Но о чем бы ни начинали мы беседу, наши мысли рано или поздно обращались к вечному. И в самом деле, что нам цены на бензин или война на Ближнем Востоке, если меньше чем через полгода мы предстанем перед Всевышним?

– Как ты думаешь, – спрашивала Клара, – Бог есть? Нет, я знаю, что написано в Библии. Там все объяснено и разложено по полочкам. Но ведь написать можно, что угодно. А так чтобы – взаправду? Он есть? Чтобы не размышлять больше и не сомневаться, а поверить до самого доньшка души?

– Наверное, – отвечал я, – ведь кто-то же говорил с нами? Мы оба слышали – и все равно ты сомневаешься?

Мы лежали на берегу, на расстеленном возле палатки одеяле, держались за руки и смотрели в ночное небо. Мягко шептала о чем-то река, перекатывая песок по гладкому дну. Мы не видели ее, но знали, что она полна лунного света и зеленоватая вода полощет бурые водоросли, отражая зубчатые верхушки елей и золотой частокол осоки.

– Конечно, Он есть, – рассуждал я. – Может быть, не такой, как о нем сказано в Библии. Может, совсем другой... Если созданный им мир – загадочен и непостижим, то что сказать о его Творце?

– А ведь они живые! – вдруг воскликнула Клара, показывая на звезды. – Посмотри!

И правда, яркое подвижное серебро мерцало в небе, стекая по гибким ветвям. Точно стая белых чаек расселась на невидимых проводах, и, сверкая под луной, хлопала крыльями и чистила перышки. Звезды, конечно, все знали о Боге, но не могли рассказать, потому что мы не понимали их речи. Их голоса, тонкие, как перезвон «ветерка» наполняли ночной воздух едва уловимой

музыкой. Языка воды, деревьев и прибрежной травы мы не знали тоже, но слышали их слабый шорох, впитывали их аромат, дышали с ними в унисон.

– Как странно, – вслух размышляла Клара. – Вроде бы все по-прежнему, но как мы изменились. Это и не болезнь – ведь нет такой болезни, как ожидание смерти – но кровь то застывает, то кипит ключом, и во всем теле какая-то лихорадка. И мир так нестерпимо прекрасен. Будто что-то тайное в нем открылось. Или вот как с переводной картинки смыли бумажную пленку, а под ней – такое сверкающее волшебство!

– Да, – подхватил я. – У меня такое же чувство. Как будто скорлупа треснула, а внутри – золотой орешек.

– Золотой, – улыбнулась Клара. – Мне кажется, я могу полюбить его весь, этот мир, и каждого в нем, даже ребят из своей бывшей школы.

– А своего не хочешь? – неожиданно для себя самого ляпнул я. – Ребенка, я хочу сказать.

– Сейчас? Ты шутишь?

– А если чудо?

– Есть вещи, которые нельзя отменить, – вздохнула Клара.

– Даже преступникам, осужденным на смерть, разрешается подать на апелляцию, – возразил я. – Если суд человеческий бывает милостив, то что говорить про небесный? Кем бы ни были те судьи, наши души у них, как на ладони.

49

Клара не ответила, но я заметил в темноте, как блестят ее глаза.

Мы смотрели на звезды и, держась друг за друга, думали о милости Божьей, а река несла наши мысли в черную даль, в неведомый космос океана.

Мы выезжали на природу до первых серьезных холодов. Осень в том году выдалась затяжная и яркая. Рядилась в алые с золотом платья, кружилась в задорном танце, сверкая огненным подолом, и вплетала в рыжие кудри хрупкие серебринки инея. А к началу декабря собрала в котомку все, до последнего лоскута – и укатила в страну вечного листопада.

Зимние ветра принесли первый снег. Первый – для всех. Для нас – последний. Мир готовился к Рождеству, а мы – к смерти. Я выбрал на елочном базаре самое маленькое деревце, а Клара нарядила его по-особому: своими сережками, золотыми цепочками, кулончиками и браслетами. Крохотная елочка возвышалась на табуретке у окна, украшенная богато, как восточная невеста. В сумерках мы не зажигали в гостиной света, и лунное сияние окутывало ее серебряной фатой.

В наш последний вечер Клара поставила на стол легкую закуску, два высоких бокала и бутылку сладкого вина. Но ни пить, ни есть нам не хотелось. Мы сидели в полумраке, глядя на елочку-невесту, а наши души уже как будто отделились от бранных тел и, словно два голубя, готовы были взлететь в усыпанное рождественскими огнями небо. Тихонько позвякивала на ветвях золотая мишура.

И было нам с Кларой Откровение. Ровно в одиннадцать часов, двадцать первого декабря раздался голос в ночи: «Вот так и живите». Вот так и живем. Я и Клара. А с нами – угадайте кто?

Вампиренок (памяти Matthew)

Marara

«Жанночка, родная, прости меня, но я ухожу. Ты сама знаешь, как неудачно у меня все складывается: ни работы, ни семьи, ни денег. И тебе я буду теперь только обузой. Хоронить меня не надо. Пусть похоронят за счёт государства: тебе меньше трат, а мне уже всё равно. Знай лишь, что я тебя любила и люблю. И деток твоих тоже люблю. Скажи им, чтоб не забывали тетю Миру.»

Мира положила ручку и криво улыбнулась. Теперь ей предстояло самое трудное и самое страшное. То, чему все еще противилось все её естество, вопреки холодным доводам разума. Уйти достойно.

Несколько последних месяцев она еще отчаянно барахталась, пытаюсь выплыть: посылала ненужные резюме, упрямо названивала Димону. Но кому, собственно, нужна немолодая эмигрантка со спотыкающимся английским и комплексами, буквально напечатанными на лице? Да и Жанне не до нее: сестра занята своими неурядицами с мужем. А уж Димон... И угораздило же ее влюбиться под самый конец жизни! Яростная, полубезумная страсть женщины, сознающей, что перебирать уже некогда. Вот и нарвалась.

Но точку в ее сомнениях поставил, как ни странно не Димон, а эта незнакомая нищенка, встреченная сегодня на улице. Бредёт, приплясывая, этакая оборванная грязная старушенция, бормочет что-то невнятное, толкает перед собой тележку из Ральфса, полную жестянок от колы. Увидела Миру и давай ей скалиться, рукой махать! Гляди, мол, Мира, на свое беспросветное будущее во всём обаянии безрадостной нищеты. И вот, она как будто решилась на то, о чём не раз подумывала...

Да уж, уйти из жизни непросто. И что все-таки выбрать: лезвие, или таблетки? Сперва она была уверена, лучше лезвие. Здорово ей врезалась в память хамская димонова тирада при последнем прощании: «Покончишь с собой? Не морочь мне голову! Скажи ещё, что вены вскрыешь... Где тебе! Палец порежешь, и то скулишь, как щенок, попавший под колеса... И не цепляйся ты за меня! Я не Армия Спасения. Не любил тебя, не люблю и любить не буду. Мы разные люди...»

А теперь вот жутко. Как это, самой себе и лезвием по венам. И кровящи-то сколько будет. Видать, прав был Димон: кишка тонка на такое пойти. Таблетки, пожалуй, лучше. «Таблетки» пробурчала она вслух, чтоб убедить себя окончательно.

– Не надо таблеток. Всё равно откачают, а здоровье полетит... – произнёс звонкий детский голосок над самым ее ухом. Вздогнув от неожиданности,

Мира резко повернулась. На самом краешке ее обеденного стола сидел худенький, светящийся мальчик лет пяти-шести, с крыльями за спиной, и серьезно смотрел на нее мерцающими глазами.

– Ты кто? – оторопело спросила она, – Ангел-хранитель?

– Не... – малыш поёжился, как от холода и быстро стрельнул глазами в сторону балкона, – Не ангел... Где уж... – и после минутного колебания судорожно выдохнул, – Я вампир.

– Ва-а-а-ампи-и-ир, – недоверчиво протянула Мира, скептически осматривая светящегося пришельца. Тонкое личико её эфемерного гостя с ресницами в пол-лица как-то не вязались с ее представлениями о вампирах. – А сюда ты зачем пожаловал? Что тебе от меня нужно?

– Кровь, – тихо ответил ребёнок и застенчиво улыбнулся, – Мне нужна твоя кровь.

Мира почувствовала, как ее окатила ледяная волна мистического ужаса. Одно дело проглотить пачку-другую таблеток и незаметно отключиться. И уж совсем другое – умирать от того, что это ангелоподобное существо вопьётся в шею своими острыми кривыми зубками. Мысли, подстёгнутые изрядной дозой адреналина, быстро завертелись в голове. Нужно было срочно искать какой-то выход из кошмара, благо жуткий ребенок как будто и не спешил.

– Ну хорошо, – вкрадчиво произнесла она, пытаясь оттянуть время, – но может мы немножко поговорим? Мне, признаться, не доводилось пока с вампирами беседовать. Любопытно же... Да и не похож ты как-то на вампира. Мне казалось, вампиры совсем другие...

– Не похож? – удивился мальчик, – Странно. А какие же, по-твоему, вампиры?

– Вампиры... Ну... – лихорадочно начала припоминать Мира свои скудные сведения о вампирах, почерпнутые из редко читанных фантастических книжек, – Они, в общем, не такие. У них зубы огромные, кривые, чтоб шею прокусить. Они из могил встают по ночам...

– Не... Ты не умирала ещё... Не знаешь поэтому... – горько вздохнул ребенок, – Когда из тела уходишь, оно портится. Как тут встанешь... А зубы кривые, – это да... Это бывает. У меня тоже кривые, наверное, вырастут. Подпитки не достаточно.

– А ты умирал?

– Конечно! – удивился малыш, – Как вампиром стать, не умерев? – и, заметив полное недоумение на лице женщины, принялся сбивчиво растолковывать, – Когда умираешь, то уходишь из тела. Одни совсем уходят, а некоторые остаются. Я не знаю всего толком. У нас же школ нет... Есть общее Вампирье знание. Ну, и беседы с другими... Говорят, у каждого есть свой запас чувств, который ему причитается. Ну любовь там, ненависть... А если его недополучишь и не используешь, то не уйдёшь. Будешь рядом с живыми бултыхаться, пока не исчезнешь. Подпитки-то нет.

– А подпитка – это кровь? – осторожно полюбопытствовала Мира.

– Не... – мальчик грустно улыбнулся, – кровь это для воплощения. Подпитка – это любовь. Но пока ты не воплотишься, кто ж тебя любить-то станет? Не увидят даже.

– Но я же тебя вижу, – возразила Мира и вздохнула. Ситуация становилась всё более запутанной, – Я даже с тобой говорю. И что такое воплощение?

– Ты подошла близко к нам. Почти ушла. Поэтому видишь, – продолжал объяснять ее странный гость, – А воплощение – это чудо. Это, когда тебе даётся второе тело. Я не знаю, как это получается. Но нужна кровь. И чтоб не видел никто. Когда, например, война, многие воплощаются. Шансов много... А так, безнадёга... Послушай, ну зачем тебе таблетки? – неожиданно взмолился он, – Ты же всё равно уходишь... Почему не бритва? Я ж за тобой уже неделю летаю!

– А откуда... Откуда ты знал... Ну... что я собираюсь... – испуганно прошептала Мира, поёжившись, – Об этом же не знал никто. Я и сама сомневалась...

По худенькому личику мальчика прошла какая-то тень. Он явно колебался, стоит ли ему отвечать на этот вопрос.

– А ты действительно умрёшь? Мне нельзя говорить об этом, если ты... останешься, – пробормотал он встревоженно, – это...

– Но ведь ты всё сам знаешь! – Мира не сводила с него расширенных от возбуждения глаз. – Разве ты не умеешь читать мои мысли? Предвидеть будущее?

53

– Не... Откуда... Мне отец сказал! – выпалил вампирёнок и виновато добавил,

– Но об этом никому нельзя рассказывать. Он ведь воплощённый...

Мира молча глядела на него, пытаясь собрать воедино разбежавшиеся мысли. Все это было настолько нереально и необычно, что на голову не лезло. Приняв её молчание за согласие умереть, малыш пустился в пояснения:

– Понимаешь, когда вампир воплотился, он понимает, как важно, чтоб его любили. И он всё для этого делает... Ну, чтоб любили его. Тогда он и живёт долго. И уходит после смерти совсем... А мама моя совсем молоденькой была. Влюбилась без памяти. Отец был доволен. А я получился случайно... Мама и не думала обо мне, – только о папе... плакала много... А ушла она за 2 недели до предполагаемых родов. Меня с собой не взяла, я позже ушёл...

– Она что, с собой покончила? – помолчав, поинтересовалась Мира.

– Не знаю, – мальчик равнодушно пожал плечами, – Она ничего сказать не успела. А я остался вампиром. Вырос даже... Отцу – спасибо, объяснил, где подпитку искать. Возле церквей, синагог все время околачиваюсь... другие, кто не знали, давно исчезли...

– А почему не возле Загсов? – опять удивилась Мира, – Женихи, невесты... Там вроде и любви больше!

– А мне что до этой любви? Жених, он не меня, он свою невесту любит! А вот из храмов люди выходят просветлённые и любят всех подряд. И мне от их любви чуток перепадает. В церковь бы или в синагогу попасть. Вовнутрь... Но там эти твои... Хранители... – мальчик вновь поёжился и взглянул на балкон.

– А вы что, конкурируете с ангелами? – удивилась Мира, – Они тоже страстями подпитываются?

– Не... – вампирёнок вздохнул, – Они – не по страстям. Они – по добру и злу. Любовь к мужу, например, для них – святое. А любовь к не мужу – грех... А по мне любовь, она любовь и есть... Что грешная, к любовнику, что материнская... И подпитка у них, у хранителей, не от людей, а оттуда, куда души потом уходят... Но я про них мало знаю. Лучше мне с ними не сталкиваться... Ты б решалась скорее, а? Залетит, того гляди, какой ненароком... – мальчик вздрогнул и умоляюще посмотрел на женщину. Она на минуту отвела глаза, лихорадочно componуя полученную информацию в общую картину. Оставалось одно белое пятнышко, один вопрос, но Мира с отчаянием догадывалась, какой последует на него ответ.

– А откуда отец твой знал, что я... Ну что я собираюсь... – спросила она внезапно охрипшим голосом.

– Так ты ж ему сама этим грозила... – тоскливо сказал вампирёнок, – Он, правда, не очень меня обнадеживал. Многие, говорил, собираются... Но все равно, шанс... Мне б воплотиться... А за него не переживай. У него другой источник подпитки сейчас есть! Помощней тебя...

– Димон, – прошептала Мира и с ужасом уставилась на лезвие, сизым пятном расплывающееся перед глазами, – Димон...

54

В груди её болью нарастало рыдание, в носоглотке предательски защипало. Но одно хорошо: все стало на свои места. И стало понятнее многое: и его безразличие в последние недели, и мучительные перепады от покровительского доброжелательства к насмешливому равнодушию, и даже последние безжалостные слова...

– И что же, эти ваши воплотившиеся... – стараясь говорить как можно более ровным голосом, спросила она, – сами не чувствуют ничего? Ни любви, ни жалости?

– Иногда чувствуют, – печально отозвался мальчик, – иногда нет. Это лишь от души умершего зависит. Вампиры, они как и люди, – разные бывают. Но если воплотившийся ответит на чувство, он – не вампир уже. Знание вампирье уходит, он просто человеком становится.... Это не так уж плохо, наверное...

Они помолчали, погруженные каждый в свои мысли.

«У меня тоже зубы кривые, наверное вырастут.» – припомнила Мира слова ребёнка и вздрогнула. Мысль о самоубийстве казалась теперь безумием, а поникший мальчонка вызывал острую жалость. Ему, похоже, вновь не удастся воплотиться. Так уж все по-дурацки устроено: пацану болтаться без материнской нежности по своему эфемерному пространству, пока не растает; ей доживать свой век без любви и умереть бездетной. Ведь самое-то страшное, что ей попросту не для кого жить, некому отдавать себя. Она-то – из дающих. Может поэтому она и приглянулась Димону... Кому, как не вампиру, учуять

мощный пласт невостробованной нежности, скопившейся за годы. Может ей и нужен был именно вампир... Вампир или вампирёнок? Может...

Смахнув набежавшие было слёзы женщина стала пристально рассматривать съёжившуюся на столе фигурку. Мальчик оценил её внимание по-своему.

– Ты это... Не переживай так... сбивчиво пробормотал он, – Если не хочешь уходить, не надо. Живи себе. Я и не надеялся особо... Одинок просто, вот я и разболтался. Утром всё равно подумаешь, что я тебе просто приснился.

– Послушай, малыш, а для воплощения необходимо, чтоб донор умер? – внезапно перебила его рассуждения Мира, – Жизнь отдаётся за жизнь?

Вампирёнок вскинул голову и серьёзно посмотрел на неё своими странными мерцающими глазами.

– Не... Не думаю. Это чудо. А чудо это не торговля: ты мне, я тебе... Нужна кровь, живая, из сердца, в котором любовь, а ведь кровь, она всегда через сердце идёт, правда? Ну и, чтоб не видел никто... И свет лунный, как сейчас, в полнолуние. Только вот что, – чуть слышно добавил он и виновато хлопнул ресницами, – чудо оно может и не состояться... Надеяться, конечно, нужно... Но чудо – это штука капризная... С чего б его, иначе, чудом считали?

– Ладно, – охрипшим внезапно голосом буркнула Мира и, схватив лезвие, лихорадочно полоснула себя по мягким подушечкам пальцев. Из глубокого пореза покатались тёмные бусинки крови, сливаясь в тоненький ручеёк. Крепко зажмурившись, женщина протянула дрожащую то ли от страха, то ли от возбуждения руку в сторону нахохлившегося вампирёнка и мрачно добавила, – Вот тебе кровь. И я не смотрю. Давай, воплощайся!

-Ну что Вы, мамаша! – весело произнёс дантист Рутенков, ополаскивая руки после осмотра очередного детского ротика, – И чего Вы такую панику подняли? Чудесные зубки у Вашего мальчика: прямые, ровные, никакие braces не нужны. Эти два постоянных уже вылезли, а эти два молочных шатаются... Мои услуги тут минимальны. Но за осмотр придётся все же заплатить. Нет, не мне, на выходе, там скажут сколько. А мальчик у Вас замечательный. Смотрит, правда, слишком серьёзно, и говорит, как взрослый... Но современные детки, они все такие! Им палец в рот не клади!

И что оно такое, эта первая любовь

Владимир Печников

Любовь, да... Особенно первая. Такая она яркая со своим волшебством воспоминаний, которые мы очень даже запросто прячем в тот самый дальний ящик допотопного стола собственной истории. От воспоминаний этих часто убегаем в сторону стеснительно, не давая проявиться им в жизненной суете. Но если уж нахлынут, то милым эмоциям нет предела, нет преград нежным чувствам, что ты... Первая влюблённость без сегодняшнего ума с разумом, она такая наивная и беззащитная, голая и чистая. А всё потому, что первая любовь – это очаровательная сказка, это нами же придуманное цветное широкоформатное кино, при просмотре которого мы сами, на основе полученного опыта, и приходим к некоторым выводам, рисуя красивую картину во взрослой голове.

Лично я всегда был влюблён. Всю жизнь. До самых сегодняшних дней. С тех пор, как себя только помню, любил и не представляю без этого никакого вообще существования. Кто-то помнит себя с раннего малолетства, но я, почему-то, только с семи лет. И уже к этим годам имелась в моём детском жизненном арсенале глупенькая, но влюблённость.

56

Ничего особенного, это была соседка, так бывает чаще всего, Ленкой её звали. Мы жили на окраине города, на широкой улице в обычных однотипных домах, построенных нашими родителями, недавно прибывшими из деревень на постоянное городское место жительства. Ленка всегда перед моими глазами предстаёт в таком образе: бежит вприпрыжку в коротеньком ситцевом платьице, в стоптанных сандаликах, а в руках держит гранёный стакан и кричит:

– Вовчик, побежали!

– Куда? – отодвигал я в сторону игрушечную машинку.

– Ты что, воду продавать! Щас... на мороженное... запросто... мне дядь Женя сказал... так можно-о-о!

О-о-о... Это был первый в моей жизни бизнес. Да, в те года, вы что, какое там... Мы с Ленкой, не поверите, простую воду продавали. Наливали её из обыкновенной уличной колонки. Жара невероятная стояла, градусов под тридцать пять. Люди шли по раскалённому асфальтовому тротуару вдоль только что сданного в эксплуатацию Проспекта Текстильщиков. Вот и мелькала в головах тогдашних Советских граждан с гражданками вполне уместная мысль – культурно попить водички холодненькой из стаканчика, а не прямо из-под колонки. Копейка – стакан, и дел никаких. Красота! А нам на удивление! Столько денег, с неба вдруг рухнувших, в руках держать, ох как

приятно было от всей души нашей искренней. Я, конечно, за кассира. А кто ещё? У кого есть карман в потрёпанных шортиках, тот и главный. Закон природы. Как сейчас помню: я обеими руками зависал на тугой ручке водопроводного агрегата и... вода с остервенением лилась на камни, обдавая нас, новоявленных предпринимателей, незабываемой кучей холодных, но горячих брызг.

Ленка на подхвате, такая лёгкая вся, порхала бабочкой со стаканом здоровенным, да ещё и с песенками от всемирного удовольствия, свалившегося ниоткуда на наши детские головы. Прохожие улыбались удивительной непосредственной нелепости, но лезли в карманы с сумками, доставая драгоценную волнительную копеечку. Нет, я теперь думаю, что не за воду, а за что-то другое доставали и улыбались, улыбались без конца. Копеек тридцать мы тогда заработали – целое богатство, которое тут же было потрачено на два эскимо и два стакана газировки с сиропом.

Я со своей подружкой почти никогда не разлучался, нам было интересно и весело. А маленький водяной бизнес сдружил так, что... В одном из сараев, при игре в докторов и раненых на войне, мы как-то непринуждённо сняли друг перед другом трусики. Вот тут-то и встал вопрос ребром...

57

– Ай! – сказала Ленка, округлив в пятаки свои карие глазёнки, в которых явственно вырисовывалось слово мама.

– Ой! – также произвольно сказал я. – Ничего себе! Совсем у неё ничего!

Ленка в упор смотрела на меня, а я на неё. Руки скорее пошли вниз и потянули вверх то, что до этого с такой лёгкостью сняли. Вот ведь, мы, как говорится, вроде бы единое целое, неразделимое, оказались вдруг на такой высоте, когда удивительно внезапно поняли что-то такое, словами необъяснимое, но указывающее на своё место. Лично мне, тогда в голову пришло сразу одно, что мы оказывается совершенно разные люди. Конечно, многие мысли тут же стали говорить о том, что теперь к прошлому нет возврата, а это значит разные пути, потому что не подходим друг к другу и отношения должны в корне поменяться. Это я уже сейчас взрослым умом, примерно, предполагаю, что где-то так оно и было. Мы глядели уже в пол сарая, переминаясь с ноги на ногу, позабыв про всё на свете, особенно я.

– А побежали воду продавать! – вдруг закричала Ленка.

– Ага, побежали! – поддержал я свою подружку, идя у неё в очередной раз на поводу, совершенно не замечая, что она была инициатором всех наших начинаний.

И мы побежали! Да, побежали по нашему прекрасному, удивительному детству, наполненному и счастливому, вперёд к стремительно наступающему новому миру со своими ошалелыми примочками и необыкновенными заморочками!

Ни в коем случае здесь не может быть первой любви, это и так всем понятно. Просто хочу попытаться из всех своих влюблённостей её определить, начиная с самых истоков.

Следующая влюблённость случилась чуть позже. Сейчас-то я точно осознаю, что тогда, в те давние спокойные, стабилизирующие мозги Советские времена, не в девчонок я влюблялся, а в собственные чувства и переживания, потому что обретал их изначально в своей жизни, делая самые, что ни на есть, первые шаги в области любовных отношений.

Не подозревая даже о характере и привычках того, в кого вдруг влюбляемся, на подсознательном уровне мы усердно пытаемся подогнать чужие мысли и переживания под своё собственное эго, а отсюда совершаем, не думая, неординарные поступки и прочие жизненные безобразия, которые непременно затрагивают взрослый интерес наших воспитателей, учителей и родителей.

58

Танечка, обычная симпатичная девчоночка, каких в подготовительной группе детского сада «Солнышко» было предостаточно, ну просто завались! Уж что я в ней увидел такого, отличного от других девчонок? И что она увидела во мне?

Целоваться мы начали в детском деревянном домике на одной из очередных прогулок. Пару девчонок стояли по краям домика. А мы просто прикасались губами, а потом ходили кругами с загадочным видом по детской площадке и наслаждались завидующим взглядам, исходящих от подружек.

Через некоторое время мы обнаглели до такой степени, что начали целоваться и в дело, и не в дело, при любом удобном случае и в любом месте. И вот, однажды, нас застукала воспитательница другой группы. Вот тут-то всё и началось.

– Вы что творите, целовальщики? – кричала уже наша воспитательница. – Совсем с ума посходили, чё ли?

За себя я нисколько не переживал, только как-то волнительно стало за возлюбленную. Мне, как истинному джентльмену, пришлось сделать Танечке предложение:

- Таня, – с задумчивым видом сказал я, – после того, что произошло, я просто обязан на тебе жениться! Не хочешь ли ты тоже?
- Да, конечно, и я хочу на тебе жениться, только, что скажут родители?
- Мы ведь тайно поженимся, никто не узнает. А когда вырастем, тогда и расскажем.
- Нет, так я не согласна. Или щас, или никогда.
- Ну, что ж, пусть будет по-твоему, – пошёл на уступку я и начал обдумывать план дальнейших действий.

Долго переживал и мысленно пережёвывал я всё, что скопилось в голове при создавшейся волнительной ситуации, совершенно не зная, как отнесутся ко всему этому родители. Но оказались напрасными мои трепетные мысли с терзаниями на подготовительном этапе перед серьёзным разговором, в первую очередь, с мамой. Она, не задумываясь, просто ответила:

- Да, пожалуйста, женитесь! Эка невидаль... – потом посмотрела в потолок и, улыбнувшись, добавила: – Только где ж вы жить собираетесь?
- У меня в комнате, это уж точно! – на полном серьёзе, с невозмутимым видом ответил я.
- Но у тебя в комнате ещё и твой старший брат живёт, который тоже мой сыночек...
- Твой старший сыночек давно уже вырос и ему пора подыскать себе другую комнату.
- Нет уж, дружок, так дело не пойдёт, – сказала мама и нежно щёлкнула по моему носу.

Тут-то до меня и дошла одна из непреложных истин, что тот, кто женится, тот и должен себе искать комнату для жилья.

Это было время, когда меня одного отпускали из дома, потому что бояться было некого и потому, что рос совершенно самостоятельным ребёнком. Я ворвался на площадку перед корпусом воспитательного заведения и тут же увидел свою подружку.

- У меня порядок! – кричал я. – Все вопросы почти решены! А у тебя?
- Мне строго-настрога наказали, чтобы я больше никогда не виделась с этим дурным мальчишкой. – насупилась Танечка.

Её мама посмотрела грозно на меня и покачала головой из стороны в сторону так, что мне показалось будто совсем немного ещё и эта голова отвалится.

Детишки давно зашли в помещение, а воспитательница звала, махала руками, пока не скрылась за дверью вслед за ними, не заметив меня, стоящего за углом.

Не знаю, какие силы привели меня к тому, что я подобрал на детской площадке первый попавшийся камень и с особым остервенением задулил его в окно. Стекло звякнуло с напрягом, и с дребезжащим стеклянными надрывом вывалилось из рамы вместе с осколками моего детского сердца. Я рванул с места к забору, где был кем-то и когда-то проделан небольшой лаз, выскочил наружу и помчался по направлению к собственному дому.

Больше в сад я не ходил. Нет, не по собственной прихоти, лишь только потому, что нужно было идти в школу.

И что оно такое, эта первая любовь? Сейчас, уже пребывая во взрослом состоянии, находясь постоянно в рутинной суете, я не перестаю удивляться тем мыслям, которые когда-то посещали мои детские полушария доморощенного мозга, не устаю восторгаться, иногда чуть-чуть стыдливо, тем чувствам и тем эмоциям, возникавшим, казалось бы, из ниоткуда, но так сильно повлиявшим на дальнейшую судьбу. Школьная пора – очаровательное время, чем-то и когда-то восхитившего каждого из нас, где мы впервые, очень осторожно, стали испытывать удивительное влечение к противоположному полу.

Кто-то влюблялся с первого класса, кто-то с седьмого, кто-то нёс это непревзойдённое чувство на протяжении всего школьного времени. Я, как уже говорил, влюблялся всегда!

На линейке я сразу и влюбился, не успев ещё попасть даже в класс! Она стояла такая, такая... В общем, какая-то не такая, как все. Хоть в белоснежном ярком переднике, а без косичек и бантов, но с короткой стрижкой почти угольных волос. Очки строго подчёркивали милое девчачье личико, которое произвело на меня неизгладимое тогда впечатление. Её мама, стоящая рядом, суетливо стреляла глазками по сторонам, то и дело, бросая на асфальт тревожную фразу:

– Да что же это такое? Где же он есть?

Я понял, что кто-то должен принести цветы, но опаздывал, приводя в неистовое положение мамочку и в плачевное состояние её собственную дочку. Я, недолго думая, отдал свой букет. Светочка так засветилась от моего неожиданного порыва, так вспорхнула над асфальтом, что кроме этого ничего совсем взамен не надо было мне! Она громко-громко засмеялась, доставляя мне, тем самым, неизведанное доселе удовольствие, прошедшее милой волной через всё моё тело!

Увы, Светочка быстро позабыла про те цветы. По доброте своей наивной, но и с надеждой хоть чем-то привлечь к собственной персоне, мне пришлось для

начала дарить подарки. Это были фотографии героев целой серии фильмов про «Четырёх танкистов и собаку». О, это был удивительный многосерийный фильм, идущий на допотопных тогдашних телеэкранах! По тем временам, для нас – просто настоящий шедевр, ведь по-другому, это увлекательное кино никак не назовёшь. На втором этаже, где учились старшеклассники, был оборудован целый стенд, посвященный этому фильму. Удивительный Янош Косс, Франтишек Печка, грузин Григорий с Шариком и другие... смотрели на нас, открывших рты, из любительских черно-белых фотографий, как бы говоря, мол, вот мы здесь, с вами.

Друзья моего брата частенько пользовались услугами этого стенда и нагло подворовывали фотографии для своего личного пользования и обозрения, в чисто эгоистических соображениях. В чисто других соображениях, совершенно не зная откуда берутся эти фотографии, я потихонечку тырил их у самих воров и дарил с особым торжествующим чувством своей возлюбленной. Короче говоря, они, эти фотки, по замкнутому кругу, опять возвращались в школу, где их, моя ненаглядная Светочка, передаривала направо и налево, благодаря чему и пользовалась большущим успехом.

61

Польза от этих изысканных подарков несомненно была, так как мне было разрешено таскать портфель от школы до дому моей избранной принцессы, несмотря на великий крюк, стоящий на пути к моим родным пенатам. Но иногда мне стало казаться, что лучше бы этой пользы не было. Совсем недолго я доставлял в пункты назначения эту тяжеленую и, вскоре, совершенно ненавистную мне портфельюгу! Сначала ваш покорный слуга перестал носить набитый, как мне тогда казалось кирпичами, портфель от дома в школу. Затем я прекратил это делать и в обратном порядке. Через некоторое время у Светочки появился новый носильщик, а моя любовь внезапно стала проявляться в совершенно других, уже в ревностных, качествах, неведомых мне до той поры. Недолго мысли мои кувыркались во влюблённой голове, пока не уяснили одну немаловажную вещь, что подарками и услугами нельзя заработать к себе те чувства, которые ты сам испытываешь.

На этом и закончилась моя очередная детская влюблённость, после которой я очень скоро, ещё более страстно, полюбил другую девчонку и неумолимо стал понимать другие, не менее важные вещи, в области Амура, которые до меня ещё не доходили и никаким боком не касались. Но это уже будет совсем другая история, которую я непременно вам расскажу.

Созвездие Большой Медведицы. Второй конкурс рассказов о любви

Плыли письма по реке...

Таёжник

– Юр, давай поскорей, а то дотемна не успеем! – подгоняет меня Светка.

– Не волнуйся, Светильник, успеем! – отвечаю я, продолжая накачивать велосипедное колесо.

Светка, она же для своих, Светильник – моя одноклассница. Нам по шестнадцать. Только вчера, в предпоследний день школьных каникул, она вернулась из каких-то южных краёв, где отдыхала у родственников всё лето. Она очень изменилась внешне и я вот уже полчаса привыкаю к новой Светке, к её нездешнему шоколадному загару, к новой причёске – теперь вместо двух привычных хвостиков, перехваченных аптекарской резинкой, волосы золотистым потоком спадают на плечи. Прямая, до бровей, чёлка и почти ещё детская припухлость губ, делают Светкино лицо немного кукольным, но зелёные глаза – большие и пытливые, придают ей серьёзности и даже какой-то взрослости. Под цвет глаз надета изумрудная батистовая кофточка, подвижные волны которой мягко облегают два упругих холмика маленькой груди. Через плечо у Светки почтовая сумка.

62

– А мама сегодня огурцы солит, вот и попросила хутор обойти, как бы оправдывается моя пассажирка.

Светкина мать – наша почтальонша. Иной раз, оббежав дворы, она просит дочь разнести почту по хутору, что в трёх километрах от села.

Как-то раз, увидев Светку с почтовой сумкой, я то ли в шутку, то ли всерьёз, предложил подвезти её на своём велосипеде. Она с лёгкостью согласилась, потом это вошло в привычку и всё прошлое лето я возил её на хутор и обратно. Обычно мы доезжали до моста и искупавшись, садились на его тёплые плахи, чтобы разглядывать почту. Мы сидели, свесив ноги над водами быстрой речушки под названием Малиновка, слегка касаясь плечами, я – в чёрных сатиновых трусах, Светка в купальнике, больше похожем на спортивный костюм гимнастки тридцатых годов, и увлечённо листали газеты и журналы – в те, «бестелевизионные» годы люди выписывали много разной периодики. Пересмотрев всё и обсохнув, катили дальше на хутор. Но это было год назад. Целый год! И вот сегодня я опять повезу Светку на хутор.

Ну, всё – вроде, накачал...

– Огурцы – это хорошо, мировая закуска! – пытаюсь по-взрослому шутить я и картинным жестом указываю на велосипедную раму – мадам, прошу!

Велик у меня хоть и старенький, но на ход лёгкий, а сегодня я его не чувствую вовсе! Меня охватывает непонятное волнение и кажется, что я не везу девушку, а лечу, держа её на руках.

– Давай купаться не будем – поздно уже, чуть повернув голову назад, произносит Светка, и в её голосе я тоже улавливаю тень лёгкого волнения, – посидим, почту разберём, и всё – хорошо?

Я останавливаюсь на мосту, и мы усаживаемся на привычное место. Солнце клонится к закату, с вечерней прохладой обостряются запахи и от дерматиновой сумки, лежащей на Светкиных коленях, пахнет сургучом и типографской краской. В эти запахи вплетается тонкий аромат девичьих волос, шёлковые пряди которых при дуновении ветерка касаются моего лица.

– Смотри, Кимам опять корейская газета пришла! А какие фотки в ней чёткие! – не то, что на наших. Так, – продолжает разбирать почту Светка, – Роман-газета Куракиным «Летели гуси-лебеди»... Михайло Стельмах написал, попросим потом почитать? А вот два письма: одно тёте Любе, а вот это, смотри, Юр, – казённое, деду Манько. Го-род-ской во-ен-ко-мат... Светка пытается по слогам разобрать нечёткий штамп отправителя. Я что-то поддакиваю ей и осторожно кладу руку на плечо. Она затихает и с минуту сидит неподвижно, затем медленно, чуть запрокинув голову и прикрыв глаза, поворачивается ко мне и я целую её.

63

Губы у Светки мягкие и тёплые. У меня перехватывает дыхание и кажется, что я вот-вот свалюсь в воду. Очнуться меня заставляет пронзительный крик – обхватив голову руками, Светка с ужасом смотрит вниз и полуоткрытым, ещё влажным от поцелуя ртом, шепчет: Юра, Юр, всё... Меня мамка прибьёт...

Я смотрю вниз и вижу как в водовороте кружит вся упавшая почта. Понимаю, что после нескольких кругов по спирали, всё упавшее вынесет на быстрину... И тогда...

Прыгать в реку бесполезно – что успеешь ухватить? Решение приходит мгновенно, запрыгиваю на велосипед и что есть мочи, гоню по тропинке вдоль берега. Только бы успеть к перекату! Это метров двести. Тропка хорошо укатана, и я лечу стрелой! Вот, наконец, показался участок реки, где как будто вскипает вода – перекат! Прямо с берега по пологому спуску залетаю на галечную отмель, по которой рассеялся водный поток и устремляюсь к противоположному берегу – там остался участок более или менее полноводного русла – как раз на ширину велосипеда и глубиной на пол колеса. Уверенный, что всё упавшее с моста понесёт именно здесь, загоняю велосипед поперёк бурлящего потока и уже через мгновение первая газета налипает на спицы. Ещё одна... другая... Письмо, но не казённое. Роман-газета чуть не проскользнула мимо, успеваю придавить ногой и свободной рукой выбрасываю подальше на берег. Ну, наконец, корейская газета и письмо для деда Манько, нашего школьного сторожа.

Но, вот что удивительно, – всё, что происходит в эти минуты, я принимаю как что-то обычное, даже должное. Будто это случается каждый день – кто-то сбрасывает почту где-то в верховьях реки, а я здесь, большой и сильный, вылавливаю их в бурлящем потоке. И от этого ощущения своей нужности, я кажусь себе совсем уже взрослым и значимым.

Раскладываю свой «улов» на, ещё не остывшие от дневного зноя, валуны и наконец замечаю идущую вдоль берега Светку. Красивее картины я не видел – в своей изумрудной кофточке на фоне багрового заката, с развевающимся золотом волос, она была уже из другого мира, из того волнующего, непознанного мира, в который мы сегодня с ней заглянули на тёплых плахах моста. Она осторожно спускается к реке, тревожными глазами смотрит на газеты и только, увидев письма, лежащих на отдельном камне, улыбается широко и радостно, видно, что за них она переживала больше всего.

– Юра, прости меня, – её пальцы касаются моей щеки.

– Да причём здесь ты! Всё нормально, Светиль... Я вдруг осекаюсь, понимая, что уже не могу называть её этим глупым прозвищем. Светка, уловив моё замешательство, выручает:

– А ты изменился за это лето, Юра, повзрослел!

Эх, Светка, Светка! Знала бы какой стала ты! – думаю про себя.

Потом мы разносили по хуторским дворам ещё влажные газеты и письма. Светка на ходу придумывает жуткую историю падения с моста вместе с велосипедом. Все ахают и жалеют её. На меня, по обыкновению, не обращают никакого внимания, и только старый кореец Ким, качая головой, с укором произнёс:

– Ай-я-яй! Некоросо девуска роняй воду. Плохо ездит – вози не надо!

Домой возвращаемся затемно. Я веду велосипед, по другую сторону которого идёт Светка. На её руке, держащейся за раму, лежит моя ладонь. Мы молчим, а мне кажется, что Светка сейчас, как и я, в мыслях на том волшебном мосту, где мы сегодня первым поцелуем, таким ещё робким и неумелым, закрыли наше детство. Вот и деревня. Светкин дом ближе.

– Ну, ладно, Юра, пока! – она высвобождает свою руку и, поправив на плече пустую сумку, направляется к калитке. Я молча провожаю её взглядом. Вдруг, уже почти растворившись в темноте, она резко поворачивается, подбегает ко мне и, обхватив руками, целует. Я пытаюсь придержать её, но она решительно выскользывает из объятий:

– Всё-всё-всё... – скороговоркой произносит Светка и, уже не оглядываясь, убегает за калитку

Я ещё пару минут стою, задрав голову к небу, и смотрю, как качаются звёзды. Дождавшись, когда они успокоятся, медленно веду велосипед к своему дому. Сегодня надо лечь пораньше – завтра в школу...

Выходила на берег Танюша

Александр Сороковик

– Та-а-нька! Та-а-нька! Иди домой быстрее, жених твой приехал!
– Какой ещё жених, что ты мелешь?
– Какой-какой! Костька Молчанов, вот какой! В новой форме, с кубарями на петлицах – красный командир, не хухры-мухры!

– А мне что до его петлиц? Никакой он мне не жених, просто сосед, понятно?
А ну, брысь отседова, не мешай работать, малявка сопливая!

Восьмилетний Лёшка умчался домой, предварительно скорчив сестре рожу и высунув язык. Таня снова взялась за работу: август, горячее время, не до женихов. Она злится, откидывает непослушную пшеничного цвета косу за спину, затягивает потуже косынку.

Вот что за манера, вся родня уши ей прожужжала: ай, Костенька, ай какой хороший парень, ну чего ты от него бегаешь, какого ещё тебе жениха надо? А ей никакого не надо! Тем более, какой из Костьки жених-то? В прошлом году, осенью в армию его провожали: стриженный, конопатый, уши торчат – жени-и-х!

Я, грит, писать тебе буду, и ты пиши. Как же, она всё бросила и давай писать жениху своему любезному. Потом, правда, сменила гнев на милость, стала отвечать. Но так, без излишеств, по-соседски, по-приятельски.

65

Хотя, честно сказать, ей даже нравилась эта переписка. Костя писал о красноармейских буднях, писал легко, с юмором, часто подсмеиваясь над собой. Весной 1941-го его направили на краткосрочные курсы красных командиров, а летом грянула война.

И вот сейчас Костя приехал в родное село уже лейтенантом. А почему же он не на фронте? Ладно, сейчас время рабочее, а вечером можно и встретиться с Костей. Жених-не жених, а всё же сосед.

Вечером у калитки вместо лопоухого мальчишки Таню ждал стройный, подтянутый военный в новенькой строгой форме, с двумя кубиками на петлицах. В его взгляде не было прежней робости и растерянности – он смотрел на неё уверенно и внимательно. Решительно подошёл, обнял, легко притянул к себе:

– Ну, здравствуй, Танюша!

– Здравствуй, Костя, – теперь наступила её очередь смущаться: она никак не ожидала в лопоухом соседе такой перемены.

– Ну что, пойдём, погуляем немного? – спросил Костя.

– Пойдём...

Вдоль речки вышли к околице, повернули к колхозному саду. Костя первым нарушил молчание, стал рассказывать, как служил красноармейцем, проявил способности, как его рекомендовали на срочные курсы красных командиров.

- А почему ты не на фронте?
- Дали отпуск на два дня – с родителями повидаться.
- Так что, завтра уезжаешь?
- Нет, послезавтра. В девять ноль-ноль надо быть на сборном пункте, в городе.
- Понятно. А завтра что делать будешь?
- Завтра? Завтра хочу в город съездить. С тобой.
- Со мной? Зачем тебе со мной ездить в город?
- Таня, послушай, родная, тут такое дело... я давно люблю тебя... выходи за меня замуж.
- Как же так, Костя? Нельзя же так, сразу... Я не знаю... – растерялась девушка.
- Танечка, пора сейчас такая – война. Нет у меня времени ухаживать да пороги обивать. Я ещё со школы тебя люблю, мне больше никто не нужен. Не успел тебе раньше признаться, а послезавтра на фронт, когда ещё увидимся?
- Костенька, ну как же так?словно снег на голову. Я ж не готова совершенно, да и у родителей надо спроситься. А свадьба – когда гулять?
- Танюша, это всё пустое! Родители наши только рады будут, да и какие свадьбы в такое время? Утром в город поедем, в ЗАГСе нас сразу распишут, без волокиты – я ж на фронт еду. А вечером стол во дворе поставим, с соседями по чарке выпьем, да и всё. Вот разобьём фашиста, тогда и свадьбу по-настоящему отгуляем – с белым платьем, фатой, гостями!
- Ой, Костя, Костенька! Что же ты, не даёшь мне передохнуть, мысли в порядок привести! Я ведь замуж не собиралась, вообще ни за кого!
- И за меня не собиралась?
- Таня помолчала, опустив взгляд. Затем решительно подняла голову, посмотрела парню в глаза:
- Ну как я могла собираться? Мне же только семнадцать, я с парнями и не гуляла ещё. Хотела в институт поступать, учиться на животновода, а тут война. Ты мне всегда нравился, – она слегка покраснела и выставила вперёд ладошку, не давая Косте приблизиться, чтобы обнять, – больше других нравился, но несерьёзно как-то, ну вроде, на будущее, когда-нибудь потом... Ты мальчишкой был, вроде товарища, соседа, а тут вот сейчас – совсем другое...
- Тогда вот что, Танюша, – парень решительно взял её под руку, – тебе надо время подумать и решить. Мы зайдём сейчас к тебе, я спрошусь у твоих родителей, моя-то мама давно согласна. И не перечь мне, пожалуйста! – он увидел, что Таня хочет возразить ему, – Так положено, у родителей спрашивать! А ты мне ответ утром дашь. Если согласна – сразу едем в город, в ЗАГС, если нет, ну тогда что ж, прости...
- Они медленно пошли к Таниному дому. Девушка молчала, опустив голову, а Костя рассказывал забавные истории о своих друзьях по курсам красных командиров, словно отстраняясь от очень серьёзного разговора, который вёл совсем недавно.

Подошли к дому, зашли во двор. Тузик радостно завилял хвостом, даже не думая лаять на парня, которого хорошо знал. Танины родители сидели на лавочке у крыльца, поднялись навстречу.

– Сергей Иванович, Антонина Петровна! Я люблю вашу Таню и прошу у вас её руки. Она пока не ответила мне, я подожду до завтра...

Таня снова покраснела, на глазах у неё выступили слёзы. Вырвала руку и убежала, не прощаясь, в дом. Мать торопливо пошла за ней.

Мужчины остались во дворе. Сергей Иванович достал дешёвые папиросы, протянул Косте, закурил сам. Парень вежливо отвёл от себя предложенную пачку: «Не курю, простите!»

Постоял немного, развернулся уходить, сказал негромко:

– Вы дядь Серёжа, не думайте ничего такого, я это очень серьёзно. Если Танечка согласна, и вы тоже... я завтра с утра приду, мы в город с ней поедem, в ЗАГС, там нас быстро распишут. А вечером стол накроем, какой-никакой... ну, посидим немного... – помолчал, направился к калитке.

Дядя Серёжа догнал его, развернул к себе, крепко обнял.

– Ты это, сынок, не сомневайся! И распишетесь, и свадьбу справим, всё путём будет! Иди к мамке, обрадуй! – Он докурил папиросу и направился в дом.

С утра ожидали Костю. Ещё вчера Таня после недолгого раздумья сказала родителям, что она согласна. Отец подорвался было бежать к соседям, сообщать радостную весть, но Антонина остановила его: негоже мчаться первыми навстречу жениху – вот придёт утром, всё ему и скажут. И в город отправят вместе с дочкой.

Сергей Иванович покряхтел, покрутился, но признал, что жена права. Поворчал:

– Куда мне мчаться-то, со своей кривулей, – он досадливо хлопнул по искалеченной ещё в Гражданскую левой ногой, – так, шкандыбать разве что... Но вместо Кости на рассвете прибежала его мать, и плача, стала говорить, что за Костенькой приехал посыльный на мотоцикле, привёз приказ: явиться на сборный пункт срочно, на сборы – двадцать минут.

Бросились в соседский двор: впереди Таня и Антонина, за ними сторающий от любопытства Лёшка, а сзади, ругаясь и припадая на хромую ногу, Сергей Иваныч. Костя ждал во дворе, шагнул навстречу. Таня, уже никого не стесняясь, кинулась к нему на грудь, заплакала. Он обнял её, прижал к себе:

– Танюша, ты мне одно скажи, ты согласна или нет?

– Да, да, конечно, Костенька, милый, как же так, неужели прямо сейчас нужно ехать?

– Да, нужно прямо сейчас. – твёрдо ответил Константин. Повернулся к посыльному, – Когда нам выезжать?

– Уже полчаса назад надо было, товарищ лейтенант!

– Ладно, десять минут ничего не решат, – он поймал взглядом Таниного брата, приказал: – Лёшка, быстро лети к председателю, Макару Фёдоровичу, скажи – срочно нужен, я зову!

– Тут три дома всего, рядом совсем, – повернулся он к мотоциклисту, – а нам обязательно нужно!

Вскоре примчался запыхавшийся Лёшка, и, едва переведя дух, отрапортовал:

– Уже! Уже идёт!

Действительно, по малом времени показалась грузная фигура председателя. Костя вместе с Таней, не сговариваясь, поспешили навстречу, экономя драгоценное время.

Лейтенант Молчанов остановился, сделал шаг на встречу, и, взяв под козырёк, отрапортовал:

– Товарищ председатель колхоза! Меня срочно вызывают на сборный пункт, и я не успеваю в городской ЗАГС. Прошу зарегистрировать брак с моей невестой, Татьяной Голиковой.

– Постой, постой, Костя! – Макар Фёдорович еле переводил дух, – К чему такая спешка?

– За мной посыльный приехал, я должен с ним уезжать. Мы с Таней думали сегодня в город ехать, но вон как вышло. Нет у нас времени, совсем нет!

– А у меня, Костя, полномочий таких нет, браки регистрировать! Это только в городе, или на край, в сельсовете, в центральной усадьбе. Всё что могу, заявления от вас принять, подтвердить своей подписью, а там уж как получится. Может, примут в ЗАГСе, а может, и не примут...

– Тогда мы заявления прямо сейчас и напишем!

– Ну ладно, красный командир, пиши; что поделаешь, доля наша такая военная. Бумага-то есть? – спросил он у молодых.

Костя кивнул, достал из командирской полевой сумки блокнот и химический карандаш. Передал невесте листок с блокнотом в качестве подкладки, подождал, пока она напишет под диктовку председателя, подпишется – Голикова Т. с малюсеньким росчерком.

Забрал карандаш и блокнот, быстро написал, поставил подпись. Подписали заявления, как свидетели, также родители Тани и Костина мама. В конце расписался Макар Фёдорович, подтвердил личности всех участников.

Посыльный заметно нервничал, сидя на своём мотоцикле, упиравшись в землю ногой, смотрел хмуро. Пришла пора прощания. Танины родители быстро пожали Косте руку, и отошли в сторону – не до них сейчас.

Мама плакала у сына на груди, причитала; не таясь, крестила его широким крестом. Он смущался материнских слёз, громких причитаний, а особенно крестного знамения. Чуткий председатель делал вид, что не замечает материнского креста, смотрел в сторону.

Костя мягко отстранил мать, крепко поцеловал её в заплаканные щёки, в лоб, в платок на голове. Тихонько сказал:

– Mamочка, мне надо с женой попрощаться...

Мягко отстранился, притянул к себе Таню. Она почти не плакала, только шептала:

– Костенька, любимый мой, я тебя буду ждать, ты возвращайся ко мне, я люблю тебя, родной мой, ты только возвращайся!

Он нашёл её губы, целовал, никого не стесняясь, что-то говорил. Потом резко оттолкнулся от неё, побежал к мотоциклу. Уже забравшись на сиденье, закричал:

– Я вернусь, обязательно вернусь! Таня, мама, вы слышите, вернусь...

Мы идём по аллее старого парка, в центре которого находится памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную. Мы – это я и моя четырёхлетняя внучка Таня, правнучка моих родителей, Константина и Татьяны Молчановых. Она не застала их на этом свете, они умерли в девяностые.

Их внук, мой уже взрослый сын, в своё время успел послушать истории о войне из уст их участника, деда Кости. Его, как и любого мальчишку, больше интересовали рассказы о боях с фашистами, о подвигах и орденах. История любви деда и бабки, прошла мимо его внимания. Он очень огорчился, что дед не успел дойти до Берлина, не расписался на Рейхстаге, не был ни генералом, ни Героем Советского Союза.

Конечно, став старше, оценил своих деда и бабу, любил, поддерживал, тяжело переживал их уход. Он теперь крупный начальник, много зарабатывает, у них с женой большая, красивый дом. Мы прекрасно ладим, но самая большая любовь у меня с их дочкой, моей внучкой Танечкой, названной по моей просьбе в честь прабабушки.

Я давно немолод, время моё уходит. Не знаю, сколько ещё мне отмерено, но я обязательно должен дождаться, когда внучка подрастёт, чтобы рассказать ей историю нашей семьи. Как всю войну моя мама ждала своего Костю, как он вернулся в 1944-м, после ранений и контузии. Как она всю войну подписывалась фамилией Молчанова, писала в анкетах, что замужем, и после войны добилась признания их брака именно с августа 1941-го на основании листов из командирского блокнота, исписанных химическим карандашом и заверенных старым Макаром Фёдоровичем – председателем колхоза «Заветы Ильича».

Как они прожили честную и достойную мирную жизнь, воспитали детей и внуков, а потом тихо ушли в своё время. Не получившие геройских званий и громкой славы, простые, обычные люди – соль земли нашей.

Всё это можно будет рассказать и позже. Пока Таня ещё маленькая и многого не понимает. Но она уже знает нашу любимую семейную песню и с удовольствием напевает её вместе с дедом. Вот и сейчас, мы тихонечко затягиваем в два голоса:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.

Выходила на берег Танюша,
На высокий берег, на крутой!

Именно так, как всегда пел её мой отец, гвардии майор, ветеран войны
Молчанов Константин Александрович.

Красные цветы

Джон Маверик

Неуловимо меняется свет, словно мимолетная тень наплывает на солнце – облако, а может, парящая птица. Стелла забирается в картонный ящик, а я беру в руки пилу. Это коронный номер программы, то, ради чего люди приходят смотреть наше жалкое цирковое шоу. На меня вдруг накатывает страх. Сырой и мерзкий страх-чудовище. Он с каждым выступлением становится все кровожаднее. Как будто огромный кусок мяса лежит на глубине, под сценой, и от него к зрителям тянутся сосуды-капилляры, превращая алчущую зрелищ толпу в стоглавого монстра.

Я пилю картонный ящик, и улыбка Стеллы превращается в гримасу боли. Не знаю, деланную или настоящую. Она актриса, успокаиваю себя. Играет на публику. Но страх шепчет мне: что-то не так. Пила входит, как в масло (а раньше проваливалась в пустоту), и на сцену льется кровь. Я говорю себе, что ее гораздо больше, чем могло бы вытечь из распиленного тела. Что это такой цирковой эффект. В человеке нет столько крови. Она собирается в лужу у моих ног, алая и блестящая, похожая на плоское зеркало. Я вижу, как она отражает опрокинутое небо с легкими барашками облаков – такое же, как у нас над головами, только темно-багровое, жуткое. Облака в нем и сами кажутся кровавыми лужами. Стелла беззвучно кричит, и я гоню от себя мысль, что это предсмертный крик.

71

Сейчас я взмахну рукой – и ничего не произойдет. Кровь останется кровью, а картонный ящик с перепиленным телом Стеллы завалится на сцену. Какая-нибудь женщина завизжит, в ужасе зажмурившись и закрывая ладонями уши. Заплачут дети. Кто-нибудь вызовет полицию. Но пока еще зрители верят в меня – доброго фокусника, а не маньяка-убийцу. Я взмахиваю рукой – и кровь превращается в живые цветы. Стелла, улыбаясь, выходит из ящика, отбросив его, как цыпленок скорлупу, и собирая в охапки красные маки, розы, гвоздики и тюльпаны, бросает их вниз, в протянутые руки. Горожане, смеясь, ловят пылающие на солнце букеты. Некоторые отшатываются. Симпатичный парень в соломенной шляпе пылко прижимает к груди красную розу и посылает Стелле воздушный поцелуй. Представление окончено. Мы раскланиваемся.

Через полчаса я подметаю опустевшую площадь – вернее, отгороженную ее часть, наш импровизированный зрительный зал. Она вся усеяна конфетными фантиками, обертками от мороженого и затоптанными лепестками, пожухлыми и темными, словно засохшие капли крови. Мусор легкий, как осенняя листва. Вместе со мной его метет ветер, закручивая в разноцветные спирали. Тем временем Стелла разбирает кассу.

– Неплохо, – громко объявляет она. – Наш капиталец прирос на полторы тысячи.

– Отлично! – радуюсь. – Может, отдохнем немного? Сделаем перерыв хотя бы на недельку. Махнем на море?

Стелла поднимает голову от кучи разложенных на столе купюр.

– Пьер, – произносит она с нажимом, – мы должны работать. Ты же не хочешь вечно колесить по стране на этом фургоне? Еще лет десять – и если дело так пойдет, мы купим собственный дом. Потерпи немного.

– Десять лет, – вздыхаю я.

Все у нее рассчитано на годы вперед. Работа до седьмого пота, бесконечные выступления, разъезды, кочевая жизнь. Потом свой дом с небольшим огородиком, хозяйство. Может быть, детишки. Только одного она не знает – моя жена и подруга. Я не фокусник и никогда им не был.

Мы ужинаем при свечах в каморке под сценой. Кока кола и бутерброды. Не густо, но мы решили экономить. На столе в вазе – три полуувядшие гвоздики с позавчерашнего спектакля. Стелла задумчиво смотрит на них, подперев щеку ладонью. В ее зрачках пляшут золотые чертики – отраженное пламя. Пепельные волосы кажутся розоватыми в мягком сумеречном свете.

– Моя кровь, – усмехается она. – И как ты все это проделываешь?

– Понятия не имею.

– То есть, как это не имеешь понятия? Ведь ты это делаешь. Блестяще! Почти без реквизита! Только ящик и пила, и цветы – прямо из ниоткуда. Я каждый раз удивляюсь. Ты гений, по-моему, и я тобой горжусь. Ладно, – она машет рукой, – это твое ноу-хау. У фокусников свои секреты.

Вымученно улыбаюсь и киваю.

– Вот-вот.

Стелла разламывает хлеб чуть дрожащими пальцами и жует без аппетита. Под глазами у нее залегли глубокие тени. Перед выступлением она их припудрила, но сейчас пудра осыпалась. Огненный свет, как вода, смывает с лица косметику, обнажая боль и усталость.

А я размышляю, как хорошо было бы отказаться от этого номера. От нашего коронного, из которого, как дерево от корня, растет мой страх. Не то чтобы мы ничего больше не умели. Я могу жонглировать тарелками и ложками. Стелла – воздушная гимнастка, по канату бегаёт, как по полу, не бегаёт даже, а как бы парит над ним. А еще у нас есть дрессированная собачка Пеппи. Вот она, спит под столом, наевшись досыта собачьей еды. На ней мы, кстати, не экономим, потому что оба любим животных. Пеппи умеет считать до четырех, прыгать через веревочку и подбирать кубики по цвету. Но кого этим удивишь? Мы бы не продали ни одного билета. Разве что с десяток ребятишек пришли бы – посмотреть на собачку. Другое дело – распиленная женщина.

– Послушай, – решаюсь я, – а тебе не бывает больно, когда я... ну, ты понимаешь.

Стелла встряхивает головой.

– Нет, с чего бы? Ведь это не по-настоящему, – она виновато улыбается. – Хотя... да, больно. Раньше так не было. Легкая щекотка – и все. А последнее время кажется, что пила пронзает мое тело. Что это моя кровь льется на помост. Ерунда, конечно, но я так чувствую.

Я знаю, что так и есть, но молчу.

Она снова встряхивает волосами, отчего густая челка падает ей на лоб, скрывая глаза, и совсем тихо добавляет:

– Да, очень больно. Но это просто нервное. Не беспокойся, Пьер.

Легко сказать – не беспокойся. Она же не знает того, что знаю я. Фокус с пилой – на самом деле никакой не фокус. Это волшебство, имя которому – любовь. Только она способна многократно убивать и воскрешать из мертвых. Только она может превращать кровь в цветы. Я люблю Стеллу. Но если моя любовь дрогнет (а когда-нибудь это обязательно случится, ведь чувства – не прямая линия, а почти всегда синусоида) даже страшно представить, что произойдет. И тогда... да поможет мне Бог!

Созвездие Большой Медведицы. Второй конкурс рассказов о животных

Когда мы были другими

Джон Маверик

Он помнил смерть, как мутный сон. Сперва лежишь в горячей от жара постели, откашливая душу, окруженный детьми и внуками. В изголовьи горит свеча, а дочь держит твою руку. Потом словно уплываешь куда-то. И вот уже ты в уютной темноте сосешь молоко и ничего не видишь, потому что глаза затянуты кожей. А вокруг такие странные запахи – затхлого подвала, сырой земли и плесени, мокрой шерсти. И меховой бок мамы – теплый, как грелка. Ощущения, рваные, словно клочки газет, и никак не удается собрать их воедино. Понемногу растешь, нежишься в тепле и сытости, набираешься сил, и только спустя дни понимаешь, что в эту новую жизнь ты явился кошкой.

Антон съежился на краю газона, сжавшись в тугую, дрожащий комок. Мороз пробрался к нему под шубку и колол длинными ледяными иглами. Под лапами хрустела седая и хрупкая от инея трава. Ветер мел по дороге снежную крупу вперемешку с мерзлыми листьями. Ноябрь. Стылое, тусклое предзимье.

Казалось, еще вчера он резвился на солнечной лужайке, гонялся за поздними бабочками и ел пшеничную кашу, которую жалостливая бабулька кидала голубям. А сейчас опустевшую землю сковала стужа, упрятала под гладкий, как стекло, панцирь. От холода горели уши и подушечки лап, и хотелось уменьшиться, скрыться, как цветок под настом, скататься в бесчувственный белый снежок.

Антон тосковал по кошачьей маме, сгинувшей две недели назад неизвестно куда. И по черно-белой сестричке, убитой бродячей собакой. И – немного – по такой далекой теперь человеческой семье. Он почти не помнил ее. Только обрывочно – плоские бледные лица... взгляды, обрывки фраз... Где они теперь, его бывшие родные и близкие? Он не узнал бы их, даже увидев случайно на улице. И кем был он сам? Антон вспоминал, как в черном костюме и рубашке с галстуком уходил по утрам на работу. Но что он делал там? Наверное, что-то важное. У людей всегда так. Они надевают костюмы, чтобы казаться умнее и значительнее. Хотя, если хорошенько поразмыслить, то какая разница? Если ты дурак, то дураком останешься в любой одежде.

Антон забыл даже собственное отчество. Евгеньевич? Или Васильевич? Не все ли равно. Зачем оно бездомному котенку? Зато он хорошо помнил кошку Мурку, голубоглазую помоечную сиамку. В такой же морозный день Антон подобрал ее у мусорных баков, полумертвую и неподвижную, обмотанную целлофаном, принес домой, вылечил и полюбил. Двадцать лет она была ему доброй подружкой. По вечерам, когда холодные звезды вставали над крышами, Мурка забиралась к нему на колени, а оттуда – на плечо. Она грела хозяину ухо, напевая тихую песенку, а их мысли сплетались в воздухе, как струйки пара, и в какой-то момент совершалось удивительное превращение.

Двое становились единым существом – громко мурчащим, ласковым, мудрым, любящим и счастливым. Когда Мурка ушла на радугу... (они ведь уходят на радугу, правда?) Антон осиротел. Как будто половину отрезали от души. Наверное, не самую ценную. Но как же мучали его фантомные боли! Ни дети, ни друзья – никто не мог заполнить возникшую пустоту. Подвешенное на тонких нитях тоски, его сердце шесть лет раскачивалось над пропастью, а потом не выдержало – сорвалось, и Антон поспешил вслед за своей любимицей. Вот только попал в совсем другое место.

В детстве бабушка говорила ему, что ласковые домашние кошки иногда перевоплощаются в людей. Но плохие люди никогда не становятся кошками. Получается, что Антон был хорошим человеком? И эта бесприютность, на самом деле – награда? Или все-таки наказание, например, за лень? Не желал ли он когда-нибудь поваляться, как Мурка, на мягкой подушке, вместо того, чтобы тащиться на работу? Бог слышит наши просьбы, но исполняет их по-своему. Или рождение в кошачьем облике – случайность, кинутый кем-то жребий? Нелепый проигрыш во вселенской лотерее?

Наверное, раньше Антон с легкостью нашел бы ответ. Но слова, которыми он когда-то изящно жонглировал, теперь шли с трудом, их приходилось извлекать из памяти, как золотинки из песка. Внутренняя немота притупляла мысли, а в голове засел образ: жалкий клочок меха, вмерзший в ледяное лунное крошево. Кто-нибудь нагнется по утру: ребенок потерял варежку, надо бы положить на скамейку, да нет же, тьфу, это дохлый котенок.

«Вот так и закончится это воплощение», – думал он обреченно.

Больше ни о чем Антон не мог размышлять, только трястись в смертельном ознобе. Но крохотное пушистое тельце не хотело умирать. Оно успело полюбить жизнь, такую бесхитростную. Мимо скучно текли прохожие, зарывшись подбородками в толстые вязаные шарфы и оскальзываясь на ходу. Сначала Антон с громким плачем бросался им под ноги. Но никому не было дела до маленького озябшего зверька. И он смирился. Отполз на обочину и тихо ждал смерти.

Девочка в красном пальто – словно наливное яблоко на белой скатерти снега. Она шагала между двумя серыми взрослыми, цепляясь за их руки, балуясь и скользя в алых ботинках по обкатанной дороге. Мало ли детей щеголяет в ярких одеждах? Но в этой малышке было что-то особенное. Она как будто несла в руке невидимый фонарик. И, привлеченный этим странным незримым светом, Антон из последних сил запищал. Получилось тихо, тоньше мышиноного писка, но девочка услышала. Подбежала и, подхватив котенка на руки, с вызовом посмотрела на родителей.

– Леночка, – простонала мама, – мы же собирались купить породистого!

– Не надо, – остановил ее папа. – Не надо нам породистого. Она выбрала этого – и хорошо. С аутистами спорить бесполезно, ты только расстроишь ребенка и, может быть, причинишь вред.

– Не называй так нашу дочь, – негромко попросила мама. – Она еще покажет всем этим врачам, психологам и логопедам. Она...

Но папа только горестно покачал головой.

Они стояли молча, двое серых взрослых, с тревогой и нежностью глядя на девочку в красном пальто.

А та прижимала к себе котенка, погрузив пальцы в мягкий дымчатый мех, гладила и укачивала, как любимую куклу. И случилось невероятное. Его разум, плененный тесным обликом животного, и ее – затуманенный неизвестной болезнью, каким-то чудом вошли в резонанс. Захлестнутый внезапным чувством дежавю, Антон широко распахнул глаза. Уходил холод из костей, и волшебными огнями вспыхивали в темноте воспоминания. Он и эта незнакомая – а на самом деле очень давно знакомая – девочка снова стали одним существом, по-новому разумным, мурчащим и теплым.

– Мурка?! – прошептал Антон, конечно же, мысленно, ведь кошки не умеют разговаривать.

Но она поняла и – так же мысленно – откликнулась.

– Хозяин?

– Похоже, это ты теперь моя хозяйка!

Она засмеялась, радостно и звонко, и закружилась с ним на руках по снежной дороге в нелепом детском танце.

– Ну теперь-то ты узнаешь, каково это – гулять на шлейке! Когда хочется все изучить и понюхать, полазить по кустам и погоняться за птичками! А тебя все время тянут назад!

– Ну теперь-то я отомщу за описанные тапочки!

Девочка опять засмеялась.

– Я назову его Антон! – вдруг сказала она отчетливо и громко, и онемевшие от счастья родители взволнованно переглянулись. Их малышка заговорила!

– Антон! – спохватилась мама. – Тоша, Тошенька. Чудесное имя! Лена, Тошенька совсем замерз, отдай его папе, пусть согреет малыша за пазухой. А потом мы вместе поедem в зоомагазин, купим лоток и паштет для котят.

– И домик! – потребовала девочка, доверчиво глядя на мать голубыми сиамскими глазами.

– Ну конечно. Мы купим ему самый лучший домик!

А к Антону вдруг пришел ответ – в виде круга, правильной и очень красивой геометрической фигуры. Еще немного – и он облек бы ее в слова, чтобы объяснить своей маленькой хозяйке. А та рассказала бы кому-нибудь другому. И отправилась бы истина бродить по Земле. И тогда все в мире получило бы объяснение, скруглилось и воссияло, обретая неведомый прежде смысл.

Но большой серый взрослый бережно принял котенка из рук девочки в красном пальто и положил за пазуху, заботливо укрыв меховой курткой, жаркой, как мамин бок. Малыш притих и забылся в тепле.

И жизнь пошла своим чередом.

Ряба Туранга

Этот цыплёнок вылупился позже всех и был самым слабеньким. Его братья и сёстры сразу громко запищали на все лады и разбежались в разные стороны, с любопытством знакомясь с новым миром, а он не подавал голоса. При первом же осмотре выяснилось, что у него недоразвита лапка и он не мог даже толком стоять – он не только не успевал подбежать к кормушке, но даже не умел ни клевать зёрна, ни пить. Его судьба была предрешена с самого начала – его ждала верная гибель от голода.

Так бы оно и произошло в самое ближайшее время, если бы на летние каникулы в гости к бабушке не приехала внучка Машенька. Она только закончила первый класс, была круглой отличницей и очень серьёзной и ответственной девочкой.

Машенька сразу взяла над ним шефство – кормила из рук и поила из пипетки. Бабушка сказала, что цыплёнок всё равно погибнет, потому что кормить его надо через каждые полтора-два часа, а делать это некому. В первую же ночь ей пришлось пожалеть о своих неосторожных словах – девочка вставала по звонку будильника и терпеливо выхаживала цыплёнка, которого поселила в сенях дома.

77

Шло время – цыплёнок набирал вес, научился бегать, смешно переваливаясь на ходу, и необходимость в ночных дежурствах отпала. Машенька назвала его Рябой и терпеливо учила командам. Ряба оказалась на редкость умной – быстро всё усваивала, ходила за девочкой по пятам, научилась отличать её голос из десятка других и находила её везде, где бы она не спряталась.

Куручка даже бегала за Машей на речку, а когда впервые увидела её в воде, заполошно закричала, захлопала крыльями и отчаянно ринулась в воду – спасти хозяйку, а потом гнала её до самого берега, подгоняя клювом. Ещё долго после этого памятного купания Машеньке пришлось залечивать синяки и ссадины, зато Ряба, к удивлению и радости местной детворы, научилась плавать, став местной достопримечательностью.

С тех пор так и повелось – только Машенька заходила в воду, как Ряба тут же бросалась следом и кружила вокруг неё, готовая броситься на помощь при первых признаках опасности. Однажды детвора уговорила Машеньку притвориться, что она тонет и позвать на помощь – девочка так и сделала. Ряба тут же выгнала её из воды и в тот день девочку к речке не подпускала. Больше Машенька с ней так не шутила.

Соседские ребяташки пытались приманить курочку, но не тут-то было! – Ряба шла только на голос своей хозяйки и ела из её рук.

Курочка принимала активное участие во всех ребячьих играх: участвовала в велосипедных гонках, гордо восседая на раме; во время игры в футбол зорко сторожила ворота и первой бежала за улетевшим мячом, а потом гнала его обратно, подгоняя лапками и клювом; во время игры в бадминтон истошными криками привлекала к себе внимание – дети специально роняли воланчик, а потом со смехом наблюдали, как Ряба несёт его своей хозяйке.

Как только Машенька утром выходила во двор, Ряба, бросив все свои птичьи дела, неслась к ней со всех лап, а магическое слово «гулять!» – заставляло её первой бежать к калитке. Курочка была очень смышлёной и понимала человеческую речь – она приносила именно то, что просила её хозяйка, а если предмет был слишком большим для неё – подбегала к нему и хлопала крыльями, как будто говоря «он – здесь!».

А ещё Ряба была самым лучшим охранником – Машеньке достаточно было сказать:

– Ряба, он меня обижает! – и показать на обидчика пальцем, как курочка тут же бросалась на него, а тому, под громкий хохот окружающих, приходилось спасаться бегством от её острого клюва.

78

В беззаботных играх пролетело лето, Машеньке пора было собираться в школу. Невозможно было без слёз наблюдать сцену прощания – Ряба как будто чувствовала долгое расставание и с утра бестолково бродила по двору, не прикасаясь к еде. Когда наступило время отъезда, курочка сначала перегородила дорогу к машине, а потом бросилась под колёса.

Машенька долго объясняла Рябе, что все дети должны ходить в школу, и что она обязательно приедет через неделю. Курочка как будто поняла её, потёрлась, как котёнок, об ногу, и больше не препятствовала отъезду.

Прошла неделя, наступила суббота – и Ряба с утра заняла свой пост возле калитки. Как же бурно она радовалась Машиному приезду, а потом целый день ходила за ней по пятам!

Два дня пролетели очень быстро, снова наступило время расставания, но Ряба уже не препятствовала сборам, только вышла с бабушкой на дорогу и долго смотрела вслед автобусу, увозящему Машеньку в загадочный и незнакомый город.

Каким чутьём Ряба определяла, что закончилась школьная неделя и должна приехать Машенька – никто не знал, только каждую субботу курочка с самого утра терпеливо охраняла калитку.

Близилась холода – наступило время подготовки к зиме, которая, как правило, была ранней и затяжной.

Однажды, в очередную субботу, Ряба Машеньку не встретила. Девочка бегала по всему двору, заглядывала во все постройки, обшарила все углы – её любимицы нигде не было.

Бабушка готовила обед, когда услышала Машин крик – девочка рыдала так, что сбежались соседи. На полу в сенях лежали окровавленные и выпотрошенные куриные тушки, среди которых Машенька увидела Рябу – она узнала её по кривой лапке.

Горе девочки было искренним и неподдельным – бабушке пришлось вызвать сельского фельдшера, потому что Машенька не подпускала её к себе и непрерывно кричала:

– Убийца! Ты убила Рябу! Я тебе никогда этого не прощу!

79

Никакие доводы, что куриц выращивают специально на убой, Машенька не слушала – ведь Ряба была для неё не просто курицей, а лучшим другом!

В тот день Машенька впервые отказалась от обеда, а потом позвонила маме и потребовала немедленно забрать её обратно домой.

Ещё долго после этого Машенька не ела ни курятину, ни яйца и отказывалась навещать бабушку.

С тех пор прошло много лет – Машенька выросла, обзавелась семьёй, у неё подрастают дети-школьники. Обида давно улеглась, но память о Рябе жива, а бабушка до сих пор чувствует свою вину.

Секундное дело

Ольга-Клен

Что? Что? Что это там так оглушительно пахнет? Неужели я пропустил? Колбасные шкурки!!! Хозяйка чистит колбасу. Только бы не опоздать! Всё, я уже на пороге. Я уже здесь! Где? Где? Где нежнейшие шкурки? Ну конечно, коты уже собрались!

Ластятся к хозяйке, в глаза ей заглядывают, мурлычат... Лентяи, лежебоки, бездари! Идите мышей ловить. И пропустите, я ещё вчера очередь занимал! Да, я – первый! Что?!! Шкурки только для котов?! Дискриминация!!! По родовому принципу. Я не виноват, что родился мопсом. Да, я собака, но кошачьей породы. В общем, я – кот. И всё при мне: четыре лапы, два уха, нос, хвост. Ну и что, что я не ловлю мышей? Зато я ловлю заднее колесо у велосипеда почтальона, а это гораздо труднее. И тереться об ноги хозяйки умею, и в глаза ей заглядывать. Вот только мурлыкать не умею, но это из-за дефекта речи. Просто я букву «р» не выговариваю, у меня получается: «Мух! Мух!» Всё, я кот, не сомневайтесь. Давайте скорее сюда колбасные шкурки!

С какой же стороны они упадут? Справа? Слева от хозяйки? Только бы поймать! Здесь я, здесь! Ура! Летит! Где же этот слюневыделяющий кусочек? Неужели я его уже съел? Так быстро? Прямо, секундное дело! Ну почему самого вкусного всегда так мало? Наверно, потому, что это – дерикотесс. Так называла хозяйка малюсенькую баночку икры. Я потом полизал банку, никакой это не дерикотесс. Вот когда я побежал драть котессу, соседскую кошку, это был настоящий дерикотесс! И очень дорогой, вон до сих пор шрам на шкуре от кошачьих когтей. О чём это я? А! О нехватке колбасных шкурок в жизни и о их быстром исчезновении. Всё же, удовольствие от ожидания приятнее самого удовольствия.

Эта колбасная шкурка только разбудила аппетит. Намедни я, помнится, закопал сахарную косточку во дворе. Надо пойти, отрыть. А что делать, если собаку не кормят? Какая каша? С какими кусочками говядины? Так это было давно, уже часа два назад! Сейчас вы меня и молоком будете упрекать, которое я нашёл в кошачьей миске! Ну, полакал немножко... Коты уже не хотели, они сами разбежались в разные стороны при моём появлении.

Вот моя любимая косточка, вот моя красавица! Брысь! Не подходи! Р-р-р-р!!! О, буква «р» прорезалась. Наверно, это от голода она пропала. Кыш, коты! Собака обедать будет!

Созвездие Большой Медведицы. Третий конкурс рассказов о животных

Кот и пёс

Александр Сороковик

(история одной дружбы)

Дом удалось купить довольно дёшево. После оформления Артём нанял бригаду строителей, чтобы сделать нормальный ремонт, снял на два месяца квартиру неподалёку, перевёз туда жену с детьми. Почти каждый день, до или после работы мотался «на объект», следил за ходом работ, решал возникающие вопросы.

Бригада попала нормальная, ответственная, практически непьющая. Работали световой день, чтобы закончить работу поскорее и взяться за другой объект. Известно, летний день год кормит!

Рыжий, крупный, поджарый кот Моня, доставшийся в придачу к дому сразу же заявил свои права на должность хозяина двора: обходил владения, наблюдал за ходом ремонта, гонял чужих котов. При этом чётко понимал, кто хозяин, а кто работник: об ноги тёрся только Артёму, с рабочими держал дистанцию, хоть и позволял себя гладить и угощать кусочком колбасы.

Артём купил большой пакет сухого корма, отдал бригадиру, чтобы тот кормил Моню – кот в доме всегда нужен, а этот здесь привычный, все ходы-выходы знает, и мышей в подвале ловит.

Вскоре ремонт был сделан, ребята получили расчёт и уехали. Артём перевёз жену, дочь и сына в новый дом. Моня по-прежнему вёл себя как хозяин: с важным видом патрулировал двор, иногда, когда приглашал хозяин, соизволял зайти в дом – пройти по комнатам, проверить порядок.

Однажды хозяин огородил угол двора сеткой, установил там большую тёплую будку, застелил подстилку, поставил миски. А на следующий день привёз пушистый рыже-чёрный комок – подростка щенка овчарки, для охраны территории, как он сказал домочадцам.

Дети вначале повозились с новой игрушкой, а потом потеряли к нему интерес. Десятилетний Юра предпочитал зависать в компьютере, а Алису, которой уже исполнилось пятнадцать больше привлекали тусовки со сверстниками.

Артём целыми днями был на работе, и только вечером иногда мог недолго повозиться с Байкалом, как называли щенка. Жена хозяина Лена вообще не обращала на собаку внимания: дом, хозяйство, работа на дому дизайнером. Байкалу было скучно, он бегал по своему вольеру, неуклюже пытался ловить воробьёв, грыз деревяшки и резиновые мячики.

Как-то вечером, когда Артём пришёл домой немного раньше, чем обычно, он выпустил Байкала из вольера, чтобы тот побегал по двору, ознакомился с территорией, которую ему предстоит охранять.

Моня сидел на лавке возле летней кухни, и слегка презрительно наблюдал за резвящимся подростком. Но вот пёсик подкатился к лавке и с удивлением уставился на кота. Слегка зарычал, попятился, потом припал на передние лапы, отключив зад, и звонко залаял.

Хозяин двора снисходительно мявкнул и стал умываться. Пёс подскочил ближе и попытался ткнуться мордой в рыжий бок, установить непосредственный, так сказать, контакт. И тут же за подобную фамильярность был бит лапой по морде.

Конечно, когти Моня убрал, негоже серьёзному бойцу применять грозное оружие против неуклюжего подростка! Но всё равно, щен благородных кровей был возмущён до глубины души! Его, словно жалкую дворняжку, оскорбили действием! С залиvistым лаем Байкал кинулся на наглуую рыжую морду, требуя немедленной сатисфакции.

Однако что-то пошло не так. Котяра повернулся, вздыбил шерсть и громко зашипел. Потом против агрессора был снова применён приём «лапой по морде». Демонстрация возможностей закалённого в бесчисленных драках бойца произвела на недоросля столь сильное впечатление, что он, позорно поджав хвост, и подвывая, ретировался в свою будку.

Вечером Моня заявился в собачий вольер, и не обращая внимания на щенка, подошёл к его мискам, попил водички, брезгливо обнюхал остатки овсянки, и не спеша удалился, подрагивая рыжим хвостом, поднятым, словно победное знамя.

82

С тех пор такие визиты стали регулярными. Но если раньше они служили явной демонстрацией силы и презрения с одной стороны, и бессильной ярости с другой, то вскоре превратились в протокольные мероприятия, без которых не обходился ни один день.

Кот по-прежнему лакал воду из Байкаловой миски, нюхал вторую миску, с едой, и всё чаще вместо засохшей каши находил там ещё и мясные кусочки, которые, похоже, оставлялись специально для него.

Подросший щенок всё также облаивал кота, но теперь это больше напоминало приглашение к игре. Он бегал вокруг Мони, заливаясь лаем, пытался развести его на догонялки. Старый кот, не теряя достоинства, слегка подпрыгивал, легонько бил собаку мягкой лапой, и, выгнув спину, отбегал на несколько шагов. Потом заваливался на землю и снисходительно позволял Байкалу бегать вокруг, оглашая окрестности радостным лаем.

Иногда, после удачной охоты, приносил товарищу задавленную мышь, как ответный презент. Пёс с удовольствием хрумкал гостинец, и благодарно вилял хвостом.

Наступала зима, а с нею холод и снег. Байкал, благодаря густой шерсти и тёплой будке легко переносил непогоду, а вот старый кот всё чаще мёрз. Его приглашали в дом, но он, обойдя все комнаты, в лучшем случае мог подремать полчаса на коврике в коридоре, а потом опять просился во двор.

В конце концов он привык забираться в будку под лохматый бок своего друга. По ночам Байкал часто вскакивал, обегал территорию, лаял, когда положено – охранные качества он впитал с молоком матери. Кот, хоть и не одобрял эти отлучки, особо не возмущался, понимал: работа есть работа.

Так прошло несколько лет. Дочка Алиса выросла, вышла замуж и покинула отчий дом. Юрка всё чаще убежал к друзьям, всё позже приходил домой. Артём получил повышение, работал ещё больше, Лена становилась всё более успешным дизайнером.

Байкал превратился в мощного, холёного зверя, грозного охранника со свирепой внешностью и добрейшей душой огромного щенка. И только Моня стремительно старел. Всё чаще он лежал, прикрыв глаза – летом под раскидистой яблоней, зимой – в будке, под собачьим боком.

Хозяева завели молоденькую кошечку, которая отлично справлялась с мышеловлей. Только изредка старый кот выходил на охоту, чтобы принести другу гостинец.

Наступила весна, буйная, дружная, зелёная. Природа оживала, всё радовалось жизни. А старик Моня угасал. Кто знает, сколько ему было лет, ведь жизнь дворовых котов обычно короче, чем у домашних.

В одну чудесную весеннюю ночь, когда распускались и одуряюще пахли цветы яблонь, Байкал, вернувшись с ночного обхода, не нашёл в будке старого друга. Он заснул, иногда поскуливая, и чутко прислушиваясь к шорохам ночного двора.

Утром оставил в миске особо пахучий кусочек мяса для Мони, но тот так и не пришёл. А вечером приехал хозяин, покачал головой, и, махнув рукой ушёл в дом.

Тогда Байкал завыл, стал проситься из вольера, подвывать. Его выпустили, и он обежал территорию, тщательно принюхиваясь к следам, но не находя того, что искал. Пёс заскулил и побрёл к себе в будку. Два дня он отказывался есть кашу с мясными кусочками, словно надеясь, что его друг вернётся с радуги, чтобы полакомиться гостинцем.

На третий день, утром, выел всё до крошки, перестал скулить по ночам, и ждать рыжего кота. Стал прежним охранником, ревностно исполняющим свои обязанности. Но никогда больше не разрешал приближаться к своему вольеру никаким кошкам и котам, сердито рычал, а если встречал их на территории, загонял на деревья.

Уууу-ля
Ольга-Клен

Ульяна Петровна никогда не понимала выражения «ходить как в воду опущенный». А неделю назад ей пришлось испытать на себе это состояние. Она, как и все 30 предыдущих лет, ходила на службу. Почему-то вся контора заштатного автокомбината называла свою тяготящую работу службой. Она утром вставала ровно в шесть, а ложилась спать в десять. Была совершенно уверена в омолаживающем эффекте строгого соблюдения режима сна. Она ела, принимала ванну, смотрела телевизор... Но все, что она делала, проходила как бы вне ее самой, не затрагивая сознания. Даже уборщице тете Фросе надоело наткаться постоянно на никого не замечающую Ульяну Петровну. Как-то столкнувшись с ней в коридоре конторы, она в сердцах сказала: «Ну хватит ходить здесь как в воду опущенная. Что случилось-то?» Но и это замечание прошлестело мимо уха молодой 50-летней бухгалтерши.

В холодную жизненную воду Ульяну Петровну опустила последняя встреча с мужем. Придя вечером домой, как делала это тысячи раз, Ульяна застала в нем совершенно не типичную картину. Витюша сидел на диване в куртке, держась рукой за плотно утрамбованный чемодан. Огромная набитая спортивная сумка стояла рядом.

84

– Уля, я уйду. Прости меня, пожалуйста. Я полюбил другую, – скороговоркой выпалил благоверный.

Выждав положенную паузу, он сорвался с места и выскочил за дверь. За ним скрылись в темном портале проема чемодан с сумкой. Сквозняк захлопнул дверь. Портал был закрыт навечно. Этот звук встрепенул пространство, а за ним повисла звенящая тишина. С этого момента Ульяна Петровна словно опустилась под воду.

По вечерней, плохо освещенной улице шла худенькая женщина. Она могла бы пройти здесь с закрытыми глазами, ведь дорога вела домой. Вот и сейчас ее ноги предугадывали каждую ямку и трещинку в тротуаре, а мысли были далеко-далеко. Да и мысли ли? Так, их обрывки.

Вдруг откуда-то сбоку прогремело:

-Хоть бы намордник своей псине надела, а то только порядочных людей пугать таким зверем. Коль заводишь животину, так соблюдай закон. Вот сообщу участковому, пусть оштрафует!

Ульяна Петровна от несправедливого упрека даже вынырнула из своей убаюкивающей сознание толщи воды. У нее нет и никогда не было никакой

собаки! Что за нелепое обвинение! Но готовые вырваться фразы вдруг столпились у самых кончиков губ. Ульяна Петровна краем глаза увидела метрах в двух позади себя какое-то косматое чудовище. Тут уже не только слова, но и забившееся в приступе аритмии сердце застряли в горле. Ульяна Петровна всю жизнь боялась собак. Детство, юность, учеба в институте, свадьба, рождение детей, зрелость, 50-летний юбилей – все в одно мгновение пронеслось перед мысленным взором. Это был конец. Ульяна Петровна вдруг обмякла и покорила судьбе: конец так конец. Наверно, так будет лучше для Витеньки, не придется разводиться. Женщина закрыла глаза. Тишина усилилась. Прошло несколько секунд или минут, но ничего не произошло. Приоткрыв левый глаз, Ульяна сквозь частокол ресниц увидела, как зверь терпеливо ждет чего-то, присев на асфальт.

Первый шаг дался испуганной женщине нелегко, но стоять истуканом посреди улицы было нелепо. Она медленно пошла к дому, каждое мгновение ожидая удара лапами в спину и клацанья звериных зубов над своим ухом. Но огромный пес с длинной, давно немытой шерстью и не думал нападать. Он сопровождал Ульяну Петровну, отставая ровно на пару метров, словно заправский телохранитель. Вот и поворот. Следующий дом обещает спасение от всех напастей. Еще несколько шагов. Рука привычно нащупала клямку калитки. Все. Между женщиной и собакой образовался надежный барьер в виде забора. Только теперь Ульяна вернула себе способность соображать.

Нужно заметить, что первыми вернулись доброта и умение сопереживать. Глядя на грозного, но такого жалкого от неухоженности пса, Ульяна Петровна поставила на скамейку хозяйственную сумку и достала оттуда парочку сарделек, которые купила себе на ужин. Ничего ведь с ней не случится, если она поделится ужином с голодающим братом меньшим. «Не таким уж и меньшим», – саркастически подумала Ульяна, возвращая себе чувство юмора. Ужин полетел за забор. Порядком стемнело, и только громкое чавканье сообщило об исчезновении сарделек в пасти нового знакомого.

Войдя в дом, Уля в полной мере осознала, насколько она сегодня устала. И физически, и морально. Отпустило ее только после большой кружки с чаем и рюмочки коньяка. Именно в таком измерении, а не наоборот. Спиртное Ульяна употребляла очень редко, поэтому рюмочки вполне хватило, чтобы набраться решимости. Нужно было посмотреть, ушел ли ее неожиданный телохранитель. Зачем ей это нужно, она не смогла бы объяснить. Скорее всего, это было пресловутое женское любопытство. Женщина встала, взяла фонарик и вышла во двор. За забором было тихо. Ульяна открыла калитку, шагнула на улицу. Что-то нежное и мягкое коснулось руки. А потом эту руку кто-то поцеловал. Ну не совсем поцеловал, просто лизнул. Но это воспринималось отошедшей

от дневного стресса женщиной как поцелуй. Значит, она не одна в этом мире. Значит, ее кто-то любит.

Полночи Ульяна Петровна отмывала и расчесывала собаку. Это далось непросто, но стоило того. Утром перед ней сидела огромная белая пушистая кавказская овчарка. Породу Ульяна Петровна определила по фотографиям в интернете. Собаку звали Бишкой. Это стало известно после исследования ошейника, который, оказывается, скрывала густая шерсть.

– Ну вот и познакомились, – смеясь, сказала Ульяна Петровна. – Ты – Бишка, а меня зовут Уля.

– Уууу-ля, – повторила она.

Было утро субботы, на работу идти было не нужно. Бишка поцарапался в дверь, вопросительно посмотрел на Ульяну.

– Ну надо так надо, – ответила она и выпустила пса во двор. Но ему этого оказалось мало. Он подбежал к калитке. Обернулся. Ульяна Петровна поняла, что Бишка куда-то ее зовет. Влекомая любопытством, женщина последовала за ним. Теперь уже пес шел впереди, а Ульяна – в паре шагов следом. Дорога заняла минут десять. Бишка вышел к кладбищу на окраине городка. Убедившись, что Ульяна Петровна идет за ним, Бишка быстро побежал по дорожке, потом повернул на еле заметную тропинку между двумя крестами и остановился рядом со свежей могилой. Подойдя ближе, Ульяна увидела фотографию седовласого красивого мужчины лет шестидесяти.

– Это твой хозяин? – спросила женщина.

Бишка лег на свежий холмик и по-человечьи вздохнул. В его глазах блеснули слезы. Ульяне стало неловко, словно она проникла в чужую тайну без спроса. Хотя, почему без спроса? Ее привел сюда Бишка. Значит, он доверяет ей. От мыслей ее отвлек какой-то странный утробный звук:

-Ууууу-ля. Ууууу-ля. – Бишка звал ее домой.

Люси
shah-ahmat

Женская аксиома – случайных мужчин и кошек в жизни не бывает

Бытует мнение, что эти разноплановые особи поселяются в личном пространстве, чтобы чему-то нас научить. Чему? Не скажу. В этой жизни у каждого своя «доказательная теория бездоказательных вещей».

Тема мужчин сурова, а в моём исполнении может перерасти в претенциозный фарс. И речь сейчас не о них.

Хочу о кошках. «Кошки – это мистические и астральные существа», – так загадочно улыбаясь, говорят специалисты, близкие и не очень, к потусторонним явлениям.

Об одной такой мур-р-мистической личности мне хочется рассказать.

Момент соприкосновения двух миров

Не открою истину, а лишь повторюсь – жизнь щедра на сюрпризы и внезапности, и мою семью таковое не минуло. Стремительно, за один день, мы были вынуждены перебраться в чужую страну не на ПМЖ, а на неопределённый срок.

87

Котейку решили взять на семейном совете, не из-за безумной любви к котозверям, а по необходимости – малому, для реабилитации, нужны были дополнительные сенсорные раздражители. Выбирать котёну сын должен был сам. Таковы правила кармы.

Мелкота всех цветов и оттенков из местного приюта, носилась вокруг нас, совершенно не пугаясь. А я нервничала. Чернявая юла, скачущая по ногам и вокруг кресла сына, приглянулась мне сразу. Манипулировать выбором ребёнка было против правил. Внутри хищно тренькало нечто и требовало обратить внимание отпрыска именно на эту вертихвостку. Волевым импульсом придушив манипулятора, я расслабилась и – сын выбрал именно её.

Материально-физический аспект

Иногда кажется – мы меняемся душами. Ничего в этом странного нет. Утром, в сонном состоянии, души вполне могут перепутать носителя... уж слишком мы похожи. Не смейтесь – у меня нет хвоста, и с шерстью вполне себе женские нормативы. Мы похожи по нраву. Обе вредные, требовательные и любящие внимание. Плюс я тоже Люся, но гораздо крупнее.

Это меньшая из двух Люсь, обладательница царственного взгляда и песенно-негативного окраса.

Когда мы носимся друг за другом по квартире, во время вечернего Люськиного гона, соседи могут предположить, что над ними резвятся, как минимум, два мустанга. Двухлетняя кошка и пятидесятилетняя тётка – тот ещё ядерный тандем, способный сотрясти основы основ... нижних этажей.

Характер и мистика

Задумалась. Характер – слепок личности. А Люсьен личность.

За вычищенный лоток меня награждают интенсивным облизыванием. Вода – только из стакана моего. Если в мисочке из-под еды нет горы съедобного, это чудовище будет нудно ходить следом, покусывать за ноги и что-то бубнить, как старушка. К свежей еде не прикоснётся, лишь обнюхает и гордо удалится дрыхнуть – порядок в королевстве восстановлен.

Обожает играть в салки. Смену ролей понимает, как человек. Любовь к мячу и разным мелким предметам – просто собачья. Приносит его в зубах и суёт в ладошку. Бросишь – принесёт опять... и так до бесконечности, пока не спрячешь опостылевшую игрушку. Но, у этой особи всегда есть заглазничник с запасным мячиком. Как-то решила притвориться спящей, так эта нагло просит скромно пристроила мяч мне на глаз – чтобы ленивая большая кошка точно не отвертелась.

88

Я человек импульсивный и могу вспылить. Люсьен как-то оказалась свидетелем не самого лучшего моего состояния, да и период жизни был не самый простой. Запомнила и, видимо, впечатлилась. Теперь, на малейшее повышение тона реагирует всегда одинаково – где бы ни находилась, мгновенно материализуется у ног и нагло просится на руки. Даже не просится, нет, а карабкается и просит внимания... от этого кошачьего беспредела вдруг уходит жёсткость, и руки становятся мягче и нежнее.

Она стала моим душевным доктором, хоть и брали мы её для сына.

И, на посошок – о мистике.

Бывает, приходят кошмары во сны. Тяжко-вязкие, охватывающие кольцом, из которого нет сил выбраться – тело не подчиняется. В такие сны приходит Люся. Не знаю каким образом. Вдруг вижу её в своём кошмаре, она чудовищно пахнет желанием погладить шёлковую чёрную шерстку. Иду следом, переключаюсь, забыв про ужас, и вдруг, понимаю, что его уже рядом нет и... просыпаюсь.

Когда я смотрю в её глаза, то прошу её остаться со мной подольше. Я очень её люблю. Это моя первая большая кошачья любовь.

Земля – Орион. Игра в ЦУП (условный 55-словник)

Меняю рифму

Людмила Кац

Вниманию рифмоплетов!

Меняю рифму:

Одну избитую – на две небитые (недобитые не предлагать);

Две мужские – на одну женскую (наоборот не предлагать);

Две бедные – на одну богатую (желательно знатную);

Две глагольные на одну алкогольную (безалкогольную не предлагать);

Два монорима – на один РИМ!

Граф Оман

Объявление в санчасти ЦУП «О лопнувшем терпении»

Владимир Печников

Если у вас лопнуло терпение, счёт идёт на секунды. Не растеряйтесь. Заверните терпение в чистое полотенце и положите в пластиковый пакет со льдом. Затем наденьте одноразовые резиновые перчатки, чтобы предохраниться от инфекции. Поднимите руки высоко над головой... Нет, ещё выше... И резко опустите их вниз, выкрикнув нецензурно то, что подскажут вам ум, честь и совесть.

89

Меняю руку и сердце

Римма Щемерова

Меняю:

руку и сердце в прекрасном состоянии (предложены вчера, еще не использовались) на крепкую голову. Можно по весу, можно по функционалу. Руки золотые, сердце золотое высшей пробы (экспертиза центрального банка прилагается).

Голова желательно трезвая, укомплектованная мозгом и чувством юмора, язык хорошо подвешен, глаза пристреляны, уши без тюнинга.

Рассмотрим вариант обмена на крепкий желудок или здоровую печень.

О возможных провокациях буквы Зю

Марина Юнг

Внимание!

Из центрального зю-парка сбежала буква Зю!

Галактические потоки сносят её в направлении зю-вест.

Будьте бдительны: попав на сайт, размазюкивает текст, загрузюкивает вирусы и прерывает сеансы зюм!

Администрация зю-парка убедительно просит нашедшего: ни в коем случае не возвращать!

(Они уже там назююкались от счастья...)

Зю-зю-зю... ой! Кажется, она уже здесь!..

Для потерявших букву ё

Юлия Лавданская

Здравствуйтесь, литгалактяне!

Это короткая рассылка, только для тех авторов, кто иногда теряет букву ё. Для вас мы открываем новый сервис – добавляем на вашу страничку значок, который мы назвали Ёшкин-Кот. Автоматически добавление этого значка меняет все буквы е в ваших произведениях на ё. После исправления вами ошибок вручную значок исчезает. Мы надеемся, что нововведение поможет вам!

Земля – Созвездие Жирафа. Второй конкурс рассказов о детях и для детей

Урожайный день

Елена Ланина

Сегодня у меня был «урожайный день», так папа вечером сказал. А начиналось всё как обычно, утром меня будила «будильная» команда – папа, мама и Нора. Сначала мама гладила мою щёку и шептала всякие нежности про любимого, золотого, самого лучшего в мире сыночка. Мне было сонно и приятно, потому что всегда приятно просыпаться, когда тебя гладят и целуют. Потом пришёл папа и стал искать у меня съедобные пятки, коленки и уши. Я сопротивлялся, натягивал на себя одеяло и возмущённо ворчал, потому что кому же охота, чтобы ему откусили пятку? А Нора ничего не говорила, она просто вскочила на кровать всеми четырьмя лапами и принялась выцарапывать меня из-под одеяла. Тут я окончательно проснулся и отправился чистить зубы. И Нора тоже отправилась. Но зубную щётку мы ей ещё не купили, поэтому она просто умывалась – ловила лапкой воду, пыталась её укусить, брызгалась и очень мне мешала. Потом пришёл папа и набрызгал Норе на нос водой. Она сильно возмутилась, что намочили её густую белую щётку и ушла умываться в другую комнату.

Когда мы с мамой пришли в садик, я подумал, что ни за что не буду сегодня плакать. Но когда понял, что мама сейчас уйдёт, мне стало так грустно, что глаза сразу намокли. Мама расстроилась и стала меня обнимать и уговаривать быть сильным и стойким. Я старался, но слёзы не давали мне стать стойким. Потом пришла наша воспитательница, Татьяна Владимировна, взяла меня за руку и повела в раздевалку. В раздевалке Никита с Ярославом отнимали друг у друга машинку. Машинка была новой и призывно блестела наклейками. Моя грусть от расставания с мамой сразу прошла.

На завтрак давали противную кашу. Хорошо, что дома я позавтракал двумя сосисками и кусочком бисквита. Кашу я предложил Никите, но он скорчил страшную гримасу и погрозил мне кулаком. Никита вообще очень большой хулиган, он со всеми дерётся и «учит детей плохому» (я слышал – так Татьяне Владимировне говорила мама Саши Смирнова).

Меня он тоже учит драться и громко кричать. Когда я рассказал об этом маме, она очень удивилась и ответила, что я же не обезьянка, чтобы меня дрессировать и что у меня есть своя голова, которой надо думать, а не слушать советы Никиты. И я стал думать.

Вечером, когда мама пришла за мной, я сидел в беседке и думал.

Татьяна Владимировна отвела маму в сторонку и стала ей о чём-то увлечённо рассказывать. Мама в ответ делала большие глаза, всплёскивала руками и качала головой. Я сидел и думал: сильно мне сегодня влетит или не сильно? Татьяна Владимировна строчила, как из пулемёта, мама всплёскивала и качала. Я устал ждать и обречённо пошёл к маме.

– И плевали в Руслана. Я им велела сидеть в беседке до прихода родителей. Никита сидел, не возражая, а Данила...

Ну да, я посидел-посидел и мне надоело. Я решил, почему бы не выйти? Но Татьяна Владимировна сказала, что мы должны нести наказание, потому что это безобразие – плеваться в людей.

– Вот если мы в вас будем плевать, вам понравится? Сейчас соберёмся все и плюнем, а? И потом идите, играйте дальше, пусть вам станет также неприятно и обидно, как Руслану!

Сначала мы с Никитой решили, что мы не хотим, чтобы в нас все плевали, лучше уж посидеть в беседке. Но мне совсем не сиделось, сидеть было скучно и долго. И я стал размышлять, почему Татьяна Владимировна решила, что мы плевали в Руслана? Ведь мы просто плевали, у кого дальше получится. Никита сказал, что он всё равно меня переплюнет, потому что он тренируется часто, а я нет. И мы устроили соревнования. А тут Руслан пробежал мимо...

Потом я подумал, зачем Татьяна Владимировна хочет в нас плюнуть? Наверное, когда она была маленькой девочкой, родители не разрешали ей плеваться. А ей так хотелось! Просто с тех пор у неё остался недоплёванный запас, поэтому ей очень хочется плеваться! А тут такой случай! Мне стало очень жалко Татьяну Владимировну, просто до слёз! И тогда я вышел из беседки, подошёл к ней и сказал громко, чтобы все услышали:

– Плюйте!

92

– Представляете? Плюйте, говорит! – Татьяна Владимировна покраснелась и говорила уже громким голосом. Я посмотрел на маму и увидел, что она корчит какие-то гримасы и лицо у неё тоже красное. И она молчит. А глаза у нее не сердитые, а совсем наоборот – они просто хохочут, эти её глаза! И тут я понял, что мне не влетит.

Но Татьяна Владимировна повернулась ко мне и сказала:

– Ну а теперь неси маме подарок!

Я опустил голову и протянул маме свои купленные накануне штаны. Мама их развернула и закашлялась. В самом центре «штановой попы» красовалась большая рваная дыра.

– Мама, Марьяна меня отвлекла, и я не заметил, как съехал на край горки, а там этот угол...

Вечером я играл в детской в машинки, а папа с мамой пили на кухне чай и громко хохотали. Я пошёл к ним, чтобы узнать, что же их так сильно рассмешило. Но, когда я вошёл, они замолчали, папа взял меня на руки, прижал к себе, потрепал по волосам и сказал:

– День сегодня у тебя урожайный, да, сынок?

С царём в голове

Александр Сороковик

Почему все так любят Новый год? Уже с середины декабря начинают закатывать глаза: «Ах, Новый год; ах, Дед Мороз; ах, ёлочка!» Вот Петя совсем этот Новый год не любит! Хуже всего то, что в эти дни мама, которую он и так редко видит, вообще пропадает на своей работе, а когда приходит домой, всё время сидит за компьютером, или ругается по телефону. У мамы на работе это называется – закрывать год. Петя очень боится, что однажды мама не успеет его закрыть и тогда случится что-нибудь страшное.

В прошлом году всё, слава Богу, кончилось хорошо, а сейчас ничего не известно. Мама кричит в телефон про какие-то цифры, которые «не пляшут». В детском саду Петя тоже рисует цифры, они вечно выбиваются из строки то вверх, то вниз, и Елена Михайловна ругает Петю, говорит, что цифры должны идти ровно, а не плясать, как у него. Ничего у этих больших непонятно! Воспитательница ругает его за то, что цифры пляшут, а маму – её начальница за то, что не пляшут!

Может, мама возьмёт себе его пляшущие цифры, и закроет наконец этот противный год? Но даже если это случится, мама всё равно не будет с ним. Потому что кроме непляшущих цифр у него есть ещё более страшный враг, постоянно отнимающий маму.

93

Враг этот имеет очень громкий, «пронзительный» голос, страшные длинные красные ногти; курит вонючие сигареты. Зовут врага – тётя Инга. Она врывается в дом или через двери, и тогда шумит на кухне; или через мамин телефон, и тогда шумит везде – в комнате, в коридоре, на улице. С ней врываются «козлы», «дебилы», «уроды», которые «не ценят», «хотят только одного», «ничего не понимают». Она заставляет маму что-то писать на какие-то сайты, подолгу разговаривать по телефону с этими «козлами». Называется эта неинтересная игра, в которой для него нет места – «Я хочу наконец-то устроить твою личную жизнь».

Петя знает, что когда мама наконец-то «закроет год», начнутся новогодние праздники, и мама будет таскать его в гости к незнакомым людям, где какие-то тётки будут лживо сюсюкать с ним, а дядьки – смотреть на маму скользкими, бегающими глазами. Где он будет проводить время в дальнем углу, смотреть, как взрослые едят, пьют, хохочут, прыгают возле стола. А в самый праздник его вообще оставляют одного у старенькой глухой соседки бабы Маши с её орущим телевизором.

В садике тоже несладко. Конечно, утренник с Дедом Морозом и подарками – это хорошо. Но на утренниках Петю всегда «ставят в массовку» – то молча прыгать в костюме зайчика, то в заднем ряду петь в хоре. Стихи читать ему не дают – Петя очень медлительный, туго запоминает, от волнения начинает заикаться, забывает слова: маме некогда, они учат стих урывками, по дороге

из садика, и то, если маму не достают по телефону «козлы» и «непляшущие цифры».

Только не надо думать, что мама у него плохая! Его мама лучше всех, просто ей в голову нужно царя. Это баба Маша придумала, что мама «без царя в голове», а бабу Машу надо слушать – она «век прожила». Вот попросит Петя царя для мамы, поселит этого царя у неё в голове, и всё станет замечательно: запляшут цифры, закроется год, устроится личная жизнь, и исчезнут, наконец, «козлы и дебилы» вместе с шумной тётёй Ингой. А они с мамой проведут вдвоём целый день. Или даже два...

Петя точно знает, у кого и как надо просить. Дело в том, что у него теперь есть друг – Саша. Он с родителями и сестрёнкой Наташей недавно поселился по соседству. Саша старше него, ходит в школу, а Наташка – чуточку помладше. С ней он тоже дружит, но осторожно – сильно дружить нельзя, ведь тогда придётся жениться, а он пока не готов: сначала надо разобраться с мамой и царём, а потом можно и жениться.

Наташка вообще-то хорошая, а ещё лучше её брат Саша: он хотя и большой, но не задаётся, возится с Наташкой и с Петей. Ребята по воскресеньям ходят с родителями в церковь, и Петя иногда с ними за компанию. Мама охотно отпускает его – чем сидеть дома, пока она бежит по своим делам, пусть лучше прогуляется, пообщается с друзьями, ну и это... помолится заодно.

А ему в церкви нравится! Там взрослые разговаривают с ним, интересуются его делами. Там много детей, они не дразнятся и не дерутся. Там чудесно поют и читают нараспев торжественные и красивые молитвы. Там старенький седой «батюшка», отец Георгий. Петя не совсем понимает, почему его называют батюшкой, он больше похож на доброго дедушку. На Рождество у них будет утренник, и Пете дали выучить огромное стихотворение – целых три куплета! Тут никто не смеётся над тем, что он начинает заикаться, когда волнуется, наоборот, успокаивают его. Петя очень хочет, чтобы мама пришла на утренник и увидела, как он чудесно читает стихи!

У него созрел замечательный план. Отец Георгий несколько раз беседовал с ним, а ещё Петя слушал, как он среди церкви рассказывал о разных вещах, называется – «проповедь». Из этого всего Петя понял очень важные вещи: во-первых, есть на свете очень добрый Бог, который может всё. Только Его надо сильно-сильно попросить – помолиться. Во-вторых, «детская молитва доходчивей», в-третьих если соберутся два или три человека, то Бог лучше их слышит. Теперь Петя хочет, чтобы Саша и Наташа вместе с ним попросили у доброго Бога царя для мамы. Сегодня их родителей не будет дома, он отпросится к ним в гости, там они и займутся этим делом.

Вечером всё получилось по плану: и Саша с сестрой были дома одни, и Петю мама отпустила – к ней пришла тётя Инга с усатым дядькой, которого Петя последнее время часто видел с мамой. Они сидели на кухне за столом, разговаривали придушенными голосами, иногда тихо кричали друг на друга, и им было совсем не до Пети.

Саша зажжёт тонкую жёлтую свечку и важно спросил:

– О чём просить будем?

– Чтоб маме царя в голову... нет, в голове...

– Так нельзя, просить нужно о понятном: ну, там о здравии, или о вразумлении,

– Саша явно важничал, нетвёрдо выговаривая незнакомые слова.

– Нет, про царя, – упрямо повторил Петя.

– Да нет такой молитвы, – растерялся Саша, – Я не знаю, как это просить!

Петя уже чуть не плакал. Ну не мог он ещё внятно высказать все свои несчастья! И непляшущие цифры, и мамину «личную жизнь», и тётю Ингу с её козлами, и про то, как хочется просто побыть вдвоём с мамой! Неожиданно на помощь пришла Наташка.

– Саш, давай про царя попросим! Ну, пожалуйста!

– Ладно, – махнул рукой Саша, – Про царя, так про царя. Боженька Сам разберётся!

Петя плохо слушал, как Саша читал из книжки какие-то длинные молитвы, как Наташа тоненько вторила ему. Он просто твердил шёпотом, как заклинание – «Боженька, дай маме царя!», и в этой бесхитростной просьбе светилось великое стремление маленькой исстрадавшейся детской души к Любви. Он любил Бога, любил свою маму, любил своих верных друзей, стоящих рядом, и хотел, чтобы и они любили его. Особенно мамочка!

Потом он свернулся клубочком на диване и в полусне плакал лёгкими, светлыми детскими слезами, а Боженька ласково гладил его по головке, улыбался и кивал седой, как у отца Георгия, головой – «Всё будет хорошо!». Он не слышал, как пришли родители Саши и Наташи, как укрыли его тёплым пледом, как звонили маме, просили для него разрешения остаться ночевать у них. Как мама благодарила, еле сдерживая слёзы, потому что сегодня её очень больно и подло ударили в спину, но она не могла им этого рассказать, а просто разрешала оставить Петю до завтра...

Утро было веселое и солнечное. Выпал снежок, радостно пощипывал лёгкий морозец, они покатались на санках, а потом Петю отвели домой. Дома было тихо и пусто. Ни тётки Инги, ни усатого дядьки; так хорошо, а у мамы глаза почему-то красные. Она обняла Петю, ласково закружила, зацеловала. От неё пахло лекарствами, кажется, кошачьими каплями – валерьянкой. Петя прижался к ней, хотел рассказать обо всём, как вдруг заиграл мамин телефон. Он горько вздохнул: опять начинается! Видно, не получилось с царём...

– Да... да, – мама недовольно морщилась, – да, вот так... я тоже не ожидала... лучшая подруга... Что значит, почему? Не знаю, наверное, чтобы я сама всех обзвонила, отсеяла, выбрала лучшего... для неё... Нет, спасибо, не приеду. И ко мне приезжать не надо. Да, я с Петенькой... И тебя также... Пока.

Телефон запел снова. Мама решительно сбросила вызов, выключила звук, отбросила аппарат подальше. Улыбнулась Пете, притянула его к себе.

- Знаешь, Петруччо, – тихо сказала она, – устроим-ка мы с тобой каникулы! Новый год прошёл, так мы Рождество встретим. Пойдём на аттракционы, в цирк ходим, ага?
- Ага, ага, – радостно закивал Петя. – Скажи, а ты год закрыла? Цифры заплясали?
- Какие цифры? – удивилась мама, потом весело расхохоталась, – А, вот ты о чём! Конечно, заплясали, так пляшут, аж дым столбом!
- А эти... – он нерешительно посмотрел на маму, – козлы... и тётя Инга?
- Не будет больше ни козлов, ни тёти их... Инги, – это я тебе обещаю! Вот что... – мама открыла телефон, достала из него карту, – на, спрячь, чтобы я не видела! Эти дни мы только с тобой!
- А потом, мама?
- И потом тоже!
- И на утренник ко мне придёшь? Я там целую кучу стихов читаю!
- Конечно же, приду!
- Хорошо, мамочка! – Петя радостно вздохнул и добавил: – Я вот уже прямо вижу царя...
- Какого царя, Петечка?
- Какого-какого! Которого я просил тебе в голову... Ой, нет – в голове...

Мишкино лето Ирина Архипова

Внезапно мир рухнул. И планы на лето рухнули вместе с ним. Мишка так и не понял, что произошло и почему он упал: то ли остутился, то ли нога подвернулась. Ужасная боль пронзила правую руку, и в глазах моментально потемнело. Хотелось кричать, но будто не хватало воздуха. Мишка крепко, до скрежета сжал зубы и заплакал, несмотря на все старания стерпеть и выглядеть как настоящий мужчина. Слезы сползали по щекам, затекая за воротник рубашки, а Мишка подвывал и всхлипывал. Друзья, напуганные его слезами, помогли Мишке подняться и проводили его до квартиры. Дома он разревелся в полный голос. Дальнейшее он помнил плохо. Они с мамой куда-то ехали, потом серьёзные люди в белых халатах долго колдовали над его рукой. Затем они снова куда-то ехали. И наконец, всё исчезло. Его поглотила страшная чёрная пустота.

Оказалось, руку он сломал. А вместе с рукой – и планы всей семьи на отдых. Мальчишки за окном гоняли мяч. А Мишка сидел дома и смотрел мультики. Глупый волк пятую серию подряд безрезультатно бегал за хитрым, ловким зайцем. Мишке было скучно. Дни нехотя перетекали один в другой, тянулись, как надоевшая жевательная резинка. Загипсованная рука удобно висела на перекинутой через шею косынке и уже почти не болела. Но мучительная, ранее неизвестная Мишке душевная боль – чувство отстранённости от такого знакомого и любимого мальчишеского мира – не покидала его. А самое обидное – сорвалась его поездка в лагерь. Он закрывал глаза и мысленно оказывался на Волге в лагере «Кызыл байрак». Он бегал по знакомым дорожкам, играл с ребятами в пинг-понг, сидел с ними у костра. Он даже слышал, как потрескивают в огне тонкие веточки, чувствовал неповторимый запах костра, видел отрывающиеся от пламени и взлетающие вверх, а затем медленно-медленно гаснущие искры. Сколько надежд было у Мишки на это лето... Он открывал глаза и вновь видел взъерошенного волка, бестолково бегающего по экрану. Скука бежала вслед за волком, обгоняла его, хватала за ноги, отставала, снова догоняла – и не было конца этим бессмысленным гонкам.

Наконец наступила ночь. Но сон не приходил. Рыхлая ночная темнота расползлась по комнате, перекрасив предметы в тёмно-серый, почти чёрный цвет. Скука увязалась за Мишкой в детскую и нахально расположилась на подушке, продолжая нашёптывать на ухо начатую ещё утром и уже смертельно надоевшую историю.

За стенкой слышались приглушённые голоса: родители что-то негромко обсуждали. Мишка прислушался. О чём шёл разговор, он не мог разобрать, но доносящиеся до него отдельные слова заставили его затаить дыхание и ещё сильнее напрячь слух. «Скучно... ребята... один...» Видимо, говорили о нём. И вдруг отчётливо услышанное слово «собака» заставило его сердце забиться

быстрее. Собака! Сколько раз он просил родителей купить щенка, но они были категорически против. «Завтра... птичий рынок...»

Темнота ласково погладила Мишку по голове и по-щенячьи задышала в ухо. На месте недавней скуки рядом с ним сладко посапывал упитанный, толстолапый чёрный с рыжими подпалинами щенок. Засыпая, Мишка успел подумать, что ни за что не променяет этого щенка на лагерь, футбол и даже на здоровую руку. Он обнимал загипсованной рукой подушку и улыбался тёплому, доверчивому и уже сильно любимому четвероногому другу.

Земля – Созвездие Эридан. Второй конкурс мистических рассказов

Мир-подушка

Джон Маверик

Что будет, если вывернуть мир наизнанку? Никто не знает, никто не пробовал. И все-таки? Если прикрыть глаза, но не крепко, так, чтобы солнечный луч мягко светил сквозь сомкнутые веки, а ресницы дремали, как чуткие птицы, пропуская в зрачок чуточку небесной голубизны... и при этом как бы спать наяву, то получится... Странная получится картина.

Лиловое небо и лиловое солнце, и лиловые деревья роняют в реку ярко-фиолетовые цветы, похожие на большие горячие звезды. Кажется, стоит такому коснуться поверхности – и он зашипит, закружится, взметнет над безмятежной сиреневой гладью кипящий фонтан белой пены. Но цветы спокойно ложатся на воду и, как бумажные кораблики, скользят по течению. По берегу неторопливо идут два мальчика-подростка. Тот, кто повыше, одет в голубую тенниску и желтые шорты. На втором – зеленая фланелевая пижама в клеточку. Когда-то у них были имена, но это время осталось в прошлом. Теперь они просто Старший и Младший. Мальчики – братья, и это все, что нужно о них знать.

Иногда они разговаривают, негромко, потому что вокруг царит вязкая тишина, и каждое их слово парит в воздухе, как легкокрылая бабочка. Иногда – бредут молча. И никогда не останавливаются, и не устают.

– Расскажи про сестру, – просит Младший.

Старший замедляет шаг и кидает на брата рассеянный взгляд через плечо.

– Я уже рассказывал.

– Ну и что?

Старший задумчиво смотрит на плывущие мимо цветы.

– Действительно, ну и что? Хорошо, слушай. Алиса – нам не настоящая сестра, а просто девочка, которую наши родители взяли из детского дома. Но они ее никогда не любили. Не то, что нас.

– Тогда зачем ее взяли? – интересуется Младший.

– Папа говорил, что мы с тобой долго не могли родиться. А они с мамой устали ждать и удочерили чужую девочку. Это, он говорил, был как бы обет Богу, чтобы дал им собственных детей. Вырастить сироту. Но, может быть, я не правильно его понял, нашего папу. Может быть, они хотели ее полюбить, но не смогли.

Младший брат хмурится. Тонкие золотые брови взлетают домиком, отчего вид у мальчика становится озадаченный и слегка растерянный.

– Он так и сказал? Что не смогли?

– Не знаю, не помню. Он, вообще, не со мной говорил. Папа с мамой спорили на кухне, а я подслушивал. Я тогда маленький был. Меня уже спать уложили,

а я приставил к стене пустой стаканчик из-под йогурта и прижался к нему ухом.

– А я папу не помню.

– Мама говорила, что надо отдать Алису обратно в детский дом. Все равно она чужая и всегда будет чужой. А папа ей возражал, что Алиса девочка ласковая и кроткая. С ней никаких хлопот... и что обеты надо выполнять, а то Бог рассердится и заберет обратно то, что дал. А мама на него злилась и кричала, какие еще обеты... Что ты вечно фантазируешь...

– И сестру тоже не помню. Совсем. Только маму – и то плохо. Лицо, руки, запах молока...

– Ну да. Что ты в той жизни успел увидеть?

– Не много, – соглашается Младший. Он поднимает глаза к лиловому небу и шепчет. – Сейчас... сейчас будет.

В краю вечного дня не бывает закатов. Но иногда лиловое солнце словно подергивается розоватым туманом, и земляничная акварель разливается в реке, и на какой-то момент – короткий, в два удара сердца – мир становится зыбким и прозрачным. Из-под него проступает другой – многоцветный и резкий, полный странных форм и стремительных движений. Тишина – и та делается несплошной, и сквозь нее сочится, едва различимая, то ли музыка, то ли гул далеких голосов. А потом иллюзия гаснет, ступают оттенки лилового, мир глохнет и твердеет, выныривая из тумана, как скала из воды. И вновь он прежний.

– Опять не успел разглядеть, – огорченно вздыхает Младший.

Но Старший машет рукой.

– Нечего там разглядывать. Суета... Майя...

– Расскажи мне про Алису, – снова просит Младший. – Какой она была?

– Ну, какой. Обычная девчонка. На носу веснушки. Мама ее стригла коротко, под мальчика. Чтобы не возиться с бантиками и косичками.

– Она хотела длинные волосы?

– Я не знаю, что она хотела. Алиса мне казалась большой. Потому что ходила в школу. Я тоже должен был пойти – осенью. Но не успел.

– Жаль, – качает головой Младший. – Ты мог бы узнать все про реки.

– Я и так знаю про реки. Не перебивай. Слушай про Алису. Мы с ней все время делали подарки для мамы. Из всякой всячины – палочек, проволоки, цветной бумаги, сухих листьев, желудей... Из всего, что можно найти в кладовке или собрать в парке. Помню, она вот так, запросто, приходила в мою комнату и звала, пойдём делать подарок. Иногда – к празднику. Но чаще – просто так. Мои подарки мама ставила на полочку, а ее – выбрасывала. Хотя они и были красивее. Алиса потом находила их в мусорном ведре и плакала. Поэтому она придумала такую штуку – на последний мамин день рождения мы сделали общий подарок. Один на двоих. Алиса уже давно копила цветную фольгу от конфет. Где кто-нибудь съест и бросит – она подбирает и прячет в коробку из-под ботинок. Из этой фольги мы скатали большой разноцветный шар – яркий

и блестящий. Думали, маме понравится. Но когда она взяла его в руки и стала рассматривать, шар почему-то распался на отдельные фантики... Глупо получилось, – добавляет Старший с мечтательной улыбкой.

– Глупо, – соглашается Младший, тоже улыбаясь.

Какое-то время мальчики идут молча, думая каждый о своем. А вернее, об одном и том же, как хорошо, как интересно жить с мамой и папой в мире, где ребята ходят в школу, и где много игрушек и вкусных конфет.

– А еще у Алисы была подушка, – продолжает рассказывать Старший, и улыбка Младшего гаснет, словно задутая ветром свеча. – Очень старая. И реки, и горы, и моря на ней почти стерлись, но все равно она напоминала Землю, только маленькую и квадратную. Алиса говорила, что это и есть Земля. Сшитая и разрисованная – и в то же время настоящая. Иногда мы с сестрой закрывались у нее в комнате и путешествовали. Гуляли по зеленым полям, в лесу среди высоких деревьев, по пустыне, полной желтого песка. Однажды мы с Алисой отправились на море...

– Правда? – оживляется Младший. – А какое оно?

– Такое огромное, что я даже испугался. И синее, как небо.

Младший поднимает взгляд и удивленно жмурится на хрустальный сиреневый купол с яркими прожилками фиолетовых лучей.

– Ух, ты! Красиво, наверное.

– Да нет, – с досадой перебивает его Старший. – Не наше небо. Синее! Как моя футболка, только темнее.

Младший недоверчиво трогает его за рукав.

– Такой цвет?

– Да, такой цвет.

– А дальше? – спрашивает Младший, затаив дыхание.

– Дальше... Мы гуляли в парке, у ручья. Жара, лето... Ты спал в коляске, а мы с Алисой собирали лепестки шиповника. Она опустилась на четвереньки и запачкала брюки в траве. А мама в тот день была в плохом настроении. Сердилась, наверное, из-за подарка, ну, того, конфетного шара. И еще – белые брюки, зеленые на коленках. Вот она и сказала Алисе... Мол, они с папой решили ее отдать. Взаправду решили. Мама сначала не хотела говорить. Думала, они ее просто привезут в детский дом – и оставят. Но разозлилась из-за брюк. А сестра... сморщилась, так что я думал, она заплачет. Но Алиса закричала – громко, как будто ее ударили. Закричала, как раненая кошка – пронзительно и страшно. А потом схватила свою подушку, смяла ее всю, встряхнула сильно – и вывернула наизнанку. Раздался взрыв – и мы с тобой очутились здесь. – Старший неловко пожимает плечами. – Только не спрашивай, где – здесь. Я не знаю.

– А где – здесь?

– Может быть, мы погибли. Убиты взрывом, – вслух размышляет Старший. – Тогда мы должны находиться в раю или в аду. Но на рай это место не похоже. Там – ангелы и приятная музыка. А здесь – тихо и никого нет, кроме нас.

– Но это и не ад, – подхватывает Младший. – Ад – это вечные муки, черти и сковородки? Но нас никто не обижает. И здесь красиво. И мы вместе.

– Вместе, – эхом откликается Старший, и мальчики берутся за руки. – Получается, что мы живы.

– Но обычно люди живут не так? – сомневается Младший. – Мы все время куда-то идем, но никуда не приходим.

– Людям кажется, будто они делают что-то другое. Учатся в школе, работают, женятся и растят детей. Потом умирают и снова рождаются. Но на самом деле они идут вдоль реки. Как мы. Вечно идут вдоль реки. Только перед глазами у них – пелена.

Мальчики улыбаются друг другу и, довольные, шагают молча, не размыкая рук. Этот разговор они вели не в первый и не во второй раз. А в тысячный, стотысячный, миллионный... кто знает? Для них это все равно что начинать каждое утро с хорошо знакомой и любимой песни. Только здесь не бывает ни утра, ни вечера, и никогда не опускается ночь. Но им нравится разговаривать, спорить, ощущать себя живыми. Главное – что они вместе. А лиловый мир, действительно, очень красив.

Железная скамейка в парке, у ручья. На ней крохотная мемориальная табличка. Много лет назад на этом месте взорвалась самодельная бомба, унеся жизни троих детей. Террориста потом поймали и судили... впрочем, не о нем сейчас речь.

Скамейка неудобная и холодная. Особенно ранним утром, когда солнце еще не успело нагреть остывший за ночь металл, и вечером – после заката. Но почти каждый день сюда приходит немолодая женщина в черном платье и с проседью в каштановых волосах, кладет возле мемориальной таблички два красных цветка – обычно гвоздики или розы – садится и допоздна сидит в раздумье. Она смотрит в желтоватую воду и что-то бормочет себе под нос, точно беседуя с кем-то невидимым, вспоминает, молится... Ее дети давно не здесь, но она до сих пор считает себя матерью. «Мать мертвых мальчиков» – так она сама себя называет. И в глубине души верит, что это – неправда.

Когда-то здесь, прямо над ручьем, рос огромный куст шиповника. Его сломало взрывом, разметало на щепки и палки, мешанину цветов и листьев. Но в тот день он цвел – буйно, самозабвенно. Пенистый, бело-розовый, как невеста в свадебном платье, он кутался в фату из прозрачно-золотого света. И та, чужая девочка, все время пыталась его ободрать, ощипать цветы. Как будто мало ей было упавших лепестков для ее дурацких поделок. Наверное, это такая болезнь – постоянно что-то мастерить из мусора. Психическое расстройство. Детдомовские часто страдают чем-то подобным.

Она вообще была ненормальная. Еще и подушка эта, с которой девчонка нянчилась, как с любимой куклой. Не расставалась с ней ни на миг, повсюду

таская с собой. И в туалет с ней ходила. И на обеденный стол клала. Фу. В детском доме сказали, надо взять с собой что-то привычное. Как при пересадке дерева сохраняют на корнях немного прежней земли, так и старая вещь поможет девочке освоиться, не чувствовать себя беззащитной на новом месте. Женщина морщится. Имя Алиса жжет ей губы. Что за изысканная пытка – терпеть приемную дочь рядом со своими мальчиками, родными, кровиночками... Видеть, как она пихает в руки годовалому малышу заразную подушку, сто лет не стиранную, липкую от грязи. А стирать не давала. При попытке забрать – истерика! И рисунок на ткани стерся, остались только синие линии да желто-зеленые пятна, отчего тот немного напоминал географическую карту. Из распоротых швов клоками лезла вата, и перья, и сухие травинки. Странно. Получалось, что игрушка была набита всякой дрянью, как, наверное, и голова Алисы. От девчонки даже воняло отвратительно, так же, как от ее подушки – прелой травой, и ни купания, ни прогулки – ничто не могло отбить мерзкий запах.

Женщина вздыхает. Если бы не это зловоние – сразу, с самого первого дня, с первой секунды – ей удалось бы, наверное, полюбить Алису. Она ведь этого хотела. Но, нет. Ее дочь не может так пахнуть.

А та, как назло, оказалась привязчивой и ласковой. Хвостиком ходила за приемной матерью, лопоча на своем непонятном детском языке: «Ма-ма... Ма-ма луб-лу».

103

Чужая... Кому и зачем нужна любовь чужого ребенка? Женщина невольно стискивает кулаки, так что ногти вонзаются в мясо, причиняя резкую боль. Ну почему она не отдала девчонку сразу? Сделай она так – ее кровиночки, ее малыши, возможно, остались бы живы. «Глупости!» – одергивает себя женщина. Ведь не думает же она в самом деле, что ее мальчиков убил взрыв старой подушки?

Конечно, под скамейкой притаилась бомба и сдетонировала от чего-то. Вот ведь даже по телевизору показывали террориста. Чернявый, с длинной курчавой бородой. Исламист какой-то. На суде он ничего не объяснял, не оправдывался, на вопросы отвечал презрительно и односложно. Только смотрел перед собой пустыми глазами.

«Почему, – хотелось ей закричать в телевизор, – зачем ты забрал три детские жизни? Что сделали тебе мои малыши? И та, чужая... все равно она была всего лишь маленькой девочкой. За что ты ее убил?»

Она так и не родила больше детей. А три года назад овдовела. Теперь все, что ей осталось в жизни – это размышлять и плакать. Плакать и размышлять, мутным от слез взглядом скользя по мемориальной табличке. Грязноватый желтый поток ловит закатные блики, на несколько долгих тягостных минут становясь кровавым. И тогда ей приходит на ум, что никакой бомбы под скамейкой не было, и что в тот роковой день, в парке у ручья, взорвался и разлетелся на клочки мир одинокой недолюбленной девчонки.

Но она не додумывает эту мысль до конца, и та сразу же сменяется другой. А может, все было иначе? И Алиса на самом деле не убила, а спасла братьев, укрыв их за пару мгновений до взрыва в своем волшебном мире-подушке? Ведь их тел так и не нашли. Мальчики словно растаяли в воздухе, растворились в горячем мареве июльского дня.

Женщина проводит рукой по глазам, словно смахивая с них морок. Но ведь она видела – она в самом деле видела – как за два удара сердца до того, как разверзся огненный ад, небо вдруг сделалось фиолетовым, а ручеек широко разлился сиреневой рекой, и два малыша – младенец, сладко спавший в коляске, и шестилетний карапуз – превратились в цветочные лепестки и уплыли прочь.

«Где вы теперь, мои родные?» – шепчет женщина. Иногда ей чудится, что они рядом, и знакомый до боли парк плывет и тонет в лиловой дымке... Она слышит их голоса и стук их сердец, и думает, что все реки когда-нибудь впадают в море... Это неизбежно, как приход ночи. Как рассвет и закат. И в этом вечном море, куда нас всех рано или поздно отнесет неумолимым течением, мы обязательно встретимся. Если не утонем по дороге.

Держаться на плаву нелегко, но женщина очень старается. Она называет себя «мамой мертвых мальчиков», но в глубине души надеется, что это только половина правды. И своей надеждой она до сих пор жива.

Растяпа с Лысой горы

Марина Юнг

Одарка съёжилась под суровым взглядом Солохи, старшей над молоденькими ведьмами-первогодками.

– Ну? Что ещё случилось?

– Гребешок... гребешок потеряла...

«И что же с тобой делать?» – было написано на лице у Солохи. Вслух же она сказала:

– Ну что ж, ты помнишь, что за это полагается. Ты ведь помнишь? (в голосе её слышалось: а то кто тебя знает, вдруг ты и это не выучила)...

– Да! – радостно воскликнула Одарка, – я помню! Я выполню!

– Ну-ну. Посмотрим, как ты выполнишь. Это ведь не так просто. Или изощрённая пакость, что ты скорее всего и выберешь, или исполнение искреннего, бескорыстного желания... – «а таких сейчас практически не бывает», – хотела добавить Солоха, но не успела.

– Да! Я выбираю искреннее и бескорыстное желание! У меня получится!

– Да не кричи ты так! В ушах звенит, – поморщилась старшая ведьма. – Ты понимаешь, о чём говоришь? Ты с людьми давно общалась? Где ты возьмёшь такое желание?! Особенно бескорыстное! Они все хотят или денег, или карьеры... то есть, опять же денег. Давай так. Мне хвосты в группе не нужны. Да и вылетать вам в полночь, оставлять тебя не хочу. Если до семи вечера не найдёшь желание, можешь передумать. У тебя ещё останется время. Договорились?

Одарка насупилась:

– Я найду.

– Ой, ладно! Иди... – ведьма раздраженно махнула рукой.

«Растяпа, да ещё упрямая. Не переспоришь. Ну ничего, сама убедится...»

Женька шла на этюды. Обычно она доезжала до Львовской площади и шла пешком по Пейзажной аллее. Некоторые умники считают, что у этого места плохая энергетика – из-за Десятинной церкви, разрушенной дважды. Но Женька любила там ходить. Глаз радовался открывающемуся простору, она мысленно приветствовала веселые скульптуры, а когда доходила наконец до камня «Отсюда есть пошла...», то уже знала, что будет рисовать сегодня. Решение всегда приходило в дороге.

Но сегодня ей захотелось пройти снизу, по Аллее художников под фуникулёром. Наверное, потому, что ей опять приснился Старый Дом. Он не отпускал её, хотя она никогда не видела его живым. Так она считала – именно живым.

Десятинная 12. Дом, в котором жили её родители. Жили в коммуналке на первом этаже, а за стеной, в соседней комнате, известный композитор репетировал с разными исполнителями новые песни. «Куда уехал цирк» они

выучили так хорошо, что уже могли бы спеть сами. Дом, из которого их выселили в 80-е, сначала как бы для капремонта. Который потом вроде бы выкупило одно из иностранных посольств. И который в итоге просто снесли, а на его месте построили новый. У родителей не осталось ни одной фотографии, только мамина акварелька боковой башенки, сделанная со двора...

«Конечно, знать бы, что снесут, нарисовала бы весь, – говорила мама, – или хоть сфотографировала. Но кто же знал?..»

И Женька бы нарисовала. Она, как и мама, училась на архитектурном. Вот только переименованный вуз уже не звучал так гордо, как в былые времена. «Ой ты гой еси, ежли ты в КИСИ!» А теперь что? Даже говорить смешно. Женька долго искала фото Старого Дома в интернете. Находила разные архивы, но Дом был словно заколдован. То был подходящий ракурс, но Дом за деревьями, да еще автобус прямо перед подъездом (в туристах в этом месте никогда недостатка не было). То без деревьев, но снимок совсем уж сбоку. То хороший ракурс и без деревьев, но само здание недостроено... Дом как-будто смеялся над ней. Одним словом, нормальной фотографии она так и не нашла. А как хотелось бы его нарисовать!

Не то чтобы новый дом с громким брэндом D12 был плох. Он был выше, бóльшей этажности, с красивой мансардой, во дворе был шикарный эркер, да к тому же на склоне устроена тройная терраса для престижных концертов и ресторанов. Всё это она понимала. И всё-таки дорого бы отдала, чтобы увидеть Старый Дом, каким он был в начале 80-х. Хоть на минутку увидеть...

За этими размышлениями она обогнула Андреевскую церковь, затем 14-й номер, поздоровалась с бронзовыми Проней Прокоповной и Голохвастовым и задумчиво остановилась перед домом №12...

Вдруг что-то блеснуло на тротуаре. Женька наклонилась и подняла... гребень. Но какой! Такого она ещё не видела. Сине-зелёные переливы невиданной глубины, а внутри... неужели искры внутри?.. Хмм. Какие-нибудь туристы купили на Андреевском, прошли два шага и здесь потеряли?

Нет. За те семь лет, что она носила на спуск то матрёшки, то картины, то расписные ложки, ни разу не видела, чтобы здесь продавалось что-нибудь подобное. Как-будто чьи-то глаза смотрят изнутри... Тьфу ты, померещится же такое! Ладно, потом разберёмся.

Она спрятала вещь в сумочку на поясе и стала осматриваться – где бы ей встать сегодня...

Одарка почти отчаялась. Нет, не может быть такого! Должны, должны быть желания, искренние, бескорыстные, чудесные, просто ей ещё не попалось!

Вот сейчас она внимательно пройдёт по Десятинной и вниз по Андреевскому спуску. Там же художники! А художники, как известно, они такие художники... Наверняка у них искренние и чистые желания. И они... а это ещё что здесь творится?

Какая-то девчонка с раскрытым этюдником стояла перед домом №12. Казалось, она забыла, зачем пришла. Она в упор смотрела на дом, но карандаш в руке был неподвижен. Она как-будто... она...

И тут Одарка ощутила то ли вихрь, то ли неудержимую струю. Она поймала её, и у неё завибрировали и заискрили кончики пальцев... Желание!

Солоха смотрела, как спускается вечер на Замковую гору. Сегодня стартуют молоденькие ведьмы. Для них это целое событие. И конечно же, Одарка отличилась. Как, впрочем, всегда. Растяпа... У неё остаётся 15 минут. Если не совсем дурочка, сейчас придёт и попросит заменить задание. А если...

С холма, со стороны Десятинной, раздался треск множества искр, но не это поразило Солоху. А тройное, оранжево-сине-зелёное сияние, поднявшееся оттуда. Сияние, по которому опытная ведьма безошибочно определила: рядом другая ведьма исполнила чьё-то искреннее, чистое и бескорыстное желание, и, судя по силе сияния, этот человек невероятно счастлив.

Женькин карандаш носился, как сумасшедший. Она боялась остановиться, боялась, что видение исчезнет. Нанесла в массах, проработала пластику фасада. Окна, балкончики, тени, мелкий декор. Башенка во дворе, с улицы не видна, ну да ладно... почти готово. Если что, теперь она сможет закончить и по памяти.

107

Она вдруг заметила девушку, стоящую на углу напротив, перед зданием школы. Босую и с немыслимой короной волос, укрывавшей весь её стройный силуэт. Высунув от любопытства кончик языка, девушка зачарованно смотрела на рисунок.

Тут взгляды их встретились. Женьку пронзила догадка, и она выхватила из сумочки гребешок.

– Эй! – крикнула она, – твой?

Глаза незнакомки загорелись, и она повелительно протянула руку. Женька бросила гребень, но ей показалось, что она могла бы и не бросать – он сам вылетел из её ладони и оказался в руке хозяйки. Прошло еще несколько секунд, пока растаяли в воздухе и Старый Дом, и молодая ведьма со своим гребешком. Перед ней снова был престижный выставочный центр D12 с музеем в первом этаже. И только залиvistый хохот Одарки еще минуту затихал в стороне Андреевского спуска.

– Что это вы нарисовали? – удивлённо спросили подошедшие парень и девушка, глядя поочередно на D12 и Женькин рисунок.

– Это Старый Дом, который был здесь раньше.

– Ааа... – протянули они и больше ни о чём не спросили. Может быть, они жили поблизости и давно уже знали, что в этих местах ничему не надо удивляться.

Десятый праведник
Александр Сороковик

Они действовали быстро и слаженно, словно давно репетировали этот исход. Муж, одевшийся за минуту, схватил в охапку ребят, буквально выдернув их из кроваток, завернул в какое-то одеяло, сгрёб детские вещи, до которых смог дотянуться. Прижал дочку и сына к себе, нашарил в кармане ключи от машины. Не оборачиваясь, выбежал из квартиры, зная, что Жена бежит за ним:

«И кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего;
И кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои...» (*)

Помчался по ступенькам вниз: лифт уже не работал. «Хорошо, что у нас восьмой этаж, а не двадцать четвёртый!» – мелькнула мысль. Детишки заворочались, просыпаясь, дочка слегка захныкала – Тихо, тихо, – пробормотал он, задыхаясь от бега, – уже сейчас, уже скоро... Хорошо, что машину вчера оставили на уличной стоянке, а не в подземном паркинге. Он, еле переводя дух, кинулся к дверце, бросил детские вещи на капот, освободил левую руку. Изогнувшись, достал ключи, нажал брелок сигнализации, попытался открыть дверцу. Правая рука занемела совершенно, дети уже не спали, начали выворачиваться, капризничать. Жена подоспела в нужный момент, быстро открыла машину, помогла забросить ребят на заднее сиденье.

Кинули следом их одежду, захлопнули дверцу.

Жена, забравшаяся с другой стороны, уже сидела рядом с детьми, что-то успокаивающе говорила, прижимала к себе. Он бросился на водительское место, включил зажигание. Старенький верный внедорожник завёлся сразу. Еле выждав время прогрева, Муж тронулся с места, завернул за угол. Едва успел улечься лёгкий сквозняк, пролетевший за ними следом, как 24-этажный дом, который они только что покинули, стал медленно, беззвучно оседать, будто песчаный холм. Только песок не оставался на асфальте, а закручиваясь лёгкими бурунами, словно стекал в невидимые воронки и вскоре лишь ночной ветерок перекатывал по земле пыльные облачка. В зеркале он увидел расширенные от ужаса глаза Жены.

– Тише, родная, – он пытался говорить спокойно, хотя самого била нервная дрожь, – только, ради Бога, тише! – показал глазами на детей.

Те, прижавшись к матери, сидели тихо, словно мышата. Они свернули на широкую улицу. Невдалеке горел дом, рядом орущая толпа ломилась в закрытый продовольственный магазин. Раздался звон разбитой витрины, люди кинулись внутрь. Вдруг чёрное ночное небо располосовала длинная ветвистая молния, и почти сразу грохнул невероятный по силе раскат грома. При ярчайшей вспышке они увидели город, в нескольких местах багровевший пожарами, мечущихся по улицам людей.

Вдруг из переулка им наперерез бросились какие-то тени. Сначала он затормозил, думая, что это такие же, как они, беглецы, ищущие спасения в этом хаосе. Однако фары высветили оскаленную рожу, лишённую всякого человеческого подобия. Существо размахивало пустой бутылкой, готовясь запустить её в лобовое стекло. Чуть поодаль другая тварь нагнулась к земле, явно нашаривая камень. Он круто повернул вправо, выжал газ.

Урод, размахивающий бутылкой, отскочил в сторону, выронил её, запрокинулся назад, на кучу мусора. Второй успел поднять камень и даже замахнуться, но отлетел вперёд, сбитый углом бампера. Остальные кинулись в стороны. Он резко вывернул руль и, не оборачиваясь, выдохнул:

– Только не вздумай мне ничего говорить! Если бы я не сбил этого подонка, он мог бы убить всех нас!

Она молча помотала головой, прижала к себе детей, чтоб не видели они рассыпающиеся дома, тупых агрессивных существ, размахивающих бутылками – безумных женщин, расхристанных, с голыми грудями, кривляющихся и не менее пьяных, чем мужчины

– Боже, когда же они успели, когда успели? – очень тихо повторяла, словно заклинание Жена.

– Что успели? – спросил он, выезжая на дорогу, ведущую за город. Рядом с ними беззвучно осело ещё два дома, снова песок от них втянулся в невидимые воронки.

109

– Что успели? – повторил он, не столько ожидая ответа, сколько желая разрушить тишину, установившуюся между ними

– Потерять человеческий облик. Образ и подобие Божие. Стать животными. – Она слегка подалась вперёд, – Ведь ещё вечером всё было нормально.

– Что было нормально? Этот сумасшедший мир был нормальным? На нашу семью косились, словно на идиотов: муж, жена, двое детей! Тут кругом – «семьи» то из двух мужчин, то из женщин. А то ещё «триады» эти, «семьи» из трёх партнёров. И ведь все узаконенные, со свидетельствами о браке, во Всемирной церкви «венчанные»!

– Да какая это церковь! Гнилая пародия! Настоящую церковь разгромили много лет назад, загнали в подполье, на смех подняли – ретрограды! А эти, из Всемирной, продвинутые, современные: традиционную семью – долой, пьянка, наркотики, разврат – пожалуйста! У них ведь главой-то, кто? Лесбиянка, прости, Господи, – «Архиепископ»!.. Да я вообще-то не об этом. Раньше, во время смут и революций, проходили месяцы, недели, хотя-бы...

– ... а сейчас оскотинились за несколько часов! – Муж сбавил скорость, прислушался. Город остался позади, они ехали по пригородной дороге. Дети, убаюканные ровной ездой, снова заснули. Вокруг было пусто, безлюдно. Небо по-прежнему змеили молнии, раздавался гром, но где-то на высоте, не приближаясь к земле. Дождь не шёл, однако становилось всё холоднее.

Он остановил машину на дороге среди полей. Вокруг пусто, местность хорошо просматривалась. Вышел на дорогу, встал на пригорке, Жена подошла вплотную, прислонилась к его плечу.

Начиналось время рассвета, но небо оставалось тёмным: напоздали мрачные, сизые, грозовые тучи, да и гарь от погибающего, горящего Города затмевала свет.

– Ладно, хватит, – он приобнял Жену, развернул в обратную сторону, – пошли назад, а то превратимся в соляные столбы...

– Ты думаешь, это...

– А что же ещё? Содом и Гоморра, разлива середины 21-го века.

– А мы, выходит, единственные праведники? Типа, Лот с семейством?

– Ну, какие мы там праведники... – он пожал плечами, – просто, может, меньшие грешники...

– погоди, – она настойчиво взяла его за руку, – но тогда, значит, никого лучше нас не нашлось? Или, хотя бы десяти таких, как мы, нас же только четверо!

– «Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти.» (***) – процитировал Муж.

– Вот-вот! Город разрушен, мы спаслись. А в чём наша праведность? Не крали, не убивали? Сохранили традиционную семью? Ходили, хоть и изредка, в настоящую, не Всемирную Церковь? Бедным пару раз помогли?

– А разве этого мало?

– Не мало! Не мало для того, чтобы просто считаться добропорядочной семьёй! Но, чтобы спасти города, нужно гораздо больше! А если мы проходим за праведников, если никого не осталось лучше нас, тогда – всё! Этому миру конец! Я не пойму только, зачем мы спаслись...

– Ну, ещё пока не спаслись, – проворчал он, – идём к машине, посмотрим, что там и как.

Дети по-прежнему спали, свернувшись на заднем сиденье. Они сели впереди, закрыли окна – холод становился всё сильнее. Муж достал мобильник, пощёлкал кнопками. Сети не было. Жена поняла его сразу, попробовала включить свой телефон – то же самое. Он стал настраивать радио – на всех диапазонах только глухой треск

– Ну что, всё понятно? – он не спрашивал, скорее утверждал.

Она только кивнула, глаза её наполнились слезами. Муж накинул ей на плечи куртку, ласково обнял, укачивая, словно ребёнка.

– Мы сейчас где-нибудь остановимся, надо отдохнуть, поспать. Потом, когда будет светло, поедем дальше, искать таких же странников, как мы. Праведников, – он криво усмехнулся, – не одни же мы такие... достойные.

Он завёл машину, медленно поехал дальше, держа одну руку на руле, а другой по-прежнему обнимая Жену. Сизые тучи, казалось, опускались всё ниже, пошёл крупный дождь. Капли его, большие, вязкие, тягучие медленно ползли по лобовому стеклу, застревали в щётках дворников, мешали обзору. В какой-

то момент, они поняли, что это уже снег. Его хлопья становились всё крупнее, покрывали толстым слоем буйную июльскую листву, засыпали сугробами дорогу, еле движущуюся машину, поля и деревья.

«Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу. Ибо тогда будет великая скорбь какой не было от начала мира до ныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни» (***)

Они свернули в тупик возле какого-то нежилого строения, остановили машину. Муж разложил сиденья, они улеглись рядом со спящими детьми, укрылись куртками и одеялами, обнялись все вместе. Холод совсем не чувствовался, было даже как-то уютно.

– Наш маленький семейный Апокалипсис... – тихо пробормотала Жена.

– Спи, родная, – прошептал Муж, целуя ледяными губами её такие же холодные губы, – утро вечера мудренее...

– Да, да, именно мудренее, – она улыбнулась нелепости этой фразы: понятно же, что утра у них уже не будет.

– Спокойной ночи, – тихо прошептал он.

– Спокойной ночи, – еле слышно отозвалась она.

– Так что же у вас не получилось с этим... м-м... проектом?

– Вообще-то, можно сказать, что отрицательный результат – это тоже результат.

– Ну, да. Логично. А всё же, почему результат получился отрицательным? Что помешало?

– Не скажу точно, но, по-моему, вмешался фактор «десятого праведника».

– А-а, это... Понимаю. Но откуда он взялся, этот праведник, ведь этих было только четверо, и ещё, насколько я помню, других пятеро?

– Нет, как оказалось, был ещё один. Мы просто упустили его из виду.

– И как только это выяснилось, проект пришлось свернуть?

– Ну-у... он сам начал возвращаться в первоначальное состояние, мы уже не могли вмешиваться, здесь наши возможности заканчиваются...

– А... скажите, это действительно были праведники? Они отличались чем-то особенным?

– Как вам сказать... Лет двести назад все они, кроме этого, десятого, звались бы обычными людьми, но за это время мы... ну, как бы ... провели определённую работу, и теперь...

– ... подобных людей можно зачестить в праведники!

– Благодарю вас, совершенно верно!

– И теперь, чтобы достичь результата, нужно этих десятерых привести к остальному уровню, не уничтожая физически?

– Да, физически их уничтожить ни в коем случае нельзя – тогда они так и останутся праведниками, мешающими нам.

– А духовно их уничтожить стало гораздо сложнее, потому, что они прошли некий этап, почти смерть. Теперь эти люди стали ещё сильнее, а если встретятся с тем самым десятым праведником, тогда все наши усилия пропадут даром...

– И в этом случае мы можем проиграть.

– Значит, наша задача...

– ... приложить все силы к их разъединению и духовному уничтожению.

– Да, именно так.

Дневное солнце слепило глаза, заливало ярким светом салон их машины. Муж с Женой проснулись почти одновременно, радостно глядя друг на друга. Снега не было и в помине. Царило обычное летнее утро. Они быстро вылезли из машины, выбежали на дорогу.

Город, ещё вчера дымивший пожарами, сегодня стоял, как ни в чём ни бывало, на своём месте. Дым, конечно, был, но какой же город без дыма? Известное дело, смог!

Муж завёл двигатель, и они быстро поехали назад. Зазвенел телефон. Она взяла трубку, о чём-то недолго поговорила, дала отбой. Глазами показала ему на магнитолау, он понял, включил радио. Послышалась обычная эстрадная галиматья, тупые шутки ди-джеев, затем последние новости: популярная певица поссорилась со своим бойфрендом. Известная актриса улетела отдыхать на Райские острова. Знаменитый модельер Ганс Мюллер наконец-то выходит замуж. Как вчера, как обычно.

– Значит... это всё нам привиделось? – взглядом спросила она.

– Нет, это было. Но что произошло и почему так закончилось – не знаю, – также беззвучно ответил он.

В Городе тоже ничего не напоминало о вчерашнем. Дома стояли на месте, толпы народа проводили обычный выходной день. Никто не грабил магазины, не бросался с бутылками на автомобили. Они подъехали к дому, поднялись на лифте на свой восьмой этаж, зашли в квартиру. Всё, как прежде. Только сами они стали другими.

– Почему не разрушен Город?

– Потому, что в нём всё-таки нашлось десять праведников.

– Это мы?

– Да.

– Но нас ведь только четверо!

– Значит, где-то в городе есть остальные. Настоящие праведники. Мы должны их найти. Ибо ради десяти праведников Господь не разрушит Город.

Седой, сгорбленный старик сидел за столом в крохотной каморке на окраине Города. Неяркий свет жёлтой восковой свечки освещал его древний лик,

старинные книги на столе, небольшую икону. Это был, наверное, последний служитель той ещё, настоящей Церкви, почти уничтоженной, растерзанной, отвергнутой людьми и заменённой на лукавую, блудливую Всемирную «церковь». Всю ночь он молился о милости, и сейчас, наконец, увидел, что Город спасён. Но понимал он, что этим обязан не только и не столько своим усилиям, но и неведомым ему девяти праведникам. Их нужно обязательно найти. Вместе они – сила. Ибо ради десяти праведников Господь помилует этот Город.

* (Матфея, гл. 24, ст. 17-18)

** (Бытие, гл.18, ст.32)

*** (Матфея, гл. 24, ст. 20-22)

Хилер (фрагмент)

Римма Щемерова

Сегодня у Антона был тяжелый день. Он пытался уговорить лишних людей в очереди уйти домой, но никто не соглашался. Как они не понимают, что принять больше десяти человек в смену он не в состоянии! Он же не просто осматривает их и назначает лекарства, как обычные врачи – ему приходится настраивать свой организм на каждого человека, менять структуру своих тканей, рушить молекулярные связи, характерные для его организма, и настраиваться на структуру пациента, чтобы проникнуть внутрь его организма и навести там порядок. Это всё равно, что разбирать дом на кирпичики и из них собрать другой дом, для того, чтобы просто открыть дверь.

Вряд ли кто-то сумеет его понять из «простых смертных». То, что для них является смертельным или неизлечимым, исходя из возможностей современной медицины, для него – всего лишь неправильно собранная структура. Стоит всего лишь разобрать на составляющие раковую опухоль, вместе со всей массой метастазов, начать воздействовать на неё энергетически, чтобы разрушить её на молекулы и фотоны, а потом из этих же кирпичиков восстановить орган. Всего лишь ряд термохимических и термоэлектрических преобразований, которые подчиняются стандартному колебательному алгоритму.

114

А вот то, что является для всех ерундой, для него может закончиться сильным истощением, или даже глубоким обмороком. Как-то к нему пристал знаменитый эстрадный певец, чтобы ему вылечили насморк. Но аура Антона, которая светилась ярко-изумрудным светом, слишком отличалась по длине волны от ярко-красной ауры пациента. Обычный врач, не подняв головы, выпишет рецепт, пациент сам выкупит лекарство, закапает и через несколько дней без особых усилий всё придёт в норму. Но ведь нет – нужно, чтобы известный экстрасенс потрудился с его драгоценным носом. А ведь Антону надо раскачать свои молекулы, изменив частоту колебаний, увеличив длину волны до красной части спектра, практически разобрав себя на атомы, войти в ткани и навести порядок. Потом, после такой тяжелой и мучительной (для врача!) процедуры, пациент выйдет здоровым, а Антону придётся несколько часов приходиться в себя, восстанавливая энергетический баланс.

Сколько раз он зарекался бросить эту работу! Но каждый раз, когда он пытался выйти из дома, дорогу ему преграждала толпа из скорбящих и молящих. Они и слышать не хотели, что он не врач, у него нет лицензии, что его могут посадить... Они рыдали, умоляли, выставляли напоказ все свои немощи и просто загоняли его обратно в кабинет.

Слава о «Святом Антуане» расползалась со скоростью эпидемии. Приходили не только неизлечимо больные, но и элитные пациенты, которые считали, что врач у них, особенных, тоже должен быть особым. Они обращались к нему как к обслуге и сразу получали отповедь. Пытались жаловаться, но люди, которых он лечил, всегда вставали на его защиту. К огромной досаде самого «Святого Антуана», который рвался на свободу.

Антон не только видел людей насквозь, но и слышал их мысли. Ведь речь, мышление, воображение и память ничто иное, как электрическая активность мозга. Однажды на приём пришёл репортер газеты, который получил задание от обиженных пациентов разоблачить «шарлатана». Войдя, он тут же скорчил скорбную мину, сообщив Антону, что умирает от сильнейшего менингита. Антон только усмехнулся, рассматривая его пропитую печень, песок в почках и забитый гельминтами кишечник, заваленный наполовину протухшим фастфудом, наполовину изысканными блюдами из ресторана. Лёгкие тоже были не стерильны, короче, и без «менингита» проблем парню хватало. Антон слегка «поторопил» кишечник, расшевелил лениво шевелившихся «гостей» в кишечнике, и «пациент» враз обрёл былую лёгкость, забыл о «страшной головной боли» и провел добрых пару часов в туалете, проклиная и врача, и заказчиков, пока в голове чётко не прозвучало: «Теперь можешь зайти в кабинет!» Когда он зашёл, Антон спокойнейшим голосом поинтересовался, избавился ли он от менингита, посоветовал ему диету и подсказал на что ему обратить внимание. И деликатнейшим тоном напомнил, потихоньку уползающему к дверям пациенту, об оплате приёма. Пациент был на редкость сговорчив.

– Я хочу предложить Вам сделку, – наконец произнес Антон: Вы ведь хотите объявить меня шарлатаном? Да хотите, хотите, я знаю! Я верну Вам все Ваши деньги за приём, если Вы сейчас в коридоре расскажете сидящим там людям, что я шарлатан, и убедите уйти домой. Я даже вылечу Вас бесплатно. Репортер искренне пытался выполнить условия договора, но ему пришлось уносить ноги от разъярённых пациентов.

В кабинет занесли девчущку с явными признаками мышечной дистрофии. Просканировав её, Антон нашёл серьёзный порок развития черепа. Несколько лет назад она получила тяжёлую травму головы, осколок металлической оболочки от взорвавшегося газового баллона остался в кости, и на него выросла новая кость. Металлический фрагмент сдавливал мозжечок, и координация движений была совершенно нарушена. Делать трепанацию так близко к продолговатому мозгу врачи не рискнули. И девочка жила с этой проблемой уже больше года, не имея возможности нормально развиваться и двигаться. И экстрасенс стал готовиться к операции.

Антон решил подкачать энергию, разогнать её движение в «конусах». Соединив ладони, он начал затем раздвигать их в стороны, ощущая всё увеличивающееся тепло между ними. Он отправлял импульс из одной ладони в другую, усиливая частоту колебаний, ощущая, что в центре ладоней всё горячее отзывается тепловая точка. Когда через несколько минут он раздвинул ладони примерно на полметра друг от друга и повернул их к потолку, он отчётливо увидел выходящие из центра ладоней ярко-зелёные лучи энергетического потока, которые постепенно ослабевали к краям ладони, высвечивая светящиеся конусы с основанием на поверхности ладони и заостряющиеся вверх, перпендикулярно ей. Это и был его рабочий инструмент – поля, которые он вводил в тело пациента, пронзая все ткани и органы.

Введя энергетические конусы с обеих сторон основания черепа, Антон ощутил напряжение поля, проникшего к металлическому осколку, вросшему в кость. Осторожно прощупав фрагмент конусами, словно двумя пальцами, он попытался его покачать. Не выходит. Значит придётся разогреть ткани черепа, размягчать их и выдавливать осколок наружу. Не спуская глаз с пульсирующих артерий, он начал раскачивать поля. Внутри конусов температура заметно поднялась. Девочка занервничала. Пришлось освободить одну руку и подавить центр боли в мозге. Снова раскачка энергии, поля остеофитов вошли во взаимодействие с полями конусов и начали тихо вибрировать. Через некоторое время костная ткань стала размягчаться как нагретый пластилин и подаваться. Изменяя направление магнитного поля, Антон слегка растянул в стороны участки кости, нажимая в сторону от мозговых оболочек. Потом резко сменил полюса и кусочек металла выскочил из сжатых пластин затылочных костей, как косточка из сливы. Дело за малым – восстановить плотность и целостность костной ткани. Лицо девочки изменилось. Исчезло напряжение. Врач вновь включил болевой сигнализатор в мозгу. Девочка посмотрела жалобно, но убирать боль опасно. Без неё человек может серьёзно повредиться и даже не осознать этого. Теперь всё в её руках и руках её родителей. Какое-то время ей придётся учиться ходить заново. Но это лишь дело времени.

Приняв последнего пациента, Антон выглянул в коридор. Вот упрямые! Сидят ещё пять человек и не уходят! Завтра, завтра! Сегодня он исчерпал весь запас энергии. Поворчав, люди нехотя тронулись к выходу. В этот момент в коридор ворвался молодой человек в форме полицейского. Он нёс на руках раненую женщину, пострадавшую от грабителя. Его коллеги рванулись в погоню, а он подхватил несчастную и побежал к «святому Антуану».

– Я уже закончил приём! – Антон замахал руками. Вызывайте скорую. У меня уже нет энергии... И вдруг остановился, уставившись на полицейского.

– Заходи.

Люди, отброшенные к стенкам энергичным полицейским, возмущённо зароптали.

– Так! Тот, кто сейчас же не уйдёт, не будет принят ни завтра, ни послезавтра. Никогда!!

Смирившись, все ушли, а у дверей кабинета остались лишь врач, полицейский и раненая женщина.

Антон бегло осмотрел женщину, дал полицейскому жгут и лангету. Приказал остановить кровь и зафиксировать перелом. Навык у служивого должен быть. А он, Антон, пока восстановит энергию и поест хоть чуток. За целый день ни минуты для обеда или ужина. Люди забывают иногда, что экстрасенс тоже человек.

Восстановив силы и подкачав энергию, Антон привёл в порядок женщину. Всё. Небольшая кровопотеря постепенно восстановится, просто нужно полежать дома и проследить за соблюдением диеты.

117

Полицейский сидел, сжав руками виски. Голова просто раскалывалась. Может, погода, или устал? А может, перенервничал, спасая женщину? Он жалобно взглянул на Антона и встретил его внимательный испытующий взгляд.

– Почему ты сам её не успокоишь?

– ?

– Я говорю, зачем ты так долго терпишь эту головную боль? Просто сними её как шапку.

Парень озадаченно посмотрел на Антона. Как это?

– Посмотри: какого цвета конусы на моих ладонях?

– Зелёного.

– А на твоих?

– Оранжевые.

Женщина, которая уже вполне пришла в себя, удивлённо переводила взгляд с одного мужчины на другого, соображая, на каком она свете, о каких конусах речь. Разумеется, она ничего не видела.

– Какого цвета аура у женщины, – не унимался Антон.

– Красного.

– Так что же ты сам-то не помог?

– Я?! Как? Чем?

– Ладно. Успокойся. Ты такой же хилер, как и я.

– Да ладно!

– Как тебя звать-то?

– Никита.

– Что, Никита, голова прошла?

– Ты меня так ошаршил, что я про голову забыл. Вообще-то болит.

– Сними ее. Конусами своими сними. Прогрей конусы, раскачай их, вот так. Антон показал, как нужно усиливать и подзаряжать конусы на ладонях.

– А теперь сдвигай ладони к голове, запускай конусы внутрь головы. Чувствуешь тепло?

– Чувствую.

– Погладь там, прогрей, пошуруй – прощупай, где напряжение. Нашёл?

– Вроде да.

– А теперь поддевай полем и тащи кверху. Стаскивай с макушки как шапку.

– Оооо! Вроде получилось. Только руки болят и дрожат немного.

– Это с непривычки. Ничего! Не боги горшки обжигают. Научись.

– Шутишь? А я как раз думал, что именно боги...

– Ну, в общем-то, конечно, этот дар есть не у всех. Вот посмотри на её руки. Они уставились на ладони пострадавшей. Женщина заёрзала. Ей было немножко не по себе. Она убрала руки за спину и покосилась на дверь.

А Никита с Антоном, позабыв обо всём, открывали всё новые и новые общие черты. Антон научил Никиту особому взгляду на пациента, чтобы можно было видеть сквозь несколько слоёв тканей, через одежду и волосы. Объяснил, как это происходит и что он должен разглядеть.

– Класс! В жизни бы не подумал, что я – экстрасенс! Я и не знал, что не такой, как все. Думал, что все видят это свечение! Оно ведь есть у всех. Как приятно видеть родственную душу! Слушай, а жена как к этому относится?

– Сейчас узнаешь, – ответил с улыбкой Антуан, взглянув на часы.

Через пару минут в боковой двери показалась Марина – жена Антона. Никита ошалело уставился на неё.

– Золотая-а-а!

– Что, сразу разглядел?

– Да она как лампочка светится!

– Вот-вот. Я ещё в школе её заприметил. Вошёл новичком в класс, все тусклые, а от неё как от люстры на весь класс золотой ореол. И никто кроме меня не видел. И она, кстати, тоже на меня глаза вытаращила, когда я вошёл.

– Тоже экстрасенс?

– Да. И дочка у нас тоже особенная. У неё аура лимонного цвета. Жёлто-зелёная. И помощнее, чем у нас с Маришкой. Вот встретишь свою судьбу – точно мимо не пройдёшь.

– А что, с обычной девушкой уже не судьба? – насупился Никита.

– Можно, конечно, и с обычной, но ей с тобой будет тяжело. Вряд ли она сможет тебя понять. Вот ты сейчас хоть и слабо, но можешь разглядеть скелет человека через кожу. А теперь попробуй это «развидеть»! Теперь вокруг тебя постоянно будут ходить скелеты, пока не научишься взгляд регулировать и отключаться. Я таким родился, мне было проще – привыкать не пришлось. А мама в первый раз, когда этот дар от бабушки покойной получила, в первое время в таком ужасе была, что почти месяц из комнаты не выходила. Плакала.

Потихоньку адаптировалась. Дедушка рассказывал. Знаешь, человек ко всему привыкает.

Беседуя, они даже не заметили, как, приседая от страха, придерживаясь за стенку, от них «уползла» пострадавшая и опрометью кинулась к шоссе ловить такси.

Земля – Орион – Минтака. Домашнее задание (55-словники)

Все дороги ведут...

Ирина Архипова

Саша

Интересно, за что мне больше попадёт: за не сделанное домашнее задание или за полтора землекопа, которые постоянно преследуют меня, как Витьку Перестукина из моего любимого мультика? Сколько их, мне всё равно не посчитать, а в футбол поиграть хочется. Лучше спишу у Ленки Петровой, она с землекопами дружит. Должна же быть хоть какая-то польза от девчонок!

Лена

Наверное, опять Сашка Скворцов придёт списывать задачку. Может, научить его самого решать? Как Мальвина в фильме учила Буратино делить два яблока... А он ей ответил: «Я же не отдам некто яблоко, хоть он дерись!». Странные эти мальчишки. Вдруг и Сашка решит лучше подраться, чем решать задачку? Да и с подружками погулять хочется. Лучше пусть списывает.

121

Учительница

Опять Саша списал задачу у Лены. Способный ведь пацан, ленивый только. Всё бы ему в футбол с мальчишками гонять. Лена тоже хороша... Объяснила бы лучше как решать, сама ведь понимает. Вызвать отца? Пусть позанимается с сыном математикой. Нет... Опять начнётся старая песня «Учат в школе». Надоело выслушивать за двадцать лет. И учить надоело. Пусть списывает.

Созвездие Гончих Псов. Второй конкурс фантастических рассказов

Артиллеристы

Александр Сороковик

Сержант Лёха Фомин, командир расчёта противотанковой пушки ЗИС–2, полуоглохший от грохота выстрелов и взрывов ответных снарядов, с замотанной в окровавленную тряпку левой рукой, из последних сил поднялся, схватившись за обломок какой-то стены, и хрипло скомандовал:

– Бронебойным! Прямой наводкой!

* * *

Ефрейтор Ганс Ранке, наводчик танка «Панцер 3», был доволен собой. Ещё бы! Так вовремя выстрелить по русской огневой позиции! Эта последняя пушка, причинившая немало бед их танковой роте, хоть и не была уничтожена, но больше не могла принести вреда: снаряд, умело направленный Гансом, рванул прямо около русского артиллериста, тащившего к пушке снаряд. Солдата просто разнесло на куски! Ещё двоих расшвыряло по сторонам и тоже поубивало осколками. Страшно подумать, что могло произойти, если бы он не успел выстрелить, или промахнулся. Ответный выстрел прямой наводкой в секунду превратил бы их танк в пылающий факел!

Но он успел раньше! И пусть теперь заткнётся старый дурак Фогель, механик–водитель, воюющий на Восточном фронте с первых дней.

– О нет, Ганс! Нельзя недооценивать русских! Ты воюешь только три месяца, а я в этом аду уже два года! Пока будет жив хоть один русский солдат, мы не сможем быть уверены ни в чём! – обычная его песня.

Ну и где твои хваленые русские солдаты? Их батарея уничтожена, а они все мертвы! А мёртвые воевать не могут! Он радостно засмеялся – их танк, победно рыча, катился мимо разгромленной батареи, дальше на Восток, а убитые русские артиллеристы пялили на них незрячие глаза и ничем не могли помешать наступлению непобедимой германской армады...

* * *

Лёшку Фомина выписали из госпиталя только через четыре месяца.

– Повезло тебе, сержант! – сказал на прощание доктор. – Жив остался, да ещё и ходишь самостоятельно. С такими ранениями выжил. Повезло!

Да уж, повезло! Правая нога скрючилась, ходить придётся только с палкой. Хорошо ещё, что руку отрезали левую – правой можно на эту палку опираться. Лицо посечено, в теле осталась парочка осколков – не смогли их достать.

Но, если честно, то и впрямь повезло, одному из всех. От Мишки только крошево осталось, а Фариду осколок в шею попал, голову отсёк начисто. Других ещё раньше поубивало. Один он остался из всего расчёта, да и из всей, наверное, батареи. Лежал оглушённый, истекающий кровью. И смотрел, как ненавистный танк, победно рыча, кроша гусеницами погибшую огневую позицию, идёт на Восток.

А он, командир расчёта, сержант Фомин, не может даже доползти до уцелевшей пушки, развернуть её, загнать в казённый броневой, который тащил Мишка, всадить этот снаряд под башню и превратить бронированную машину в пылающие обломки! Он попытался встать, проползти эти десять шагов, но упал на горячие камни и потерял сознание...

* * *

С тех пор и снился ему этот странный, на грани реальности сон: разгромленная батарея, ревущий навстречу «Панцер». Только во сне ему всегда каким-то образом удавалось доползти до пушки, зарядить её последним броневым и выстрелить почти в упор.

Танк превращался в пылающий костёр, а он падал рядом с погибшими товарищами. Почему-то никогда во сне он не успевал выстрелить первым, спасти своих ребят. Мишка и Фарид всегда погибали, но там он не предавал их, умирал вместе с ними, уничтожив последний вражеский танк.

В госпитале этот сон снился ему постоянно, чуть ли не каждую ночь. Потом его выписали и отправили домой – куда с такими увечьями на фронт! В двадцать два года стать инвалидом, с одной рукой, да ещё хромым – не всякий выдержит.

Лёха выдержал, не запил. До войны он закончил десятилетку, решил учиться дальше. А куда ещё без руки и почти без ноги? Ни к станку, ни к конвейеру. Его приняли в строительный институт, на первый курс, дали паёк, койку в общежитии. Он остался один: родители погибли в бомбёжку, смешливую белокурую девушку Марину угнали в Германию, где она сгинула без следа.

Лёха учился на инженера, жил в общежитии, питался в столовке, носил военную форму без погон. Мужчины, вернувшиеся с войны, были наперечёт, а время Победы и возвращения домой здоровых мужчин ещё не пришло. Поэтому неудивительно, что вскоре Лёху прибрали к рукам.

Люба окончила с отличием сельскую школу, получила направление в институт и училась с ним в одной группе. На выходные ездила домой, привозила торбы со снедью. Подкармливала тощего, хромого, однорукого мальчишку с седыми висками, а через полгода повезла знакомить с родителями.

Лёшка пришёлся им по душе – почти непьющий, бывший фронтовик, студент. А что хромым и одноруким – то не беда, ему же не мешки в колхозе ворочать, он инженером будет, как и Любаня ихняя.

Сыграли свадьбу, зажили в семейном общежитии, как многие тогда – без особого шика, но с достоинством. О любви не говорили, просто жили, как положено: работали, отдыхали, изредка ругались, мирились, ходили в гости.

Родили одного за другим двоих сыновей, получили квартиру. Лёха, а точнее уже Алексей Степанович, работал начальником отдела в строительном тресте, Люба – там же, инженером.

Давно отпили, отпели и отплясали Победу, жизнь входила в мирную колею, строителям работы хватало. Оно бы и хорошо, но всё чаще стал наступать Алексея тот самый сон.

По ночам он кричал, ругался, скрежетал зубами. Люба просыпалась, успокаивала его. Чувствовал себя виноватым перед ней: она и так устаёт за день – дети, работа, дом. А сон не уходил. Снова и снова он подбивал немецкий танк и умирал рядом с товарищами, но успокоения это не приносило.

Однажды, во время нечастых встреч с бывшими фронтовиками, он неожиданно рассказал об этом сне пожилому капитану Самохину. Тот выслушал его внимательно и покачал головой:

– Ты, Лёха, обратно туда хочешь, думаешь, что не успел тогда. Тебе надо машину времени, как Уэллс писал, знаешь такого? Ты бы кнопку какую нажал, р–раз, и перенёлся в тот день, чего там! Подбил фрица, и назад. И сразу все сны – фьюить, и нету!

На следующий день Алексей пошёл в районную библиотеку и, смущаясь, попросил книжку Уэллса. Сначала читал её тайком от жены, потом перестал стесняться. Книжка одновременно и увлекала, и раздражала. Конечно, что мог придумать хоть и передовой, но всё же выросший среди капиталистов, писатель? Трущобы, морлоки, умирающая Земля. Пустое это всё, никчёмное. У нас другое будущее – светлое, коммунистическое! И незачем туда мотаться, там и так всё ясно. А вот перенестись на три минуты в прошлое... Эх, ему бы такую машину!

Больше никому об этом Алексей не говорил. Сон, где он возвращался в свой последний бой, стал приходить всё реже, он научился не кричать во сне, не скрежетать зубами и не ругаться...

Годы проходили, умирали друзья-фронтовики, родственники, знакомые. Умерла и Любаша, а он всё жил и жил, словно не мог уйти с этой Земли, не выполнив свой долг...

* * *

– Короче, дед, я вчера тебе на комп закачал с удалённого доступа, дома врубишь, там всё настроено. Вот я код набираю, смотри, – прыщавый набрал на своём смартфоне комбинацию из латинских букв и цифр, – и аллес, дальше программа сама сработает. Я всё настроил, попадаешь, куда и когда надо. Три минуты у тебя есть, делаешь, что нужно и возвращаешься. Но учти, если тебя там грохнут, мы не виноваты.

Алексей Степанович передал прыщавому деньги – всё, что он собирал долгие годы, молча, не прощаясь, повернулся и пошёл к дому, тяжело опираясь на палку. Прыщавый хмыкнул, повернулся к своему товарищу – тощему, высокому, с редкими волосиками на подбородке:

– Ну? Понял, дурилка, как бабло срубают? Старый хрен, небось, года три тугрики складывал, так хотел назад на войнушку попасть! А мы с тобой, Хомяк, эту программу за неделю захерачили, теперь оторвёмся по полной!

– Слушай, – Хомяк почёсывал свою редкую бородёнку, – а если дед, в натуре, перенервничает и ласты склеит?

– Ты чё, Хомячище? Кончай хернёй страдать! Он и так уже своё отжил лет десять назад! А теперь ещё заветную мечту выполнит напоследок!

– А чё он там выполнит–то, Штырь? Это ж фуфель, чистый прогон, в натуре!

– Не пыли, кореш! Это для нас – прогон. А дедуля слопаёт за милую душу, решит, что так и должно быть!

– А вдруг он ухаваает? Может, ты танк этот не так срисовал, или ещё где сморозил? И корешей его ты с кого сфоткал?

– С кого надо! Ты чё, думаешь, дед за семьдесят лет их морды не забыл? Всё, кончай трындеть – мы бабки получили, нам теперь пофиг! Ухаваает, не ухаваает! Давай, чешем отсюда, надо пошла успеть прикупить!

* * *

Почему–то не было даже тени сомнения. Алексей Фомин видел, что пацаны ведут с ним какую–то игру, что программа эта ненадёжна, что не могут такие сопляки обладать настоящей машиной времени, но почему–то он выполнил их требования, отдал все деньги, и сейчас, едва переведя дух после возвращения домой, уселся к компьютеру. Включил его, загрузил, активировал программу. Внуки долго не понимали, зачем деду компьютер на старости лет, но, в конце концов, махнули рукой, купили на день рождения пять лет назад. А вот правнучка Софьюшка была в восторге. Она с удовольствием учила прадеда обращаться с клавиатурой и мышкой, не вдавалась в сложности, разъясняла только самое главное. Он научился находить в Интернете статьи о войне, смотрел кинохронику, хорошие старые фильмы. А самое главное – искал тех, кто может отправить его обратно в сорок второй, хотя бы на несколько минут. Так он и нашёл Штыря с Хомяком...

Постепенно на экране начала возникать картинка: мрачное серое небо, выжженная земля, огневая позиция и танк, приближающийся к ней. Стали видны фигурки его друзей. Они, правда, были неясными, безликими, но он узнавал их. Вот балагур Мишка, ещё живой, застыл в ожидании. Вот молчаливый Фарид повернулся к нему: «Какой приказ будет, командир?» Ах, если бы сейчас он мог попасть туда, может, успел бы выстрелить раньше? А вот на картинке он сам, сержант Фомин, ещё целый и невредимый... Когда же он упустил секунды, замешкался с приказом? Или это Мишка промедлил? Или Фарид не успел?

Что-то шло не так. Алексей видел картинку, слышал рёв танков. Но не было запаха гари, не дрожала земля. И грохот однообразный, неправдоподобный. Фигурки на экране ожили, задвигались. Только перемещались они какими-то рывками, неестественно. Вот сейчас он должен войти туда, в тело Лёшки Фомина, в его мозг, отдать верную команду, успеть...

Но эта плоская картинка не могла быть той реальностью, в которую он должен войти! «Обманули, мерзавцы! Я найду их и задую... или забью своей палкой, одной рукой обоих!» Он резко поднялся, сжимая кулак, но вдруг в голове разорвался яркий огненный шар, ослепил его, прервал дыхание...

Вялая нелепая картинка исчезла вместе с компьютером и комнатой. Он на самом деле оказался там, в реальности 1942-го, ясно услышал грохот надвигающегося танка и свою хриплую команду: «Бронебойным! Прямой наводкой!».

В нос ударил запах горячей земли, пороха и смерти. Не успев толком ничего понять, Алексей Степанович услышал грохот взорвавшегося рядом снаряда. Почему-то его не задел ни один осколок. Бронебойный, который тащил Мишка, валялся на земле у его ног, а вот самого Мишки не было. Фарид, хоть и без головы, но был здесь, неподалёку, а Мишка просто исчез.

И присыпанный землёй, посеченный осколками, лежал под разрушенной стенкой он сам – раненый, но живой Лёшка Фомин. Попытался встать, упал, потеряв сознание... А девяностолетний старик Алексей Степанович Фомин стоял рядом с последним бронебойным снарядом. И последний фашистский танк, победно рыча, двигался на него.

Алексей не стал рассуждать, отчего всё пошло не так. Почему сначала картинка была плоской и неестественной, а потом он оказался внутри неё, в настоящем бою. Не вошёл в сознание сержанта Лёхи Фомина, а очутился рядом с ним и, хотя находился в своём старом немощном теле, мог действовать.

Отбросив палку, он сделал шаг к снаряду, попытался поднять его одной рукой, но не смог. Тогда он упёрся в него этой рукой и стал толкать к пушке по земле. Грохот танка приближался, и Фомин понимал, что надо спешить. Затвор, к счастью, был открыт, Фарид перед смертью постарался. Он нагнулся и из последних сил, помогая культией левой руки, подбородком, всем телом, загнал снаряд на место.

Пушке тоже досталось, но стрелять она ещё могла. К счастью, наводить почти не пришлось – танк шёл прямо на него, не опасаясь тех, кого он только что убил. Алексей успел выстрелить в последний момент, когда фашисты в танке только начали что-то понимать и попытались то ли свернуть в сторону, то ли открыть огонь. Почему-то он не услышал, как взрывается под башней снаряд, не увидел огня и дыма, в которые превратился «Панцер».

А услышал он обрывки мыслей на чужом языке, который вдруг стал хорошо понимать: «Он же сейчас выстрелит!», «О, майн Готт, откуда тут взялся старик?!», и ещё одну, угасающую: «Я же говорил, пока будет жив хоть один русский солдат, мы не сможем быть уверены ни в чём!».

И увидел он дорогу, по которой уходили к свету его друзья. Они призывно махали ему руками: улыбающийся Мишка, серьёзный и сосредоточенный Фарид, тоненькая девочка-санинструктор Маруся, комбат капитан Омельченко, политрук Белецкий, знакомые и незнакомые бойцы. Он улыбнулся, помахал в ответ, и легко побежал догонять своих.

Аттракцион

Ольга Альтовская

В здании большого Торгового центра открылся новый аттракцион. В крыле, где он находился, было необычно тихо. Приглушённо и доверительно звучала песня Битлз «Yesterday», и мягкий свет бра освещал двери двух смежных кинозалов. Перед дверью в первый стоял парень-билетёр и продавал билеты.

Рядом, ожидая своего сеанса, скучала небольшая группа людей. Они разглядывали афишу, которая висела в простенке между дверями. На ней крупными буквами было написано СЕГОДНЯ. А чуть ниже – программа просмотра: 1 зал «Было». Хроника. «Новости дня» XX век. Личная ретроспектива (индивидуальный просмотр).

2 зал «Будет». Хроника. XX1 век «Новости дня». Личная футуроспектива (индивидуальный просмотр)

Роман Ильич, немолодой уже человек, купил билет на сеанс в Первый зал. До начала оставалось минут пятнадцать, и он заговорил с билетёром.

– А что во Второй зал билеты не продаются? Желающих нет?

– Что Вы! Желающих – хоть отбавляй. Все хотят узнать, что будет, но не все могут. Билеты дорогие. Первый зал – эконом-класса. А второй – бизнес-класса. Ну и цена соответствующая.

Тут закончился сеанс. Из Первого зала стали выходить люди. Кто-то мечтательно улыбался, кто-то шёл, опустив голову, кто-то вытирал слёзы. Из Второго зала вышла только женщина в чёрном и, ни на кого не глядя, быстро пошла к выходу.

Роман Ильич с остальными зрителями зашёл в зал «Было». Погас свет, и начались хроники XX века – документальные «Новости дня», которые крутили в кино перед каждым сеансом в Советском Союзе. У Романа Ильича даже сердце защемило от ностальгии по тому времени.

Когда документальные кадры закончились, голос из динамика попросил зрителей надеть Приборы Личного Видения – странные окуляры и наушники – и проинструктировал, как пользоваться пультом. Зрители надели ПЛВ, вытянули ноги и расслабились.

Роман Ильич на пробу набрал на пульте: «Вчера». И увидел себя входящим в здание института, где преподавал, аудиторию со студентами, студенческую столовую. За столиком рядом с ним обедает Инна Львовна, секретарь, такая

приятная дама! Они говорят о её даче. Он чувствует запах её духов и даже запах и вкус столовских котлет на тарелке!

«Работает!» – удивился и обрадовался Роман Ильич. И набрал на пульте: «1987.05.01». Пошла картинка: ему 27 лет! Молодой, полный сил, он делает предложение Наташке. Они вернулись с демонстрации. Счастливые, голодные, сидят с родителями за столом, и он, Роман, объявляет об их помолвке.

Улыбка блуждает на лице Романа Ильича. Он заглядывает ещё глубже, набирает: «1970.04.22». И вот ему 17 лет. На кухне радио поёт: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой... Ленин в тебе и во мне». Он, Ромчик, на ходу жуёт бутерброд с колбасой и бежит в школу на субботник. Там точно будет Нинка. Вот они уже вечером – в подъезде целуются. Потом – как это в первый раз у них случилось... Сашка, говорил, что с ней можно, а оказалось, что он у неё первый... «Мы поженимся?» – «Да». Как трудно врать!

Роман Ильич набирает: «1970.08.31». Он у института. Поступил. Подходит Сашка. «Слышал? Нинка в больнице. Отец избил до полусмерти. Беременная от кого-то. Я же говорил, что гулящая... Выкидыш у неё. Говорят, больше детей не будет»...

128

Голос в наушниках объявил: «Сеанс заканчивается. Осталось 20 секунд». Роман Ильич начинает лихорадочно нажимать на даты, чтобы закрыть этот эпизод другим, хорошим – и не успевает. Время вышло.

Подавленным вышел он из прошлого. А из соседнего зала вышел старик, подошёл к нему, хотел что-то сказать, но передумал и ушёл. И вдруг Роману Ильичу страшно захотелось увидеть будущее. Он достал кошелёк и купил билет.

– У нас неперемное условие: перед посещением Второго зала зрители пишут расписку, что претензий к администрации не имеют, их выбор осознанный и добровольный, – говорит ему билетёр.

Роман Ильич быстро заполняет форму и входит в зал. Там всё иначе: шикарно и стильно. Свет гаснет, и на экране «Новости дня»: роботы, воздушные такси, дома сферической формы, подводные города. Голос из динамика просит надеть ПЛВ. И Роман Ильич, желая проверить работу аппарата, набирает на пульте близкое будущее: «Послезавтра». Послезавтра Наталья с внуками прилетает из Сочи. Он соскучился и точно будет их встречать. Видит Наталью с мальчишками в зале – прилетели. А его там нет. Она озирается по сторонам, потом берёт такси, и они уезжают. «Странно, – думает Роман Ильич, – почему

не встретил?» Набирает: «Завтра». Идёт картинка – институт, дом. И снова он себя не видит. Потом: «Сегодня в 14 часов, в 20 часов... Всё знакомо: институт, студенты, дом, но его самого нигде нет. В наушниках: «Ваше время вышло. Осталось 20 секунд». Он снимает ПЛВ, нажимает тревожную кнопку. К нему подходит билетёр.

- Не работает! Почему меня там нет?
- Потому что Вас там уже нет, – грустно улыбается тот.
- Ерунда! Выпустите меня. Я хочу уйти!

Роман Ильич бежит к двери с надписью «Выход», распахивает её – и выбегает из зала в ослепительно белый свет. И больше он уже ничего не видит. От заднего крыльца Торгового центра отъехала Скорая. Ещё для одного зрителя личное кино закончилось.

Кнопка

Джон Маверик

Мы называли его Маленьким Принцем, хотя на принца он походил меньше всего. Тощий и кривобокий, и ходил чудно – одной ногой шагал, другую приволакивал. Да и с головой у него было не в порядке.

– Я, – говорил он всем, кто соглашался слушать, а таких с каждым разом находилось все меньше и меньше, – хранитель. И дед мой всю жизнь прожил хранителем, и отец – это у нас в семье наследственное. Передается от отца к сыну.

Если вы имели глупость спросить, кто такой хранитель – бегите, пока Маленький Принц не сел на своего любимого конька. Иначе он заболтает вас до смерти.

– Когда Бог творил Землю, – примется он рассказывать и, если вы не успели удрать, вцепится вам в рукав мертвой хваткой, – он все хорошо продумал. Весь механизм, и как солнце встает, а потом опять садится, и как звезды загораются, и как весна приходит после зимы, и приливы-отливы морские, и фазы луны. И как яблоки зреют, и снег идет, и гусеницы превращаются в бабочек, и птицы высиживают птенцов. Все должно было происходить автоматически и в правильном порядке.

Так говорил Маленький Принц, и, если в этом месте вы начинали смеяться, лицо его кривилось, точно от боли, и щеку сводил тик.

– Да, вот как Бог создал Землю! – говорил он, захлебываясь слюной, и от волнения получалось очень громко. Почти крик выходил. – Придумал так, что лучше и не надо. Но потом что-то разладилось. Земля-то старая, и механизм, что ей управляет – старый. Теперь, чтобы день начался, надо нажимать на аварийную кнопку. Тогда шторы поднимаются и становится светло, и просыпается солнце, птицы поют... Она, эта кнопка, специально сделана на случай, если что-то заест, а не затем, чтобы пользоваться ей постоянно. Но если по-другому никак не работает, приходится все время давить на кнопку, правда? Давить и давить – пока рука не отсохнет.

Самое смешное, что у Маленького Принца, и в самом деле, была сухая рука. Поэтому даже те, кто до этого сохранял серьезность – усмехались, а девчонки прыскали в кулак.

– Звезды выключить – кнопка! Туман разогнать – кнопка! Или, наоборот, облака собрать в кучу, чтобы пошел дождь. Кнопка! Да без нее ни один цветок не раскроется! Глаза продрать не успею, а уже бегу – нажимать. На пять минут опоздаешь, и люди поймут, что-то в мире не так. Сломалось. А понять они не должны. Начнется паника. Вот и кручусь, и отец мой так крутился, и дед, и прадед.

В общем, «проснулся утром – убери свою планету, иначе она вся зарастет баобабам».

Звали его по-настоящему то ли Карл, то ли Клаус, а то и вовсе Клод, какое-то стариковское имя, провонявшее нафталином. И, под стать имени, одежда, словно вынутая из бабкиного сундука, висела на нем, как на пугале.

– И это чучело – хранитель какого-то вселенского движка? – хохотали мы. – Клаус, а Клаус, а где она, твоя кнопка?

Маленький Принц напускал на себя таинственный и печальный вид.

– Не разглядите ни за что. Нужно знать, где она, а вы понятия не имеете и не понимаете, как все в мире устроено. Я и отец мой знали, а больше никто. Посмотрите, – он складывал обе ладони лодочкой, указывая ими куда-то вниз, себе под ноги, – вся Земля полая. А внутри у нее – рычаги и шестеренки. Как в часах, только сложнее. И кнопка – там же. Она маленькая и невзрачная. Надо, чтобы кто-то пальцем ткнул, иначе не заметишь.

Он так и пыжился, стараясь показать, какая на нем лежит ответственность. Топал ногой в разношенном ботинке, так, что из-под его подметок летела пыль, и видны становились контуры продолговатой чугунной крышки с надписью: «гидрант». Таких люков было полно по всей улице. Совсем крошечных, не более десяти сантиметров в поперечнике, и маленьких, и больших, в которые вполне мог бы спуститься человек. В «гидрантах» прятались водопроводные краны – я сам видел, как их доставали во время дорожных работ, в маленьких люках – провода и розетки, а большие, очевидно, вели в канализационные шахты. Получалось, что улица и в самом деле полая изнутри, начиненная всяким оборудованием, и Маленький Принц в какой-то мере оказывался прав.

Конечно, над ним издевались, как всегда глумятся над такими, как он. Мелюзга – чаще, а старшие ребята – изощреннее. Вымазать мелом дверь, которая болталась на одной петле и не запиралась – видно, и красть у бедолаги было нечего – или позвонить в звонок и убежать – это забава для первоклашек. Оставить на пороге целлофановый пакет с водой – тоже много ума не надо. Мы умели штуки покруче. Петер, к примеру, подходил этак небрежно, с серьезным лицом, когда чудик сидел на лавочке у своего дома, и спрашивал:

– Не подскажете, который час?

У Маленького Принца отчего-то были сложные отношения со временем. Оно его пугало, почти вгоняло в ступор. Он застывал столбом и, бледнея, кренился, как дерево в бурю. Губы начинали дрожать, перекашивалась щека, и весь его облик, и без того уродливый и кривой, уродовался и кривился еще больше. На невинный вопрос о времени он или не отвечал ничего или – невпопад – цедил, сквозь зубы:

– Поздно.

Мы с Аникой давились от хохота, а Петер подчеркнуто вежливо переспрашивал:

– Что? Который, говоришь, час? А, Карл?

Тогда этот кретин принимался смешно мотать головой, как будто в уши ему зудел целый рой голодных комаров.

Иногда я садился рядом с Маленьким Принцем на скамеечку и, притворяясь взволнованным, шептал:

– Клаус, ну, по секрету? Где твоя кнопка? А то вдруг с тобой что-нибудь случится – и мир пропадет без солнца?

– Со мной? – пугался он. – Нет, не должно!

– А вдруг?

Тогда этот придурок Клод смотрел на меня долгим, прозрачным взглядом, и глаза его становились, как морская вода, синими и пустыми.

– А вдруг? – повторял он растерянно. – Нет, не хорошо. Кнопку я получил от отца, который ее получил от моего деда, значит, я должен передать ее моему сыну.

И тут, из-за угла, как чертенята из табакерки, выныривали Петер и Аника, и мы, втроем, хохотали:

– У тебя никогда не будет сына, Клаус! Посмотри на себя в зеркало!

Но самую забавную шутку выдумала Аника. Она пекла для Карла пирожки со всякой гадостью – просто заворачивала в кусок готового теста что-нибудь несъедобное: бумагу, например, или опилки, и запекала в духовке. Маленький Принц съедал все. Не думаю, что он был такой уж голодный, в конце концов, ему платили какое-то пособие по инвалидности. Скорее, он считал невежливым отказываться от угощения. А может, не хотел огорчать Анику. Морщился, но ел.

– Сожрал! – прыскала в кулак Аника, как только мы скрывались за углом и Карл-Клаус-Клод не мог нас больше услышать.

– А что там было? – интересовался Петер.

– Наверное, его мама в детстве учила не выбрасывать еду, – добавлял я.

– Да угольки, – хихикала Аника. – У нас вчера пицца в плите сгорела, подчистую.

– То-то вкусно! – потешались мы с Петером.

– Сухая трава, – говорила она в другой раз. – Тупой мерин сожрал сено. Вот дебил!

Ничего бы, наверное, не случилось, если бы однажды, незадолго до рождества, Маленький Принц не разлил Анику.

– Бедная девочка, никто тебя не любит, – пробормотал он, откусив очередной пирожок.

Клаус, вероятно, хотел сказать, что некому было научить ее готовить, но Анику и в самом деле никто не любил. Она жила в приемной семье, и неродные папа-мама получали за ее воспитание деньги.

Так что Аника взбесилась.

– Ну, я ему покажу! Я завтра так-о-е испеку! – грозилась она, и глаза ее недобро блестели.

Стоял беснежный, холодный декабрь, и Клаус-Клод сидел у дверей своего дома, постелив на скамейку газету. Мы подошли гурьбой – мерзлая земля хрустела под ногами – и Аника протянула ему свою выпечку. Завернутое в

кусочек теста подгоревшее нечто, оно еще хранило, казалось, домашнее тепло, и Маленький Принц благодарно взял его двумя руками.

– Спасибо, – он откусил примерно треть и проглотил, не пережевывая, как пеликан глотает рыбу. – Горячий! Хорошо зимой, согревает... А, знаете, я передумал, друзья. Я покажу вам кнопку. Вам троим. Вдруг сына у меня не будет, и мало ли что.

Мы с Петером так и покатались со смеху. Но не смеялась Аника, а Клод отчего-то сник и, застонав, схватился за живот.

– Поздно, – проскрипел он, хотя никто не спрашивал, который час, и, согнувшись в три погибели, уполз домой.

Мы переглянулись.

– Что это он? – недоуменно спросил Петер. – Живот прихватило?

– Ребята, – сказала Аника, и голос ее морозно звенел, – я ему стекло насыпала в пирожок. Утром стакан разбила, случайно, а осколки смешала с хлебными крошками и...

– Зачем?! – одновременно закричали мы с Петером.

– Я не знала, что он сразу проглотит. Думала, откусит и язык обрежет...

Она беспомощно пожала плечами.

– Может, в больницу позвонить? – предложил я. – Пусть скорую за ним пришлют. А то помрет еще.

– Да ну, – отмахнулся Петер. – Ты хочешь, чтобы у нас неприятности были? Сам позвонит. Уж телефон-то у него дома есть?

– Я не уверен. И не сделают нам ничего. Мы несовершеннолетние.

– Пошли отсюда, – разозлился Петер.

Он, действительно, развернулся и ушел, а мы с Аникой немного пошатались по улицам. Настроение было испорчено. Мысли все время крутились вокруг Маленького Принца. Хоть и никчемный тип, но и плохого он никому не делал. Не за что было его стеклом кормить.

Стоя у соседского палисадника, Аника вдруг расплакалась.

– Алекс, а если он, и правда, умрет? Урод этот. Я что, получается, человека убила?

– Ну... – я не знал, что сказать ей в утешение. – Ну, и ладно. Может, обойдется как-нибудь. Хочешь, я для тебя зимний цветок сорву?

Посреди колкого куста, на гибком, точно резиновом стебельке торчала полусухая роза.

– Не надо, она чужая, – Аника вытерла слезы. – Пока, Алекс. До завтра.

В декабре дни короткие. Не успеешь оглянуться, как уже стемнело, но этот – съезжился как-то удивительно быстро, увял, точно зимняя роза. Закатные оранжевые лучи скользнули по голым верхушкам яблонь, словно попрощались.

Зато ночь тянулась и тянулась. Я просыпался, открывал глаза и, видя, что темно, снова засыпал. Каникулы, в школу идти не нужно. Наконец, почувствовал, что выспался, что больше не хочу. Встал и подошел к окну.

Темнота. Только за поворотом горел фонарь, и там, где на асфальт падал его свет, улица блестела.

И тут зазвонил телефон.

– Алекс, – заорал в трубку Петер, – ты знаешь, который час?

– Поздно, – буркнул я машинально, – ...э... что?

– Полдвенадцатого!

– Дня или ночи?

Я плохо соображал спросонья. В густом пепельном мраке сиял фонарь. Блестела улица. Мир словно превратился в дом с наглухо закрытыми ставнями.

– Дня, идиот!

– И что?

– Что-что! А то, что нам теперь самим придется искать эту чертову кнопку!

Милостыня

Наталья Сафронова

Она каждый день стояла на этом перекрестке. На груди – жестяная банка на веревке с надписью «Подайте Христа ради». Марго отводила глаза, спешила пройти мимо. Было в облике попрошайки что-то театральное: длинная черная юбка, седые распущенные по плечам волосы, она походила на городскую сумасшедшую.

В обед Рита встречала нищенку в кафе. Та заказывала первое, второе и десерт, расплачивалась мелочью из жестяной банки, старательно отсчитывала монеты. Рита снова отводила взгляд. Однажды женщина подошла с подносом к ее столику:

– Не помешаю?

Рита растерянно кивнула. Отложила нож и вилку, но уйти сразу было неудобно.

Нищенка доедала суп. Посмотрела на Риту:

– Любопытствуете?

– Нет, – смутилась девушка.

– Я давно вас заметила, – усмехнулась незваная собеседница. – Брезгуете мной, а все-таки любопытствуете, как я докатилась до такой жизни.

Марго промолчала.

– Вы сами-то умеете – просить? – нищенка внимательно посмотрела на Риту.

– Зачем? – не поняла Марго. – «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас». *

– Не верь, не бойся, не проси, – усмехнулась нищенка. – Это гордыня, милая.

Марго изумленно приподняла брови: попрошайка – а туда же, жизни учит!

На следующее утро Марго торопилась на службу, но все-таки поискала глазами нищенку. Та стояла на привычном месте.

– Тоже работает, – усмехнулась девушка. Однако притормозила, подошла поближе. Все было как обычно, но что-то изменилось. Девушка всмотрелась в лицо попрошайки и отшатнулась. Это была она, Рита, в длинной черной юбке, с седыми волосами. Постаревшая – седина никого не красит, но все-таки она себя узнала. Внутренний голос подтвердил:

– Это ты, не сомневайся.

– Что за чертовщина, – пробормотала про себя Марго. – Не могу же я ни с того ни с сего встретить в городе – себя. Да еще седой попрошайкой. Может быть, я сошла с ума? Мало ли похожих людей?

Марго усилием воли заставила себя развернуться и идти на работу, и увидела – что у нее это получилось. Буквально воочию она смотрела на себя со стороны.

Кто-то подал Марго милостыню. Девушка качнула жестяную банку: гремит. Наверное, я сплю. И все это мне снится. Однако проснуться не получалось.

Мимо проходили люди, а Марго все стояла, придерживая руками банку с надписью «Подайте Христа ради!» Вдруг девушка увидела в толпе прохожих свою мать. Та не заметила Марго, не узнала.

– Как же это может быть, ведь я похоронила маму прошлой весной, – подумала Рита. – Наверное, я умерла, и все, кого я вижу – тоже умерли.. Интересно, а кто же похоронил меня?

Почему мама не встретила меня здесь, ничего не объяснила? И почему так тяжело стоять? И где вчерашняя нищенка, почему я заняла ее место?

Странный сон, если это сон – был бесконечным. Марго видела себя настоящую, как она шла с работы, недоуменно взгляделась в нищенку на перекрестке. Наверное, примерно также Марго смотрела на попрошайку, которая подседа к ней в кафе. День заканчивался и начинался сначала. Люди просыпались и шли на работу, потом возвращались домой и спали. Марго все стояла на перекрестке, как на паперти. Может быть, я все-таки умерла – и это мой личный ад? Сизиф снова и снова катит в гору камень. А Марго беспрерывно просит милостыню. Жестяная банка наполняется до краев монетами – и становится пустой. И все начинается сначала. Наверное, Марго должна что-то осознать – тогда этот ужас прекратится. У нее так бывало, когда она проваливалась в страшный сон и искала выход.

Стоп! – неспроста она видит себя со стороны. Марго настоящая удивляется себе в кошмаре, она такую себя не знает и не приемлет. Какую такую? Просящую. Нищенка сказала Марго: научись просить. Ах да, просить-то она и не умеет! И просьбы, обращенные к ней, вызывают у нее приступы раздражительности. «Унижение паче гордости»**. Интересно, как это может быть, чтобы она проходила мимо и видела сама себя со стороны. При этом ощущение невыносимой усталости – реальное...

Марго снова увидела свою старенькую маму. Рита была поздним ребенком, родители баловали ее. Дочка привыкла не просить – а приказывать. «Хочу! Хочу! Хочу!» – вспомнила вдруг Марго детский фильм «Морозко». Мама любила показывать ей советские фильмы. Маленькая Рита смотрела их с удовольствием, но подросла и стала называть – доисторическими. И стыдилась родителей, у всех молодые – а у нее старые. Мама тряслась над дочкой, не отпускала одну гулять, они с отцом встречали ее даже из художки. А потом папа умер. Мать и вовсе стала цепляться за дочь как за соломинку. Измучила ее своей опекой. И Марго решила жить самостоятельно, снять квартиру, она к тому времени уже работала. В школу не пошла, хотя мама об этом мечтала.

– Ты замечательно рисуешь, и тебя любят дети, – задумчиво говорила мама. – У тебя педагогический талант, доченька.

– Какой еще талант, мама! – морщилась Марго. – Я не хочу вечера напролет готовиться к урокам, как ты.

Марго вдруг сунула руку в карман юбки и достала мел. Поставила жестяную банку на асфальт и принялась рисовать. К ней подошла маленькая девочка и присела рядом на корточки.

– Нарисуй мне лошадь, – попросила девочка.

– Давай вместе нарисуем? – предложила Марго.

К вечеру весь тротуар был разрисован детскими рисунками, день прошел незаметно.

– Кажется, у меня появились ученики, – улыбнулась Рита. – Мама была бы рада.

Когда Рита сняла квартиру, мама сначала звонила ей сто раз на дню. Потом реже, но все равно не вовремя.

– Я так устаю на работе, – ворчала Рита. – Я же все время разговариваю с клиентами. Думаешь, легко? У меня не остается сил на беседы с тобой.

Мама почти перестала ее беспокоить, Марго приходилось звонить самой, спрашивать, как дела. У мамы было все хорошо, только обреченный тон, как в сказке про Марью-искусницу (Что воля, что неволя – все равно) дочери не нравился. Ей хотелось, чтобы мать была рядом и при этом не мешала. Наверное, время в пустой квартире для мамы тянулось также бесконечно, как для Риты сейчас. Рита тогда словно бы не замечала, что мать ждет ее внимания, как милостыни. Мама словно бы становилась меньше, тише, незаметнее...

137

Даже ухаживать за мамой Рите не пришлось. Только похоронить. Наверное, если бы мама могла, то и похоронила бы себя сама. Рита плакала, она вдруг ощутила себя маленькой и никому не нужной. И отвоеванная свобода опостылела. Было очень больно, но с этим нужно было как-то жить. Марго внутренне отгородилась ото всех. Ни с кем не разговаривала. Никому не рассказывала про свое одиночество. Как тут расскажешь? Мама боялась попросить дочь об одолжении, теперь Рита не хотела ни с кем делиться своими задушевными историями. Тем более, что она так уставала. День был заполнен, переполнен деловым общением. Даже обедать Марго предпочитала одна, чтобы отдохнуть от людей. Жила по-прежнему на съемной квартире, а свою сдавала. Чтобы не разговаривать с соседями, которые хорошо знали родителей. Застегнулась на все пуговицы, в душу никого не пускала. Единственное – зацепилась взглядом за эту нищенку. Та под села к ней в кафе со своим супом...

Марго внимательно всмотрелась в толпу. Мама! Как же Рита соскучилась по ней! Да, это она. Идет, опирается на клюшку. Сама себе купила, Рита не нашла времени сходить с ней в аптеку, выбрать... Марго пошла матери навстречу. Взяла под руку.

– Мама, обопришь о меня, – попросила она. – Тебе удобно?

Мать кивнула, замерла около рисунков на асфальте:

– Это ты рисовала?

– Мои ученики, – улыбнулась Марго.

– Придумщица, – просияла мама. – Фантазерка ты у меня.

Мама оглядела дочь:

– У тебя очень красивая прическа.

Марго покраснела:

– Седой сейчас в моде.

– Ну почему же седой? Ты у меня рыжая, как солнышко, – улыбнулась мать.

Рита удивленно оглянулась, увидела свое отражение в окне школы.

Действительно, рыжая. В джинсах, с рюкзаком за плечами. Она и не заметила, как они с мамой оказались у художественной школы.

– Мама, это же моя школа! – Марго почувствовала, как слезы закипают у глаз.

И вдруг вспомнила, что мамы больше нет. Наваждение какое-то... Рита смахнула слезы и быстро взбежала по ступенькам крыльца. Взялась за ручку двери. Завтра первое сентября. А вдруг есть вакансия учителя?

** М.Булгаков «Мастер и Маргарита»*

*** Евангелие от Луки. Притча о мытаре и фарисее.*

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Первичное исследование»

Научно-популярный журнал «Просто о сложных вещах»

Марина Юнг

Холодильник обыкновенный (далее – ХО) – весьма загадочное устройство. По своей притягательности близок к таким объектам, как чёрные дыры, Бермудский треугольник и подобные места Вселенной.

Если не паниковать и хорошенько подумать, половина драматических ситуаций с похищением людей инопланетянами разрешится сама собой. В самом деле, практически каждый человек может вспомнить ситуацию, когда он, отправившись на кухню с невинными намерениями (почистить картошку, запустить посудомойку или, к примеру, сменить мусорный пакет) внезапно обнаруживал себя задумчиво стоящим перед дверцей ХО в полном непонимании, как он здесь оказался.

Эти провалы в памяти как правило абсолютно безвредны и проходят бесследно в момент взгляда на ХО. Очнувшись, люди вновь обретают способность мыслить примерно по такой схеме. Пункт первый: что привело меня сюда? Пункт второй (и главный): раз уж я здесь, то не открыть ли мне дверцу?..

139

Если ваши домочадцы потерялись в квартире, не теряйте время, идите к ХО! Нам известно из достоверных источников, что именно мысли о ХО подсказали создателям всеми любимого фильма наилучший вариант названия: «Место встречи изменить нельзя!»

Проснувшись ночью от того, что супруг/супруга ищет тапочки, собираясь выйти из комнаты, совершенно не нужно задавать нелепый вопрос «Куда ты идёшь?»

Самое умное, что вы можете сделать, это жалобно попросить: «Принеси и мне кусочек». Тогда и самим не придётся вставать!

«А может ли случиться так, – спросите вы, – что частое посещение ХО будет иметь какие-нибудь катастрофические последствия?»

Увы, может. Тем нашим читателям, кто достиг просветления в изучении ХО, ничего не остаётся, как перейти на следующий уровень и познакомиться с такими явлениями как турник, велотренажёр, шведская стенка и т.д., но об этом в следующем выпуске. До новых встреч!

Кладовка
NataOven

Кладовка – самое загадочное помещение в квартире. Никто точно не знает, что и в каком количестве в ней находится. Попадающие в кладовку предметы имеют свойство растворяться в пространстве. Вещи так рады изобилию полок и коробок, что не знают какую выбрать, вот и перебегают с места на место. Обжившись немного на одной полке или в ящике, они начинают мигрировать в поисках лучшего места обитания, выясняя отношения с соседями.

Открыв дверь кладовки, хозяйка приходит в изумление: что-то вроде бы где-то есть, но вот где – загадка без ответа. Устало вздохнув, она откладывает все дела и, доводя себя до изнеможения, наводит порядок, необходимый ей, но никак не вещам, находящимся в кладовке. Поэтому, как только хозяйка с чувством выполненного долга закрывает за собой дверь, вещи начинают перебираться на новые места. И через какое-то время банки с консервированными огурцами соседствуют с утюгом, а зимнее пальто рассказывает о своих приключениях новой соседке – гладильной доске.

Подглядывание за вещами в замочную скважину, неожиданное появление хозяйки в разное время суток никак не поясняют происходящее. Частичный ответ даёт наблюдение за кошками, у которых есть своё мнение о порядке. Просочившись сквозь плотно закрытую дверь, кошка быстро оглядывает помещение и выбирает надёжное место для сна. Забравшись на полку (высота над уровнем пола не имеет никакого значения), кошка избавляет её от лишних, со своей точки зрения, предметов, создав на полу кладовки живописный беспорядок и вызвав приступ паники у вещей, в мгновение ока ставших бездомными. Выспавшись, кошка спокойно покидает кладовку, так и не вернув на место разбросанные вещи.

Заглянув в очередной раз в кладовку, хозяйка начинает понимать, что она ничего не понимает, а вещи играют с ней в какую-то игру по правилам, с которыми она не знакома. Махнув рукой, она идёт в магазин, чтобы купить то, что точно есть в кладовке, но никак не хочет быть найденным. В этот момент кладовка представляется хозяйке родственницей космической чёрной дыры. Причём не очень близкой, потому что вещи не всегда исчезают бесследно. Иногда они соизволяют появиться из глубин космоса (извините, кладовки), правда чаще всего тогда, когда надобность в них уже отпала.

Вернувшись домой, хозяйка привлекает к наведению порядка знакомого с законами физики мужа, отвлекая его от пенного напитка и голубого экрана. Они раскладывают вещи по полкам и ящикам, составляя опись запасов с точным обозначением места нахождения. Спустя какое-то время, всё

возвращается в начальное состояние. Глядя на своеобразный порядок в кладовке, муж подтверждает наличие родственных связей кладовки с чёрными дырами и прочими аномалиями, потому что действие законов гравитации, левитации и прочих в кладовке отличается от действия этих законов во всех остальных местах. Муж обещает начать исследование загадочных перемещений, но только после победы нашей футбольной команды на чемпионате мира.

Поэтому в обозримом будущем кладовка продолжит жить по собственным законам.

Дела житейские
GP

– К-ран? К каких ран? – Герда с сомнением посмотрела на Снежную королеву.
– Чего-то ты мудрствуешь, твоё Величество. Да, я поморозила щёки, пока сюда шла, но ран нет.

– Кран, говорю. Замёрз. Водопроводный. – Королева угрюмо отбросила разводной ключ, разбив почти собранное Каем слово. – Лыдинок не хватает. Твой дружок милый каждый раз почти собранное слово портит. Вот и морожу ему заготовки.

Девочка в телогрейке и роскошно одетая женщина невнятного возраста склонились над новомодным сантехническим изобретением.

– Финская штучка. Три года гарантии давали, а он первую зиму не пережил.

Королева плюнула с досады. Мгновенно среагировав, Кай подобрал упавшую лыдинку и попытался пристроить её среди прочих ледяных осколков.

– Схема есть. Как работает, к чему подключен: всё нарисовано. Давай вдвоём подумаем, может запустим. А паренёк пусть отдохнёт. – Королева с надеждой посмотрела на девочку. – Дело есть дело. Раз начали, надо слово дописывать. Иначе ведь прожектёрами назовут...

Кран заманчиво поблёскивал никелем и медью. Герда, нагнувшись, заглянула в сливное отверстие. Оттуда на неё смотрел «ледяной глаз тролля».

– Слушай, Величество, может затянуло из озера в трубу какого пакостника, и он вылезать наружу не хочет? Или обиделся, что не ему ты складывать слово доверила? – Девочка подняла ключ и с силой ударила по крану. – Смотри-ка. Что-то вывалилось. Если долго бить, может всего негодя, оттуда выстучим?

– Но-но, внешний вид испортишь! Вещь-то не дешёвая. Да и водичка не озерная. Артезианская! – Королева обняла девочку и забрала у неё инструмент.
– Тут другое. Думаю, если вентиль посильнее отвернуть, напором воды всю заразу выбьет. Давай-ка на пару. Раз-два, взялись...

Герде показалось, что оглушающий треск был виновником падения, словно гром и молния слетели с небес, карая её, вдавливая с головой в снег. С трудом выбравшись из сугроба, девочка увидела, что из другого сугроба торчат ноги в дорогих сапогах. «Вот так так! – Подумала Герда. – Что-то пошло не по плану. И что это у меня в руке?»

Половинка вентиля, всё ещё прекрасная своим медным блеском, похожая на праздничный крендель, которым угощала ребят на праздник бабушка, ввергла Герду в ужас.

– Я сломала кран! И Королева, наверное, из-за меня сильно побилась. Не девочка ведь, такие ужасы переживать.

Подбежав к развороченному механизму и обнаружив, что от финского чуда техники почти ничего не осталось, глянув на ноги, торчащие из сугроба, Герда зарыдала горячими слезами. Одна слеза попала на водопроводную трубу, та оттаяла, и в небо взметнулся фонтан воды. Капли застывали на лету, падая алмазами льдинок. Прибежавший Кай, счастливо смеясь, набивал ими карманы. И тут чья-то рука легла на плечи девочке.

– Вот сейчас её Величество и предъявит счёт. Это же надо – новую финскую сантехнику испортить угораздило. – подумала Герда.

– Пойдём, я научу тебя быть Королевой, – сказала Королева. – Ведь если Кай опять не сложит слово, кто-то должен за ним приглядывать и дальше. А я, как ни печально, не вечная...

Ковёр, или всё хорошее – только из-под палки!

Таёжник

Давным-давно, ещё в каменном веке пещерные люди, идя на охоту на мамонта, сами страдали от нападения диких животных. Особенно опасными были звери семейства кошачьих – тигры, леопарды, пантеры. Поэтому перед охотой исполнялся своеобразный ритуал. Шкуры, ранее убитых этих кошачьих, сшивались в один большой лоскут, который водружался на вкопанный столб. Затем люди бегали вокруг пятнисто-полосатого полога и с оглушительными воплями колотили по нему палками, давая понять остальным хищникам, что будет с ними, если вдруг надумают напасть. Когда назревал дождь, полог заносился в сухую пещеру и развешивался на каменной стене. Женской половине племени так понравился уют, который создавал этот большой пушистый оберег, что они упросили мужчин выносить его только на время ритуала и тут же вешать обратно. Вот так и появился ковёр. За сам ритуал со временем призабыли, а, вот, стучать по нему палками вошло в традицию. Вот и стучим до сих пор!

Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич»

Психиатр. «Ваши идеи – мои рецепты».

АлеХ

Электронное голосование (просто поцелуй экран).

ВоЛена

Тамерлан. Незабываемые туры в Европу.

Николай Яковлев

Оставайся человеком! Вода «Сестрица».

Ирина Архипова

Турагентство «Робинзон» – Пятница ждёт Вас!

Сергей Че

145

Бытуслуги. «Мастер на час. Маргаритам скидки».

АлеХ

** победители в авторском зачёте*

АлеХ

Психиатр. «Ваши идеи – мои рецепты».

Бытуслуги. «Мастер на час. Маргаритам скидки».

Автовенеролог. «Вылечу любой поцелуй».

Николай Яковлев

Тамерлан. Незабываемые туры в Европу.

«Первый поцелуй в неволе» – во всех ЗАГСсах страны!

Тридцать пять тысяч одних курьеров. Яндекс.Еда.

Сергей Че

Турагентство «Робинзон» – Пятница ждёт Вас!

Пояс верности – Посторонним В.

Мосты Петербурга. – Влюблён? Поцелуй её на каждом.

ВоЛена

Электронное голосование (просто поцелуй экран).

Литгалактика – космос в тебе.

Первый секс? ВКонтакте гарантирует безопасность.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары»

Помойка. 1986

Юлия Лавданская

Когда я училась на 1 курсе Московской Консерватории, я пошла подрабатывать в её знаменитый Большой Зал уборщицей. Потому что я училась на оркестровом факультете, а мне страсть как хотелось петь. И нужны были деньги на вожделенные занятия вокалом.

Но была и еще одна тайная причина: в 1986 году проходил очередной конкурс им. Чайковского, и работа в БЗК давала мне возможность слушать все выступления пианистов и вокалистов. А так я бы шиш туда попала, в те годы народ в Консерваторию ломился и лишний билетик урывали немногочисленные счастливицы.

Мой участок был – правая лестница и правая сторона гардероба. Нормальная такая площадь, несколько часов занимало все подмести, пропылесосить и вымыть. И вот однажды сижу я на этой лестнице, работаю, оттираю какие-то пятна с ковра, и вдруг вижу своего бывшего одноклассника по Гнесинке, пианиста. Он, оказывается, приехал из Америки, (куда незадолго до этого уехал), чтобы участвовать в конкурсе. Вальяжный такой, почти лысый, взрослый, с налетом надвигающейся американской гегемонии. А всего-то год назад мы с ним на выпускном одинаково веселились. И я вижу в его глазах легкое удивление, и он, после дежурного «Привет!», изрекает мне:

– Да... каждому своё!

Не поспоришь.

Забегая вперед, скажу, что он вылетел с первого тура.

А я впала в меланхолию и созерцание своего внутреннего Я. Если каждому своё, то какое оно – моё «своё»? Так в раздумьях закончила работу, отучилась положенные пары, позанималась, поехала домой.

Около моего дома находилась, и сейчас находится, замечательная помойка. Сколько чудесных вещей она нам подарила, кроме шуток! В их числе не только невоскрытый набор формочек для печенья, детский раскладной стульчик в чудесном рабочем состоянии и куча прочих нужных мелочей, но и огромная библиотека детских фортепианных нот с экслибрисом «Е. Витер», которой мы пользуемся и по сей день. Но это я ушла в сторону.

А в тот вечер, шагая вся в печальных думах о предназначении человека в этой жизни, я на этой помойке вдруг увидела прекрасного молодого человека. Это был истинный Принц, только вместо короны его кудри венчала кепочка, а вместо скиптра, или чего там, в руках он держал метлу. И наши глаза встретились, и я так всем сердцем умилилась до слез, поняв в нем своего, человека, убирающего грязь за другими, такого же, как я, брата по крови, что из глубины уборщицкой моей души вырвалось приветствие:

– Бог в помощь!

И он улыбнулся мне, и что-то ответил, и жизнь засверкала яркими красками, а пианист укатился из моего сознания в свою Америку, если не дальше.

Принц с помойки оказался нашим соседом, студентом мед училища и фельдшером скорой помощи, а в тот вечер он помогал своей маме – дворнику. Мы подружились, а потом поженились и жили долго и счастливо, да и сейчас живем.

Выбор пути. Конкурс «Выбери свой день»

Мика, ежик и кораблик

Наталья Сафронова

Кажется, это началось в день рождения. Отец пришел взглянуть на новорожденную, и она ему не понравилась. Брезгливо сказал:

– В вашу породу...

И отвернулся. И вокруг Мики засквозил холодок, ей стало неуютно на слабых маминых руках. Мама старалась обнять дочку покрепче, защитить от сквозняка, но Мика все равно мерзла. Этот внутренний холод преследовал ее потом всю жизнь, даже в жару Мика порой зябко поводила плечами. Именно такой, съжившейся, видела себя внутренним зрением. Мике казалось, что она переживает жизнь до более комфортных температур. Так в книге перелистываешь скучные страницы. Пожалуй, не совсем верное сравнение, но что-то в нем есть. Ведь эти страницы так и остаются непрочитанными.

В детском саду Мика подружилась с мальчиком. Сад только открылся, Мика и Ваня были первыми воспитанниками и с удовольствием играли вместе в куклы и в машинки. Им не хотелось расставаться, Мике, во всяком случае, не хотелось. Девочка звала маму в гости к Ване. Мама не соглашалась.

– Тогда ты позови к нам в гости Ваню с его мамой? – просила Мика.

Мама снова не соглашалась. А потом в группу пришли другие дети, среди них была девочка, очень похожая на Мику, только лучше. Почему лучше, Мика не сумела бы объяснить, просто Ваня стал дружить со Светой. Мику тоже звали играть, но она отказывалась. Не желала делить Ваню с новенькой, хотела владеть им единолично. Внешне это как будто никак не выражалось. Однако проходя мимо, Мика спотыкалась, падала и ломала замок из кубиков, который они только что построили. Мика спросила маму:

– Почему ты не назвала меня Светой? Можно, я буду Светой?

Ей казалось, все дело в имени. Когда она в садике сказала, что ее зовут Света, другие дети стали над ней смеяться.

– Микаэла – редкое имя, а этих Свет – пруд пруди, – сказала мама.

Мика брала коробку с карандашами и усаживалась за стол. Рисовала кораблик, на нем маленькую девочку. Ей хотелось уплыть далеко-далеко. Она не знала,

куда именно. Но надеялась, что Ваня тоже сядет на кораблик и уплывет вслед за ней. В этом далеке будет новый детский сад, они будут играть вдвоем в группе и кататься на качелях на участке, а других детей там не будет. Ваня заглядывал через Микино плечо на рисунок, подталкивал ее, и на листке появлялись кривые полосы. И казалось, что на море шторм, а в небе – молнии. Мика продолжила одну из молний, дописала букву «М». Получилась роспись художника.

Однажды Мика ночевала у воспитательницы. Мама забыла забрать ее из садика. Вернее, мама попросила отца забрать дочку, а тот забыл. Девочка простояла у окна, представляла, как она покажет отцу детсадовскую белку. Можно будет остановиться в фойе у клетки с белкой и потихоньку посмотреть в зеркало, сравнить, похожа ли она на отца хоть капельку. Мама говорит, что похожа, но Мика не знает, можно ли ей верить. Воспитательница Анна Андреевна привела Мику к себе домой. Девочке хотелось плакать, но слезы застыли в глазах, как льдинки. Губы тоже застыли и не хотели говорить. Анна Андреевна спрашивала:

– Мика, ты кашу будешь?

Мика смотрела на нее и молчала. Анна Андреевна обняла девочку и спросила:

– Ну что ты? Ты же единственная в группе выговариваешь мое имя и отчество, а сейчас молчишь.

Анна Андреевна постелила ей на диване в маленькой комнате:

– Это комната моего сына, он в армии.

Мика посмотрела на фото солдата на письменном столе. У них дома на стене висела большая фотография отца в солдатской форме. Мика спросила маму:

– У отца на фотографии уже была дочка?

У нее получилось «у отца». Мама не сразу поняла, у какого «отца» и какая дочка. Когда поняла, сказала:

– Нет, тебя тогда еще не было. Я ждала папу из армии. Нужно говорить: папа.

Мике очень хотелось сказать «папа», но не получалось. И сейчас, устроившись на диване у Анны Андреевны, она подумала, что мама и отец про нее забыли. Мика закрыла глаза, они были тяжелые от невыплаканных слез. Анна Андреевна вышла из комнаты. Тогда Мика выскользнула из-под одеяла и

подошла к окну. И увидела, как к подъезду торопливым шагом идет мама. Девочка метнулась было к двери, потом замерла на долю секунды и нырнула под одеяло. Услышала звонок, сбивчивый извиняющийся голос мамы. Анна Андреевна заглянула в комнату, Мика быстро закрыла глаза.

– Она спит, – тихо сказала воспитательница. – Не волнуйтесь, все хорошо. Завтра мы вместе пойдем в сад, у меня первая смена.

Утром Мика встречала в садике детей вместе с Анной Андреевной. Девочка никому не рассказала, что была в гостях у воспитательницы, но иногда серьезно смотрела на Анну Андреевну, ей казалось, что их связывает общая тайна. И преисполнялась важностью и ответственностью. Помогала нянечке накрывать завтрак. Потом раздавала альбомные листы для рисования. Нечаянно задела стакан с водой на Ванечкином столе. А может, Ваня сам опрокинул. Мика наткнулась на возмущенный взгляд мальчика, он даже крикнул:

– Ну ты!..

Мика быстро развернулась и убежала. Анна Андреевна вышла за ней в раздевалку:

151

– Мика, ты рисовать-то будешь?

Девочка кивнула. Рисовать она любила. Вернулась в группу, села за свой стол, набрала краску на кисточку...

– Откуда взялся ежик в зимнем лесу? – удивилась воспитательница.

– Погулять вышел, – объяснила Мика. – Проснулся, а тут зима.

Мика представила, как ежику любопытно и неловко, как все недоумевают, глядя, как он тонет в глубоких сугробах... Потом ежик провалился так глубоко в снег, что уже не захотел вылезать. Свернулся клубочком и уснул. Девочке тоже захотелось закутаться в одеяло и долго не просыпаться.

После обеда за Микой неожиданно пришла мама. Не то, чтобы Мика о ней забыла, но словно бы старалась не думать. Не ждать. Девочка выпрямилась, как струнка, ей показалось, что мамино лицо расплывается, как белое пятно, было больно глазам. И в то же время хотелось уйти из сада раньше других. Мика поймала заинтересованный взгляд Ванечки. Да, это здорово, когда тебя забирают, а все остальные ложатся спать.

Мика шла с мамой за руку, но не успевала за ней.

– Я же медленно иду, – тихонько сказала мама, присела на корточки, заглянула дочке в лицо. – Ты обиделась на меня?

Мика качнула головой из стороны в сторону, ей стало жалко маму.

Дома она рисовала гуашью на окне. Представляла, как завтра будет украшать окно в их группе в детском саду к новогоднему празднику. Анна Андреевна похвалила ее деревья на занятии:

– Как настоящие. Завтра ты разрисуешь наше окно ветвями рябины и снегирями.

Мика никогда не видела живых снегирей, только в книжке стихов Агнии Барто.

Я одну такую птицу
За стеклом видал в окне,
Я видал такую птицу,
Что теперь не спится мне.
Ярко-розовая грудка,
Два блестящие крыла...
Я не мог ни на минутку
Оторваться от стекла.

152

Девочка внимательно рассмотрела снегирей на картинке и срисовала точь-в-точь. Мама сказала:

– Хорошо получилось.

Раньше поругала бы, но после того, как Мику забыли в детском саду, что-то произошло. У Мики стало чуть больше свободы, теперь ей многое разрешали. Не до нее, каждый занят собой. Мама замирала вечером с книгой при свете торшера, не спала и не читала. Мика полистала ее книгу: ни одной картинки. Однако мама переживала не из-за отсутствия картинок в книге, а потому что отца не было дома. Потом он приходил, выключали свет, и тишина становилась кромешной. Мика проваливалась в эту тишину, думала, как было бы замечательно, если бы ей купили снегиря. Была бы у нее дома красногрудая птичка. Молчание было бы не таким тягостным. Или ежика, он топотал бы ножками и сопел, тишина дома была бы живой.

Снегири в детском саду получились не хуже, чем дома, даже лучше. Ваня восхищенно посмотрел и сказал:

– А я танк умею рисовать.

Мика пожала плечами. Что танк? Ты снегирей нарисуй!

А потом Ваня перешел в другой сад. Мике тогда показалось, что она больше никогда не сможет легко дышать, а потом привыкла. Открывала альбом и рисовала, дыхание выравнивалось с каждым мазком кисти, становилось свободнее. Потом Мика рисовала букву М как росчерк молнии, и у нее появлялось свое пространство. Кого захочет – пустит, а чужим туда хода нет.

Крепче гвоздей
Марина Старчевская

У деда были золотые руки. Мы никогда не ходили к сапожнику, не обращались к точильщику ножей... В моих воспоминаниях ещё сидит гвоздик в сандалиии, который колет пятку сквозь толстую набойку и подошву. Дед не признавал мелких гвоздей – забивал крепко и на совесть.

Как-то раз, в пору дефицита зелёного горошка, он гостил у сестры в Москве. В Москве, как известно, было всё. Ну, может, не всё, но венгерский горошек был. И дед снарядил посылку. Фанерный ящик с горошком был надёжно забит частоколом гвоздей. Осчастливленные горошком, мы вскрыли посылку и увидели, что по всему периметру ящика (через верхнюю и нижнюю крышки) гвозди прошли сквозь фанеру и пробили каждую баночку. Уцелело лишь несколько штук посередине.

Полки дед прибивал соткой, вылезавшие концы загибал для прочности: дом рухнет – полки останутся висеть.

Город его детства, дореволюционная Одесса, всегда угадывался по южному акценту (слово вариант произносилось, как аверьянт, идиот – идиёт...) Руки мастерового парня из многодетной еврейской артели не знали устали. Семейная артель изготавливала щетки. Самому младшему из братьев удалось окончить РАБФАК и выучиться во ВГИКе на режиссёра. На съёмках фильма «Подвиг разведчика» (1947) именно он придумал фразу: «Терпение, мой друг, и ваша щетина превратится в золото».

Все братья были красавцами. Все пели, танцевали, на чём-то играли. Все воевали во Вторую Мировую. Учиться довелось не всем – деду не пришлось.

Приезжали к нам в гости семьями, садились за стол. Как умещались в квартирке, состоявшей из тамбура-кухни и одной комнаты – ума не приложу!

Вспоминали двоюродных и троюродных, уехавших с началом революции в Аргентину. Старший Володя, прикладывая палец к губам, кивал на форточку, мол, закройте, ещё «настучит» кто-нибудь.

Иногда дед учил меня танцевать танго. Танго было не модно, но мне страшно нравилось.

По пятницам во двор приходил парикмахер Зяма. Он раскладывал саквояж с инструментами и стриг всех мужчин. Честно говоря, больше трепался, чем стриг, щёлкал в воздухе ножницами... Его разговоров и анекдотов хватало на целую неделю.

В детстве я подолгу жила у бабушки с дедом. В буфете лежало много интересных вещей: щипчики, лопаточки для пирогов, небольшие вилочки, серебряные конфетницы, дедовы ордена и медали – всё это разрешалось рассматривать и трогать. А на полке стояла фарфоровая свинья с хвостиком.

– Дед, зачем тебе фарфоровая хрюшка? – дед только плечами пожимал.

В сорок пятом он прихватил её из немецкого дома. Может, загадал – если не разобьётся, то семья благополучно вернётся домой. Удивительно, но свинья в целости доехала в вещмешке и долгие годы глядела из буфета на возвратившуюся из эвакуации семью. И даже мы внуки, играя с дедовыми наградами, к хавронье не прикасались.

Сейчас она стоит у меня на полке. Думаю, что через несколько лет отдам-ка я её своей внучке, если она захочет...

Выбор пути. Конкурс «Кот в мешке»

Крошка-Лис
Виктория Соловьёва

Крошка-Лис был таким маленьким, что легко мог спрятаться за мамиными лапами. Он так и сделал, когда мимо проползала жирная гусеница. Она изгибалась, как осока над ручьём и снова выпрямлялась. Как странно она ходит, подумал крошка-Лис, и спросил у мамы:

– Кто это?

– Это гусеница, – сказала мама, она скоро превратится в летнюю бабочку.

– Такую синенькую, которую я ловил утром?

– Да, малыш!

– Но гусеница совсем не походит на бабочку!

– Зато у неё душа с крыльями бабочки!

– А я в кого превращусь? Я хочу превратиться в папу! Нет, лучше в папу моего друга – Лопушка! Буду большим и зелёным Лопухом. Под моими листьями смогут спрятаться ежата и мышата. А ещё, я буду большим домом для жуков и улиток. Мама, а ты кем станешь?

– Я стану белым облаком как то, которое плывёт одиноко в небе и меняется, становясь то соломенной шляпой, то лёгкой кисейей...

156

У облака точно лисья походка, подумал крошка-Лис, и ему стало грустно. На небе не спрячешься, как в траве, все видят лисьи хвосты – их огненную рыжину на закате... Может сказать маме, чтобы она тоже стала лопухом, размышлял крошка-Лис, пока они шли по тропинке по направлению к ручью. Там недалеко, под древней корягой находился их дом.

– Мама, а папа?

– Что папа, сынок?

– Папа кем был до того как стал Лисом?

Надо его спросить, – задумчиво сказала мама. Им было вместе хорошо. И кем бы они не были раньше, и кем бы не стали потом, главное было в том, что сейчас они были все одинакового рыжего цвета, и это роднило их больше всего на свете.

Уже поздно вечером, когда мама укладывала малыша спать, она тихо шепнула: «Папа был раньше крошкой-Лисом, совсем как ты».

Платье

Наталья Сафронова

Эльвине

Я ищу. Ты ищешь. Он ищет... Каждый свое. Кто-то рвется к деньгам, кто-то – к власти, кто-то ищет применение своему таланту... Я мучительно ищу себя в своих героинях. Качусь, как колобок, по лесу. Встречаю зайца, волка, медведя... Раздариваю себя по кусочку, не жалею...

Марина танцевала – навзрыд. Думаете – так не говорят? Однако Марина танцевала – навзрыд! Слезы катились по щекам. Отрезала от платья лоскут, бросала к ногам партнера... Вызывающе, дерзко! Уходила почти нагая, как русалка, а за ней тянулась полоска красных лоскутков платья, похожая на кровь.

– Кто-то любит, а кто-то предпочитает, чтобы его любили, – говорила Марина.
– Я сама хочу любить, не могу иначе.

Ей казалось, что внутри у нее дремлет река нежности. Встретит свою весну – и разольется половодьем. Марина вставала на цыпочки, тянула руки к солнцу – отогрей! Так она выражала небу просьбу о любви. Даже если растает как Снегурочка – пусть! Для любви – ничего не жалко. Придумывала истории – красивые, страстные, с печальным финалом, как у Ромео и Джульетты. Любовные будни – скучны. Сказка заканчивается там, где начинается жизнь.

– Бабке шестьдесят, а она все ходит на свидания, представляешь, – усмехалась подруга. Она рассказывала про подругу своей матери, та, овдовев, замуж больше не шла, хотя ее звали, предпочитала свободные отношения.

– Представляю, – серьезно кивала Марина. – Любит, наверное.

– Какое там любит? – не поняла Светка. – Съезжаться с дедом не хочет. Зачем, говорит, мне его обстирывать? Лучше будем встречаться. Вроде бы при мужике и в то же время свободна. Поняла?

– Нет, не поняла, – серьезно покачала головой Марина.

– Любить нужно прежде всего себя, – объяснила подруга. – Нельзя все отдавать. Этого никто не оценит.

– Не ценят, – согласилась Марина.

В последнем семилетнем марафоне она выцарапывала любимого из семьи. Ей казалось, что это – настоящее. Они поздно встретились, но теперь – не расстанутся. Марина готова была принять даже его дочь, если жена уступит, конечно. Любимый на такие серьезные осложнения не рассчитывал, и они расстались. С тех пор Марина существовала как сомнамбула. Ходила на работу, возвращалась домой, но при этом словно бы пребывала в каком-то другом мире. В той, прошлой жизни. Перебирала свои ошибки, оплакивала

потери. Радовалась тому, что это прошлое никуда не денется – останется с ней навсегда.

Света затащила ее на фитнес.

– Нужно тебя растормошить, – сказала подруга.

Марина занималась с удовольствием, выплескивая в физических упражнениях боль о несбывшемся, обиду, горечь потери. Бесконечный диалог с любимым, который она постоянно прокручивала в своей голове, словно бы затихал, становилось легче дышать. Но образовавшаяся пустота пугала, и Марина снова судорожно искала ниточку в прошлое.

На Новый год фитнес-клуб организовал вечеринку. Готовили номера. Марина танцевала босоножкой, как Айседора Дункан. Отрезала лоскут платья, дарила себя – не жалела. Плакала. И вместе со слезами освобождалась от прошлого. Она отрезала его, как лоскут от платья. Прошлого больше нет. А будущего – еще нет. Есть настоящее. Время течет, пульсирует кровотоком в венах. Марина ощущает его животворную энергию. И все чувствуют. Девочки вытирают слезы, значит, проняло...

– Ваш с Вадимом номер один из лучших, – сказала тренер. – Будем готовиться к городским выступлениям.

– А Вадим не против? – удивилась Марина. – Я думала, что это так, самодеятельность.

– Это как раз конкурс городской самодеятельности. Потом область, – кивнула тренер. – Серьезный уровень. А Вадим – согласен.

– Я тоже согласна, – прислушалась к себе Марина. И почувствовала, как тихая радость разлилась у нее внутри. Жизнь выравнивается, обретает смысл и некоторую перспективу на ближайшее будущее. Городской конкурс, потом областной... Рядом Вадим – друг и помощник. И есть наставник – тренер... А прошлое – только стартовая площадка. Культурный слой, в котором можно черпать мудрость.

Оглавление

I. Планета Голливуд

Короткометражка

За мужество. <i>Marara</i>	4
Вальс Шопена. <i>Галка Сороко-Вороно</i>	5
Браво, маэстро!	
Ирония судьбы. <i>Ирина Архипова</i>	6

II. Планета путешествий

Созвездие Ориона. Второе путешествие. Три предложения

На парковке. <i>Елена Уварова</i>	9
Семнадцать медведей. <i>Людмила Кац</i>	9
Старая вешалка. <i>Николь Аверина</i>	
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Интересный доклад»	
Есть – хорошо, а нет – ещё лучше. <i>Ирина Архипова</i>	11
Психология клавиатуры. <i>Виктория Соловьёва</i>	13
Клянусь говорить только правду? <i>Aleker</i>	16

Созвездие Дракона. Конкурсы сказок

Талант в наследство. <i>Джон Маверик</i>	18
Сказка о Змее Горыныче. <i>Милана Секоненко</i>	22
Заветное желание. <i>Елена Ланина</i>	26
Мартовское чудо. <i>Джон Маверик</i>	29
Верба. <i>Marara</i>	33
Превратности судьбы. <i>Ольга Альтовская</i>	35
Мотыльки. <i>Marara</i>	37
Записки Птицемыша. <i>Милана Секоненко</i>	40

Земля – Созвездие Мухи. Второй конкурс абсурдизмов

Часы били полночь каждые сутки, но та всё равно приходила. <i>Юрий Викторов</i>	43
Сняв холст с подрамника, грабитель вынес сюр из избы. <i>Marina Khlystova (Марина Юнг)</i>	43
Ботинки постоянно находились в политической конфронтации: один – левый, другой – правый. <i>Марина Старчевская</i>	43
Муж распоясался и завел внебрючную связь. <i>Luda Katz (Людмила Кац)</i>	43
Дураки у нас хорошие – не то что дороги... <i>Сергей Че</i>	43
Высыпаясь после недосыпа, случайно высыпалась вся. <i>Елена Картунова</i>	43
Прямой угол, если ему дать в глаз, становится кривым. <i>Юрий Викторов</i>	43

Глаза у неё закатились. Один под плинтус, другой на рыбалку. <i>Юрий Викторов</i>	43
Сняв холст с подрамника, грабитель вынес сюр из избы. <i>Marina Khlystova (Марина Юнг)</i>	44
В рамках демократических реформ царь в голове отрёкся от престола. <i>Marina Khlystova (Марина Юнг)</i>	44
Фома и Ерёма подали в суд за постоянное обсуждение их частной жизни. <i>Marina Khlystova (Марина Юнг)</i>	44
Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о любви	
Я и Клара. <i>Джон Маверик</i>	45
Вампиренок (памяти Matthew). <i>Marara</i>	51
И что оно такое, эта первая любовь. <i>Владимир Печников</i>	56
Плыли письма по реке... <i>Таёжник</i>	62
Выходила на берег Танюша. <i>Александр Сороковик</i>	65
Красные цветы. <i>Джон Маверик</i>	71
Созвездие Большой Медведицы. Конкурс рассказов о животных	
Когда мы были другими. <i>Джон Маверик</i>	74
Ряба. <i>Туранга</i>	77
Секундное дело. <i>Ольга-Клен</i>	80
Кот и пёс. <i>Александр Сороковик</i>	81
Уууу-ля. <i>Ольга-Клен</i>	84
Люси. <i>shah-ahmat</i>	87
Земля – Орион. Игра в ЦУП (условный 55-словник)	
Меняю рифму. <i>Людмила Кац</i>	89
Объявление в санчасти ЦУП «О лопнувшем терпении». <i>Владимир Печников</i>	89
Меняю руку и сердце. <i>Римма Щемерова</i>	89
О возможных провокациях буквы Зю. <i>Марина Юнг</i>	90
Для потерявших букву ё. <i>Юлия Лавданская</i>	90
Земля – Созвездие Жирафа. Конкурсы рассказов о детях и для детей	
Урожайный день. <i>Елена Ланина</i>	91
С царём в голове. <i>Александр Сороковик</i>	93
Мишкино лето. <i>Ирина Архипова</i>	97
Земля – Созвездие Эридан. Конкурс мистических рассказов	
Мир-подушка. <i>Джон Маверик</i>	99
Растяпа с Лысой горы. <i>Марина Юнг</i>	105
Десятый праведник. <i>Александр Сороковик</i>	108
Хилер (фрагмент). <i>Римма Щемерова</i>	114
Земля – Орион – Минтака. Домашнее задание (55-словники)	

Оглавление

Все дороги ведут... <i>Ирина Архипова</i>	121
Созвездие Гончих Псов. Конкурс фантастических рассказов	
Артиллеристы. <i>Александр Сороковик</i>	122
Аттракцион. <i>Ольга Альтовская</i>	127
Кнопка. <i>Джон Маверик</i>	130
Милостыня. <i>Наталья Сафронова</i>	135
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Первичное исследование»	
Научно-популярный журнал «Просто о сложных вещах». <i>Марина Юнг</i>	139
Кладовка. <i>NataOven</i>	140
Дела житейские. <i>GP</i>	142
Ковёр, или всё хорошее – только из-под палки! <i>Таёжник</i>	144
Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич»	
Психиатр. «Ваши идеи – мои рецепты». <i>АлеХ</i>	145
Электронное голосование (просто поцелуй экран). <i>ВоЛена</i>	145
Тамерлан. Незабываемые туры в Европу. <i>Николай Яковлев</i>	145
Оставайся человеком! Вода «Сестрица». <i>Ирина Архипова</i>	145
Турагентство «Робинзон» – Пятница ждёт Вас! <i>Сергей Че</i>	145
Бытуслуги. «Мастер на час. Маргаритам скидки». <i>АлеХ</i>	145
Автовенеролог. «Вылечу любой поцелуй». <i>АлеХ</i>	145
Тамерлан. Незабываемые туры в Европу. <i>Николай Яковлев</i>	146
«Первый поцелуй в неволе» – во всех ЗАГСх страны! <i>Николай Яковлев</i>	146
Тридцать пять тысяч одних курьеров. Яндекс.Еда. <i>Николай Яковлев</i>	146
Турагентство «Робинзон» – Пятница ждёт Вас! <i>Сергей Че</i>	146
Пояс верности – Посторонним В. <i>Сергей Че</i>	146
Мосты Петербурга. – Влюблён? Поцелуй её на каждом. <i>Сергей Че</i>	146
Электронное голосование (просто поцелуй экран). <i>ВоЛена</i>	146
Литгалактика – космос в тебе. <i>ВоЛена</i>	146
Первый секс? ВКонтакте гарантирует безопасность. <i>ВоЛена</i>	146
Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары»	
Помойка. 1986. <i>Юлия Лавданская</i>	147
Выбор пути. Конкурс «Выбери свой день»	
Мика, ежик и кораблик. <i>Наталья Сафронова</i>	149
Крепче гвоздей. <i>Марина Старчевская</i>	154
Крошка-Лис. <i>Виктория Соловьёва</i>	156
Платье. <i>Наталья Сафронова</i>	157
Оглавление	159

Парад Планет Победители прозаических конкурсов

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

